А. А. АДИЛСУЛТАНОВ

АККИ
и
АККИНЦЫ
в
XVI—XVIII
веках

Грозный
1992

9 (с) 14
А 30

Редактор И. А. Иристанов
Художник М. Б. Магомаев

Издание осуществлено за счет средств автора

А 30 Адилсултанов А. А. Акки и аккинцы в XVI—XVIII веках. Грозный, 1992. с.

В книге кандидата исторических наук А. А. Адилсултанова впервые в научном кавказоведении рассматриваются экономические, социальные и политические отношения в аккинском обществе в XVI—XVIII веках. Показываются взаимоотношения одного из крупных подразделений вайнахской общности с соседними народами.

А $\frac{0301040200—56}{М\ 135(03)—92}$ Без объявл.

ISBN 5—7666—0540—4

© А. Адилсултанов 1992

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что Северный Кавказ является крупным географическим регионом, в пределах которого на протяжении тысячелетий происходили значительные исторические события, имевшие определенное влияние на многие страны и народы. Многочисленные этнические общности, населявшие Северный Кавказ, наряду со своеобразием имели и значительную общность исторических судеб.

Воссоздание достоверной и достаточно полной картины исторического прошлого аккинцев (ауховцев), выявление главных этапов формирования данного этноса, внутренних процессов его развития и внешнего воздействия на него, установление взаимоотношений с северокавказскими народами и представителями Русского государства на Тереке — все это представляется необходимым и важным не только с точки зрения правильного освещения истории аккинцев, но и для более полного понимания исторического прошлого в развитии крупнейшего этноса Северного Кавказа — вайпахов.

Геостратегическое положение Акки во многом определило роль аккинцев в исторических событиях Северо-Восточного Кавказа. Занимая положение связующего звена между Чечней и Дагестаном, имея выход к Тереку и, соответственно, на север от Терека, аккинцы не только испытывали влияние соседних народов, но и сами имели возможность оказывать определенное воздействие на них. Исследование взаимовлияний и взаимодействия аккинцев с другими этническими группами Северного Кавказа и пришельцами может, на наш взгляд, значительно обогатить историческую науку, дать материал для выяснения некоторых сложных вопросов развития народов края.

Изучение прошлого аккинцев имеет важное познавательное и воспитательное значение. Познание прошлого и настоящего, изученного объективно, изложенного связно и последовательно, имеет решающее значение для формирования самосознания аккинцев, ибо в процессе познания во многом и опреде-

ляется сознание этноса. Нерешенность многих сторон исторического прошлого аккинцев оказывает отрицательное влияние на исследование данного региона в целом, создает трудности для освещения истории народов Чечни, Ингушетии и Дагестана.

Необходимость более пристального внимания к истории аккинцев продиктована и другими причинами. Материал, накопленный автором в последнее время, позволяет внести некоторые коррективы и отдельные принципиальные изменения по вопросам процесса так называемого «переселения» аккинцев на плоскость, оформления территориальных границ Акки, места и роли аккинцев в политической и социально-экономической жизни Северо-Восточного Кавказа. Новые данные позволяют также прибегнуть к новой интерпретации известных документальных материалов и традиционных точек зрения, переосмыслить и пересмотреть некоторые устаревшие положения, сложившиеся еще в дореволюционный период и, зачастую, без должной критической оценки перекочевавшие в труды современных исследователей.

В письме от 26 марта 1859 г. известный кавказовед П. К. Услар писал А. П. Берже: «Цель истории объяснить, почему народ формировался так, а не иначе. Но сформирование его определяется вовсе не случайностями, из которых до сих пор лепится история, а элементами постоянными и которые можно изучить» [1]. К сожалению, приходится констатировать, что до настоящего времени различные фрагменты истории аккинцев «делились», и судьба этноса определялась только «случайностями», нежели «элементами постоянными». Прискорбнее всего то, что с самого начала изучения истории народов края, в частности аккинцев, не использовались данные устного и письменного характера, исходившие от самих аккинцев — вся информация об этом этносе бралась «со стороны» и чаще всего со стороны, кровно заинтересованной в искаженной информации об аккинцах.

В научной литературе отсутствует какая-либо картина исторического пути, пройденного аккинцами. Все, чем располагает на сегодняшний день историческая наука — это лишь исследование отдельных периодов, фрагментов, в основном затрагивающих конец XVI—XVII вв.; целостной концепции нет. Из этого и вытекают задачи нашего исследования.

Основной целью нашего исследования является попытка представления последовательной картины становления аккинского этноса в XVI—XVIII вв., определения уровня развития

---

[1] Услар П. К. Этнография Кавказа. ч. II. Чеченский язык. Тифлис, 1888. С. 6—7.

социально-экономических и политических отношений в Акки. Для реализации избранной цели и раскрытия темы исследования нам представляется целесообразным постановка следующих конкретных задач:

дать краткий обзор возникновения и развития Акки, исторического пути аккинцев, территории расселения и этнического состава данного этноса;

показать процесс внутреннего развития аккинского общества, проанализировать уровень развития хозяйственной и социально-политической жизни Акки в XVI—XVIII вв.;

исследовать вопросы, связанные с выходом России на Терек и причины, побудившие аккинцев установить взаимоотношения с ее представителями;

уделить внимание развитию аккино-русских взаимоотношений в XVI—XVIII вв., уточнить последствия политики Русского государства в крае для аккинцев;

определить уровень и состояние экономических и политических взаимоотношений аккинцев с соседними народами и обществами /Чечня, Дагестан/.

Источниковая база исследования весьма разнообразна и неодинакова по степени значимости. Основные письменные материалы по степени значимости можно условно разделить на следующие.

Наиболее обширные документальные материалы, касающиеся взаимоотношений вайнахов с представителями России на Тереке, относятся к последней трети XVI — началу XVII в. Основная масса этих документов, как и документов последующих периодов, содержится в ЦГАДА и ЦВИА, а также в архивохранилищах Ленинграда, Тбилиси, Баку, Грозного, Махачкалы и др. Часть источников была опубликована С. А. Белокуровым [1] и др.

Источники XVII — первой четверти XVIII в. сравнительно бедно представляют различные стороны жизни аккинцев и Акки. Период «Смутного времени» в России, известные объективные и субъективные причины значительно отразились на документальной базе этого периода и до нас дошли в основном сведения, относящиеся к жизни аккинцев-окочан Терского города.

Документальные свидетельства XVIII в. также представлены в нескольких сборниках документов (при учете архивохранилищ), из которых можно выделить «Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.», «Историю, географию и этнографию Дагестана XVIII—XIX вв.», вышедшие соответственно в

---

[1] Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. I. 1578—1613 гг.

1957 и 1958 годах. Названное столетие, по нашему мнению, характеризуется значительными переменами в отношении царского правительства и терской администрации к аккинцам, выразившимся в переориентации царизма в сторону наибольшего благоприятствования и покровительства отдельным не вайнахским владельцам на Северо-Восточном Кавказе; это вызвало попытки подчинения аккинцев и земель Акки отдельным дагестанским владельцам с использованием силы карательных войск и т. н. «караулов».

В качестве дополнительного материала нами привлечены аккинские исторические хроники-рукописи, несколько вариантов которых хранится у местных жителей. Большая часть этих хроник была собрана и обработана местным краеведом И. Исмаиловым, которому выражаю глубокую признательность. Фактически, благодаря стараниям И. Исмаилова многие устные и письменные свидетельства аккинцев о своей истории дошли до сегодняшнего поколения. Почти все свидетельства аккинских исторических хроник, названных нами условно «Рукописью Ибрагимова-Магомедова», находят отклик в официальных (опубликованных и неопубликованных) документах; одновременно содержащиеся в них известия позволяют выявить значительные искажения и неточности по отдельным событиям прошлого аккинцев.

Историческая литература по теме нашего исследования не отличается количественным богатством и разнообразием. Особенно это относится к литературе, исследующей историю народов Терско-Сулакского междуречья с древних времен вплоть до начала XVIII в. Научное кавказоведение начинается по-существу в XVIII в. Начало ему положили труды С. Г. Гмелина, И. Гербера, И. Г. Гюльденштедта и др. Хотя в работах этих авторов не идет речь об аккинцах или Акки, весьма полезны отдельные данные, затрагивающие Терско-Сулакское междуречье.

В XIX в. наблюдается огромный интерес к прошлому и настоящему народов Кавказа, вследствие чего появляется значительное число самых разнообразных работ. Одна из первых работ начала столетия была опубликована Рабинским, в которой, описывая хозяйственную жизнь народов края, он приводит интересное замечание об острове «Чечень», лежащем «против обиталища Чеченцев» [1].

Из авторов XIX в. следует отметить П. Г. Буткова, С. М. Броневского, А. П. Берже, Н. Ф. Дубровина, В. А. Потто, Н. С. Семенова и других. Эти и другие авторы собрали и систематизи-

---

[1] Рабинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губерний. СПб., 1809. С. 13.

ровали большое количество фактического материала по историческому прошлому кавказских общностей, в том числе и вайнахов. В силу своей классовой ограниченности они, однако, не в состоянии были решить поставленную задачу объективно. Явно или неявно, данные исследователи в своих работах утверждали (да и сами в большинстве случаев в это уверовали), что самодержавие выполняло «великую цивилизаторскую миссию» по отношению к местным народам. Связанные с кавказской администрацией и в силу этого оправдывающие колонизаторскую политику царского самодержавия, они обеляли царизм и идеализировали его, приписывая ему все хорошее.

В начале XIX в. русским офицером А. М. Буцковским был высказан тезис: «Аухами называются поселившиеся на землях кумыцких около рек Атташа и Ярух-су карабулакские и частью чеченские выходцы, кои кумыкам дань платят баранами и в обязанности которых давать вспомогательных воинов»[1]. С этого времени данный тезис, введенный явно с «подачи» феодальных кругов Дагестана и при полной поддержке царской администрации на Тереке, закрепился в исторической литературе и просуществовал до настоящего времени; ни до, ни после 1917 года тезис А. М. Буцковского не был подвергнут какому-либо критическому анализу. В процессе нашего исследования мы вернемся к нему и постараемся рассмотреть его всесторонне. Здесь же отметим, что сохранение и всяческая «эксплуатация» данного тезиса не только затрудняет изучение прошлого аккинцев, но и вносит явные искажения и трудности в исследование истории народов Чечено-Ингушетии и Дагестана. К тому же сущность данного тезиса была механически и без всякого на то основания перенесена на более ранний период (XVI—XVII вв.), что еще больше усложнило задачу объективного освещения исторической обстановки в Терско-Сулакском междуречье.

В XX столетии исследователями широко стала изучаться политика России на юго-востоке страны в XVI—XVII вв., международные отношения того времени. Исследования историков, филологов, археологов и этнографов в той или иной мере затрагивали и вопросы исторического прошлого аккинцев: к ним следует отнести труды Е. Н. Кушевой, Н. Г. Волковой, А. И. Шавхелишвили, В. Н. Гамрекели, А. Н. Генко, В. Г. Гаджиева, Я. З. Ахмадова, Ш. Б. Ахмадова, Т. А. Исаевой, Х. А. Хизриева и др.

Несмотря на большую работу, проведенную в прошлом и настоящем учеными-кавказоведами по изучению исторического

[1] Буцковский А. М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г.//История, география и этнография Дагестана. Махачкала, 1958. С. 243.

прошлого вайнахов, остается, к сожалению, еще много проблем и тем, настоятельно требующих своего решения и рассмотрения. В процессе проведенных исследований история аккинцев только начинается, и основные положения работы могут быть в процессе дальнейшего изучения дополнены, конкретизированы и доисследованы. Мы уверены также, что критические замечания и пожелания на эту книгу окажут неоценимую помощь в дальнейшем исследовании поставленной проблемы.

Автор выражает свою искреннюю признательность ученым, принявшим деятельное участие в исследовании темы и научной апробации данной работы: доктору исторических наук Я. З. Ахмадову, доктору исторических наук А. И. Шавхелишвили, кандидату исторических наук Ш. Б. Ахмадову, а также краеведу, жителю села Герменчик Бабаюртовского района Исамуддину Исмаилову.

ГЛАВА I

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. КРАТКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ АККИНЦЕВ ДО XVI ВЕКА

Первые письменные источники свидетельствуют об аккинцах (ауховцах) — обитателях Терско-Сулакского междуречья — с начала нашей эры. Так, известный древнеримский историк и государственный деятель Плиний Старший (Секунда) в 6-й книге «Естественной истории» в числе других северокавказских племен называет и «аккисов», твердо сопоставляемых исследователями с современными аккинцами [1]. Современный исследователь-лингвист Я. С. Вагапов высказал заслуживающее внимания предположение, что под «авхатами» Геродота и «акибами» Клавдия Птолемея также могут подразумеваться аккинцы (ауховцы) [2].

Весьма примечательно, что результаты археологических раскопок, проведенных профессором А. В. Гадло в 60-х годах нашего столетия на окраине аккинского селения Качалкъа, убедительно подтверждают факт постоянного обитания вайнахов в Терско-Сулакском междуречье по крайней мере с начала нашей эры [3].

С середины 1 тыс. н. э. ряд письменных источников фиксирует данные о местном населении. Так, например, сирийская «Хроника Захария Ритора» (555 г.) сообщает о северокавказском племени «аугар» («авгар»), живущем на плоскости и занимающемся преимущественно скотоводством [4]. Этноним «аугар» («авгар»), по всей вероятности, может быть производным от слова «ауг» («авух») с добавлением суффикса множественного числа «ар» /«лар»/, дающий в конечном счете словообразование «аугар» — «авухлар» [5]. Само же название «ауховцы»

---

[1] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. /далее — ИНСК/. М., 1988. С. 84.

[2] Вагапов Я. С. Вайнахи и сарматы. Грозный, 1990. С. 14, 15—16.

[3] Гадло А. В. Новые материалы к этнической истории Восточного Предкавказья//Древности Дагестана. Махачкала, 1974.

[4] Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 165.

[5] Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 13.

/авхой/, как полагает Я. С. Вагапов, «может быть результатом чередования монофтонга с дифтонгом в слове а «равнина», авхой «равнинные» [1].

Широко известная историческая традиция приписывает персидскому Хосрову I Ануширвану строительство большого количества оборонительных сооружений на Кавказе, о которых сообщают ряд арабских источников [2]. В соответствии с сообщениями А. К. Бакиханова и М. Аликанова-Аварского, по крайней мере три названия из источников твердо локализуются на территории Акки: «Кеше» (или «Кешен»), «Гилян» и «маскат» [3]. Все три названия, как известно, сохраняются и в настоящее время как населенные пункты «Кешен» /«Кешне»/ на территории современного Дагестана, а также «Гилна» и «Мескеты» Ножай-юртовского района Чечни. Первое из них — «Кешен» — вновь приводится в арабских источниках, рассказывающих о походах войск Арабского халифата на Северный Кавказ в VIII веке [4].

В предмонгольский период вайнахи в грузинских источниках имеют этническое имя «дурдзуки» или «даурдзуки» и это имя, как полагает доктор исторических наук А. И. Шавхелишвили, покрывало в тот период все вайнахское население нагорной полосы Кавказа и областей, пограничных Грузии [5]. В настоящее время исследуется вопрос о процессах, происходивших в этот период (IX—XII вв.) на территории Акки и состоянии аккинского общества.

С периодом монголо-татарских нашествий и похода войск Тимура на Северный Кавказ (XIII—XIV вв.) связано упоминание территории проживания аккинцев. Этому письменному свидетельству (фиксированию) об аккинцах мы обязаны современникам Тимура — летописцам Шами и Йезди, составившим книги с описанием военных действий войск Тимура на Кавказе, имевшие одинаковое название «Зафар-наме», т. е. «Книга побед». Описывая поход Тимура на Северный Кавказ, состоявшийся в 1395—1396 гг., указанные летописцы приводят топоним «Аухар» и этническое имя аккинцев — «аухар» [6], которые, без сомнения, относятся к Акки (второе название —

---

[1] Вагапов Я. С. Указ. соч. С. 14.

[2] Ибн ал-Факих. Книга стран /Пер И. А. Караулова/ //СМОМПК. Т. 31. Тифлис, 1902. С. 15; Ибн-Хордадбе. Книга путей и царств/ Пер. Н. А. Караулова//СМОМПК. Т. 37. Тифлис, 1903. С. 15; и др.

[3] Аликанов-Аварский М. Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898. С. 34; Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 34.

[4] Аликанов-Аварский М. Указ. соч. С. 152.

[5] Шавхелишвили А. И. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушским народом. Грозный, 1963. С. 19, 28, 77—78 и др.

[6] Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды /Под ред. В. Г.Тизенгаузена. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 123, 124, 183, 184.

Аух) и аккинцам (второе название — ауховцы). Сведения летописцев Тимура подтверждаются и местной исторической хроникой («таварх») аккинцев, а также данными фольклора и др. Анализ имеющихся данных позволяет говорить об ожесточенной борьбе местного населения против иноземных захватчиков, о взаимных контактах аккинцев с соседними племенами, и т. д.

В связи с тем, что в нашу задачу не входит (на данном этапе) рассмотрение исторического пути аккинцев до XVI века, ограничимся сказанным. В целом же отметим, что период до XVI века в истории вайнахов, в частности аккинцев, вызывает много научных споров, что связано с причинами как объективного (недостаток письменных источников, относительно слабая исследованность археологического прошлого, особенно предгорной и плоскостной зоны Терско-Сулакского междуречья, и др.), так и субъективного характера (идеологическое господство теории «внеисторичности» кавказских народов, намеренное искажение исторического прошлого вайнахов, и др.). Естественно, все это требует дальнейшего изучения исторического прошлого вайнахских народов и анализа полученных данных.

§ 2. ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ

На Северном Кавказе в описываемое время окончательно сложились территориально-этнические и языковые общности. Одной из крупных этнических общностей края являлись вайнахи, известные главным образом под названиями своих обществ. Одним из обществ, в числе первых установивших дипломатические, военно-политические и экономические связи с жителями предгорно-плоскостных районов Предкавказья, и в первую очередь, с народами Дагестана и русским населением в лице терских и гребенских казаков на Тереке в XVI—XVII вв., являлись представители вайнахского общества Аьккхи (Акки) — аккинцы (ауховцы).

В силу сложившегося на Северном Кавказе политического климата, а также географического расположения и хозяйственного развития, аккинцы сыграли известную роль в вайнахо-кавказских и кавказско-русских отношения указанного периода. Роль аккинского общества не могла бы быть столь активной без соответствующего уровня экономического развития населения Терско-Сулакского междуречья.

К XVI—XVII вв. этно-территориальное общество Аьккхи (Акки) получило, как нам представляется, свое полное завершение. Процесс языковой, экономической, территориальной, культурной и политической консолидации привел к созданию

и развитию своеобразного общества, помнящего о своем общевайнахском единстве в происхождении и в то же время осознающего свое самостоятельное этническое лицо.

Весьма зыбкое, но вместе с тем относительное спокойствие, наступившее в предгорных и равнинных районах Терско-Сулакского междуречья после ухода войск Тимура с Кавказа, благоприятствовало возвращению аккинцев из предгорий и горной зоны Акки и Ичкерии на плоскость, восстановлению и созданию новых населенных пунктов, воссозданию нормальной хозяйственной жизни в междуречье.

Перед тем как охарактеризовать уровень экономических и социальных отношений в Акки XVI—XVIII вв., считаем правомерным дать соответствующий обзор расселения и территориальных границ аккинского общества в XVI—XVIII веках и составляющих его групп населения /тайпов/, основываясь на материалах как письменного, так и устного происхождения.

Документальные известия об аккинцах и Акки известны нам лишь в последней трети XVI века. Связаны они в основном с аккинским обществом «Окох» или «Окоцкая землица» («земля»). Не вдаваясь в дискуссию о точной локализации «Окоцкой земли», которая в любом случае располагалась между Тереком — Аксаем — Качкалыковским хребтом — Сунжей [1], приведем сведения, полученные в ходе полевых изысканий, а также данные из двух вариантов аккинской исторической рукописи, названной нами условно «Рукопись Ибрагимова-Магомедова» [2]. Эти сведения позволяют представить общую картину территориального расселения и этнический состав аккинцев в Терско-Сулакском междуречье в XVI—XVIII веках.

Внутреннее разделение аккинцев на два крупных общества, носящих имена «пхьарчхой» и «гІачалкъой», происходит, согласно полевому материалу, от раздельного проживания представителей этих обществ в Терско-Сулакском междуречье «до прихода русских» и периода уничтожения *«гІачалкъоевского»* общества, приведшего к переселению большей части гІачалкъоевцев на земли пхьарчхоевцев (с середины XVIII в. до начала XIX в.). Земли, на которых проживали пхьарчхоевцы и гІачалкъоевцы, соответственно назывались Пхьарчхошка-Аьккха (или, впоследствии, Ширча-Аьккха, т. е. Старая Акка) и ГІачалкъа-Аьккха (или просто Аьккха).

---

[1] Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный 1981. С. 9—23, 23—37.

[2] Варианты рукописей, носящих одинаковое название «Основа происхождения аккинцев», представлены нам Ибрагимовым В. /сел. Бони-Юрт/ и Магомедовым М. /сел. Ширча-Юрт/, которым выражаем глубокую благодарность.

Если в предгорной зоне Акки (Терско-Сулакского междуречья) представители аккинских тайпов и тайповых групп проживали смешанно, то в равнинной зоне эти тайпы объединялись большей частью в относительно крупные группы, осваивавшие отдельные районы плоскостной зоны междуречья.

Одна из групп аккинцев из общества Пхьарчхой, известная под названием «Шарой», освоила в течение XVI—XVII вв. плоскостные земли в низовьях Терека — по линии современных дагестанских селений Хамаматюрт — Бабаюрт — Татаюрт — Шава и вплоть до р. Терек. В настоящее время от этой группы аккинцев почти никого не осталось. По свидетельствам старожилов, они были поголовно уничтожены царскими войсками, а остатки шаройцев ассимилировались среди других аккинских тайпов и кумыкских фамилий.

Каждая группа аккинцев имела свои так называемые опорные поселения, вокруг которых непременно появлялись многочисленные кутаны (гIота).

Из опорных поселений аккинцев пхьарчхоевской группы Шарой в настоящее время известно о трех пунктах. Первое из поселений находилось в районе современного города Кизляра и называлось «Бухне». Оно неоднократно затоплялось водами, выходившими из берегов Терека. Как писал дореволюционный историк П. Г. Бутков, в 1728 г. в 5 верстах выше по Тереку от того места, где стояли развалины затопленного «бывшего Терского города», русские войска построили фельдшанец, ставший впоследствии основанием г. Кизляра [1]. Вполне вероятно, что именно здесь и находилось аккинское поселение Бухне.

Второе опорное поселение группы Шарой локализуется в районе современного селения Шава Бабаюртовского района Дагестана; третье — недалеко от современного селения Бабаюрт — оно называлось «Эзраш».

На землях к востоку и северо-востоку от современных дагестанских селений Куруш — Костек — Казьмаул — Сулевкент и до озера Актащского расселились аккинцы из пхьарчхоевской группы «Шебарлой», имеющие и в настоящее время своих представителей среди аккинцев пхьарчхоевцев.

Главным опорным поселением группы Шебарлой было «Шебарлой-Эвла» (или Кунтий-Эвла), располагавшееся на месте современного дагестанского селения Костек. В начале XVIII века около этого аккинского поселения обосновались русские рыбаки со своим главарем по имени Костя. Вскоре временное поселение русских рыбаков, вошедшее, вероятно, в

[1] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. I. С. 109.

дружеские контакты с аккинцами из Шебарлой-Эвла, получило от последних название Костийн-Отар (хутор Кости). Расположенное у самого края сулакской поймы, поселение постепенно пополнялось за счет кумыкского населения, прибывавшего преимущественно из-за Сулака. Оба поселения (Шебарлой-Эвла и Костийн-Отар) впоследствии слились и в официальных русских документах сохранилось название «Костек». Вплоть до 1944 г. селение Костек, в соответствии с принятой традицией, делилось на два основных квартала: Аьккхий-Эвла (Село аккинцев) и ГIумкий-Эвла (Село кумыков).

Районы между двумя рукавами Сулака и севернее от них были обжиты аккинцами из пхьарчхоевской группы «ЧIонтой» [1]. ЧIонтой — одно из древних названий пхьарчхоевцев (к гIачалкъоевцам их не причисляют).

Земли между двумя рукавами Сулака назывались аккинцами Шина-ГIайсе-юкъ (середина двух Койсу). Главное поселение группы ЧIонтой также носило название «Шина-ГIайсе-юкъ»; вторым названием поселения, производным из названия «ЧIонтой», было «ЧIонтой-Эвла» (Село чIонтоевцев). С середины XVIII века сюда стали переселяться из-за Сулака кумыки, однако название сохранилось до настоящего времени.

Равнинная часть междуречья Аксая и Сулака, близкая к предгорьям, была заселена представителями пхьарчхоевских тайпов, проживавших смешанно. Из наиболее крупных поселений, созданных аккинцами здесь в течение XVI—XVIII в., можно назвать следующие: Iандзле [2] (в 10—12 км. восточнее современного селения Бабаюрт), Ийлне /совр. сел. Адиль-Отар/, Салекь-Эвла (совр. сел. Сивух), ГIазамне (совр. сель. Казьмаул), Яркхе (совр. сель. Куруш), Йоккха-Бамт-юрт (совр. сел. Баматюрт), Бота-Юрт (совр. сел. Батаюрт), Сал-Юрт (совр. сел. Кандаураул), Уцийн-Хьасте (совр. сел. Муцалаул), Наккане или Накхе (совр. сел. Кокрек), Хасий-Эвла (совр. город Хасавюрт) и др.

В предгорной части от Сулака до Аксая располагались следующие пхьарчхоевские поселения, имевшие также смешанный тайповый состав: Алтмарза-Юрт (совр. сел. Ново-Чуртах), Ширдой-ГIала (севернее совр. сел. Эндирей), Вуьрсана (южнее сел. Эндирей, на левой стороне р. Акташ), ГIазар-ГIала (совр. сел. Ново-Кули), Боний-Эвла (совр. сел. Новолакское),

---

[1] Представители пхьарчхоевской группы «ЧIонтой» не имеют отношения к кровно-родственному союзу «ЧIантий» См.: Мамакаев М. Чеченский тайп (род) в период его разложения. Грозный. 1970. С. 19.

[2] Под аккинским названием поселения «Iандзле» нам видится селение «Адзарей-юрт» из документов XIX века. См: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. М., 1974. С. 168.

Кешне или Кешана (совр. сел. Чапаево), Морхан-Берде (восточнее сел. Кешне), Ширча-Юрт (совр. сел. Калинин-Аул), Пхьарчхошка (совр. сел. Ленин-Аул), МажгІар или МІарж (между сел. Кешне и Ширча-Юрт) и др.

Территория проживания общества Пхьарчхой, ограничиваемая нижним течением Терека, западным побережьем Каспия, а также предгорьями Северного Дагестана и правобережьем р. Аксай, называлась Ширча-Аьккха (Старая Акка) или Пхьарчхошка-Аьккха (Акки общества Пхьарчхой). Равнинные земли пхьарчхоевцев, освоенные отдельными аккинскими группами носили соответствующие названия: «Шарой-Мохк» (Земля (группы) Шарой), «Шебарлой-Мохк» и «Чоятой-Мохк». В настоящее время в памяти аккинцев (преимущественно пхьарчхоевцев) эти названия сохраняются.

Сложнее обстоит вопрос с локализацией аккинских поселений на территории другого крупного общества — «ГІачалкъа-Аьккха» (или просто «Аьккха»), определяемой землями между правобережьем Терека, левобережьем р. Аксай, Качкалыковским хребтом и правобережьем рек Мичик, Гумс и Сунжа. Вынужденные в течение второй половины XVIII до начала XIX в. покинуть свои земли и перебраться на территорию общества Пхьарчхой (под давлением царских войск и угрозой полного физического уничтожения), гІачалкъоевцы не сохранили в своей исторической памяти названия всех своих поселений. В лучшем случае они называют только некоторые районы проживания и опорные поселения в ГІачалкъа-Аьккха, данные о которых мы и постараемся привести в нашем исследовании.

В среднем и нижнем течении реки Аксай и между Аксаем и правобережьем Терека (приблизительно вдоль по современной границе между Дагестаном и Чечней) до земель «Шарой-Мохк» проживали представители аккинцев-ГІачалкъоевцев из тайпа Кхархой [1], называемые «Къоцой» или «Къоцой-некъе» (Ветвь Къоцой). Весь правый берег Терека в этом районе вплоть до 1944 г. назывался аккинцами из общества ГІачалкъой «Къоцойн-Мохк» (Земля (тайпа) Къоцой) или «Къоцой-некъе-Мохк» [2].

Основным опорным поселением этой части аккинцев называется поселение «Къоцой-Эвла», располагавшееся между современными дагестанскими селениями Хамаматюрт и Адиль-Янгиюрт. Кроме Къоцой-Эвла представителями къоцоевцев были основаны такие поселения, как «Уцум-Эвла» (совр. сел. Уцми-Юрт), «Уби-Хьажи-Отар» (совр. сел. Хамаматюрт), а ти-

[1] Тайп «Кхархой», представленный и среди гІачалкъоевцев, и среди пхьарчхоевцев, вполне может быть назван «обществом» или «тухкумом».

[2] Из тайпа /ветви/ «Къоцой» вышел ставший впоследствии известным один из лидеров аккинцев в борьбе против царизма ГІайтемир.

кже поселение на месте современного селения Адиль-Янгиюрт, название которого до настоящего времени не выяснено.

Западнее земель «Къоцой-Мохк, на территории современного Гудермесского района Чечни по линии Терек — восточная граница с Дагестаном — железнодорожная ветка до г. Гудермес — р. Сунжа, располагались представители другой части аккинского тайпа Кхархой — «Почкъар» или «Почкъар-некъе». Земли, населенные последними, назывались «Почкъар-Мохк» (Земля (тайпа) Почкъар) или «Почкъар-некъе-Мохк».

Из-за почти полного истребления царскими войсками в XVIII — первой половине XIX века представителей тайпа (ветви) Почкъар почти не осталось. Из крупных поселений гПочкъарцев на сегодняшний день известны лишь некоторые. Так, одно из поселений под названием «Эрхе» локализуется в районе современного поселка Комсомольское Гудермесского района Чеченской Республики. В районе современного города Гудермеса существовало четыре поселения гПочкъарцев, названия трех из которых неизвестны до настоящего времени. Сохранилось же название поселения «Бухне», располагавшегося в районе юго-западной части гор. Гудермеса. В связи с этим, интересны попытки исследователей искать центр «Окоцкой земли» Ших-Мурзы Ушаромова в районе между Гудермесом и рекой Аксай [1].

В районе современного поселка Степное Гудермесского района Чечни существовало аккинское поселение «Дадий-Эвла», название которого невольно приводит к мысли о совпадении известного своей трагической участью в начале XIX века селения Дада-Юрт. Близ современных селений Энгель-Юрт и Кади-Юрт того же района также были расположены гПочкъарские поселения, однако их названия не сохранились. Ряд аккинских названий поселений в Гачалкъа-Аькхка, как, например, ПетIий-Отар, Iалхан-Эвла, также не локализуется.

На остальной территории общества Гачалкъа-Аькхка, т. е. от современной железнодорожной ветки до Качкалыковского хребта, были расположены аккинские поселения, имевшие смешанный тайповый состав [2].

Так, на месте Старого Аксая стояло аккинское поселение «Моха-Берде», а поселение с поздним тюркским названием Кошкельды носило аккинское название «Берза-Буьйре». На месте аккинского поселения, называвшегося «Нохъе-Буьйра», впоследствии ичкеринскими поселенцами было основано селение

[1] Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 167; Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII в.//Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — начале XX в. Грозный, 1981. С. 12.

[2] С сер. XVIII в. здесь стали возникать ичкеринские поселения.

Нойбоьра (Нойбуьйра). Южнее современного селения Бачи-Юрт, в котором ряд исследователей также локализует центр «Окоцкой земли» [1], располагалось аккинское селение «Аьккхий-Юрт». Исследователь С. Ц. Умаров именно под «Аьккхий-Юртом» сделал попытку (совершенно необоснованную и безуспешную) локализовать селение «Оку-Юрт», основанное, якобы, выходцами из контароевского тайпа Оку-некъе [2].

В районе Старого Гезеля стояло аккинское селение «Гезл-Эвла», происхождение названия которого нам представляется несколько иным, чем данное этнографом А. С. Сулеймановым [3]. После сожжения в XVIII веке Гlачалкъа-Аьккха село было покинуто, но через некоторое время восстановлено гlачалкъоевцами. При восстановлении сюда поселилась и часть ичкерийцев и кумыков. После этого аккинцы-гlачалкъоевцы ушли из Гезл-Эвла, а в селение продолжали прибывать представители дагестанских народов, которые постепенно очеченились.

До настоящего времени среди вайнахов сохраняется топоним «Гlачалкъой РагI» («Гlачалчъой Дук»), известный в русских источниках XVI—XX вв. как «Качкалыковский хребет». Объяснить происхождение данного топонима иначе, как фактом проживания /причем долгого/ здесь представителей общества Гlачалкъа, по нашему мнению, не представляется правомерным. Даже само название хребта призывает исследователей более пристально вдуматься в свидетельства аккинских старожилов и в данные рукописей аккинских жителей при исследовании вопросов, связанных с историей Терско-Сулакского междуречья XVI—XVIII веков.

Таким образом, Терско-Сулакское междуречье, на землях которого располагалась Аьккха (Акки) [4], к XVI веку состояло из двух крупных обществ: Гlачалкъа-Аьккха /или Аьккха/ и Пхьарчхошка-Аьккха /или Ширча-Аьккха/. Междуречье было довольно густо заселено представителями аккинского населения, выдвинувшимися в число передовых северокавказских об-

---

[1] Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. Один из северокавказских союзников Руси//Вопросы истории. 1970. № 10. С. 215—219.

[2] Умаров С. Ц. Новые археологические памятники эпохи позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии//Археолого-этнографический сборник /далее — АЭС/. Грозный, 1968. Т. 2. С. 239—240.

[3] Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Ч. 3. Грозный, 1980. С. 218. Для аккинцев слово «гезл»: а/ череп рогатого животного, прикрепляемый к воротам или к фасаду дома; б/ клин, вбиваемый для крепления двух горизонтальных жердей в заборе для скота.

[4] Терско-Сулакское междуречье имеет в устах аккинцев свое географическое название — «Пана-Мохк», под которым они понимают «благодатную, райскую землю, просторную для освоения». Ср.: Мациев А. Г. Чеченско-русский словарь. М., 1961. С. 334: пана мохк — неизведанный край» 2) необитаемый.

ществ к середине XVI века. Естественно, этого не могло произойти без относительно развитого уровня экономических и социальных отношений внутри Акки в рассматриваемое время, т. е. в XVI—XVII вв.

§ 3. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СКОТОВОДСТВО

Хозяйство народов Северного Кавказа в указанный период развивается на основе некими установившегося естественного разделения труда. Экономические процессы, развивавшиеся еще в предшествующие века, были обусловлены как общим развитием производительных сил в Терско-Сулакском междуречье, в частности изменениями внутри Акки, так и изменением внешнеполитической обстановки на всем Северо-Восточном Кавказе.

Многочисленные вещественные находки, сообщения письменных источников, а также высказывания исследователей истории народов Северного Кавказа XVI—XIX вв. показывают, что основными занятиями вайнахов, в том числе и жителей Акки, с древнейших времен были земледелие и скотоводство. Природные условия Терско-Сулакского междуречья (плодородие почв, большое количество тепла, получаемого растениями за вегетационный период, короткая зима и продолжительное лето и т. д.) наиболее благоприятствовали развитию основных отраслей хозяйства аккинцев.

Одним из первых документально зафиксированных свидетельств устойчивого и традиционного характера развития хозяйственной жизни аккинцев является отрывок из грамоты Шиха Окоцкого (Ушаромова), поданной русскому царю Федору Ивановичу послом Шиха — Батаем Шихмурзиным во время приема в Москве в 1588 году. В грамоте Ших Окоцкий отмечает свою помощь в строительстве царских крепостей на Тереке не только в дипломатической и военно-политической области, но и содействие продуктами: «А которые на Терку воеводы, — и яз тем воеводам мед и вино, 10 овец и куры и ячменю возил»[1]. Уже в этом отрывке представлен широкий спектр хозяйственных занятий аккинцев.

В 1614 г. аккинцы-окочане, жившие в Терском городе, подали царю челобитную, текст которой ясно свидетельствует о занятии пашенным земледелием: «А только бы, государь, мы, холопи твои, по се время сами собою пашнишком не были сыти и не похали, и мы бы, холопи твои, по се время голодною

[1] Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. I. 1578—1613 гг. М., 1889. С. 64.

смертью померли...» [1]. Несмотря на то, что земледелие не было основным занятием жителей Окоцкой слободы Терского города, данное свидетельство характеризует общий фон занятий населения края.

Архивные данные за 1640 г., приведенные в «Росписи населения Терской слободы» показывают, что из 27 дворов аккинцев-окочан жители 21 двора на время учета населения находились на пашне [2].

Непрерывность занятий земледелием жителей Акки можно проиллюстрировать и свидетельством XVIII века. Так, кизлярские чиновники, перечисляя в 1765 году богатства кавказских народов, отмечают, что «...против Большой и Малой Кабарды кроме всего довольно ж, и сверх того пшеница есть... В тавлинских же деревнях: виноград, яблоки, груши, дули и сливы, шаптала, курега; в ауках (т. е. у ауховцев. — А. А.)и карабулаках мед, воск и все, что вышеписаное есть, а скота во всех оных местах, кои все российскими подданными счисляются, довольно имеетца» [3].

Документальных материалов о занятиях земледелием и скотоводством жителей Акки в XVI—XVIII вв., как, впрочем, почти всех народов Северного Кавказа, немного. Объясняется это, кроме всего прочего, тем, что официальные представители России на Тереке уделяли основное внимание дипломатическим и военно-политическим взаимоотношениям с местными народами и обществами, а вовсе не хозяйственной жизни. Именно поэтому, нам главным образом приходится опираться на свидетельства более позднего времени (начало XIX в.) и местные материалы.

Наиболее благоприятные климатические условия и плодородие почв Терско-Сулакского междуречья, систематический уход за землей с постоянным увеличением количества освоенных участков, рациональное использование пахотных земель обеспечивали, как представляется, довольно высокую урожайность полей. Мы не располагаем данными о количестве собираемого урожая и размерах посевных площадей Терско-Сулакского междуречья в XVI—XVIII веках, однако нельзя не согласиться с мнением исследователей истории Кавказа, что в указанный период особенно в плоскостной части вайнахских земель земледелие было развито довольно высоко [4].

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 555.

[2] Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв.: Документы и материалы. В 2-х томах /далее — КРО/. М., 1957. Т. I. Док. № 21.

[3] Там же. Т. 2. С. 239—240.

[4] Властов. Война в большой Чечне//Русский инвалид. 1865. № 159, 160, 164, 165, 166, 167; Дубровин Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I. С. 379; и др.

Еще в начале XIX века путешественник И. Норденстамм отмечал, что Чечня [1] производит хлеба больше, чем необходимо для прокормления ее жителей, и поэтому избыток его обменивается у соседних народов на различные вещи и изделия [2]. Практически то же самое суждение высказывали К. Самойлов, С. Броневский, А. Милютин [3] и многие другие. Хлеб, выращенный и собранный вайнахами, в том числе и аккинцами, как свидетельствовал Вроцкий, вывозился на продажу не только к соседним народам и на северокавказские рынки, но даже и за границу — Персию [4]. Видный исследователь М. Н. Покровский отмечал, что Чечня является, по сути, «...житницей Дагестана и всего Восточного, а отчасти и Западного Кавказа» [5].

Можно привести достаточное количество свидетельств различных исследователей истории народов Кавказа, в частности Северного Кавказа, подтверждающих характер значительного развития хлебопашества и вообще земледелия среди вайнахов. Убедительным подтверждением высокого уровня развитости земледелия у вайнахов, служит вывод дагестанских исследователей, доказывающих, что «...с XVIII в. в высокогорной Авария отмечается преобладание роста товарности скотоводства над земледелием» из-за деградации террасного земледелия, главной причиной чему послужило «появление дешевого кумыкского и чеченского хлеба», вытеснявшего труд горных районов [6]. Естественно, среди «чеченского хлеба» была немалая доля урожая, выработанного жителями Акки.

Система земледелия жителей Терско-Сулакского междуречья была разнообразной. Если в горных и предгорных районах больше использовалась трехпольная система, все же основной, особенно для плоскостной зоны, оставалась система двухпольная: земли аккинцев не испытывали недостатка в водных ресурсах.

Приемы земледелия у народов Северного Кавказа были в основном одинаковыми лишь с некоторыми особенностями в способах обработки земли. К примеру, если повсюду на Север-

---

[1] В данном случае под «Чечней» подразумеваются все вайнахи.

[2] Норденстамм И. И. Описание Чечни со сведениями этнографического и экономического характера//Материалы по истории Дагестана и Чечни /далее — МИДЧ/. Махачкала, 1940. Т. 3. Ч. I. С. 302.

[3] Самойлов К. Записки о Чечне//Пантеон. Т. 23. № 10. С. 46. СПб., 1835; Броневский. С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 2. М., 1823. С 176—177; Милютин А. Чечня//Рукоп. отдел библ. им. В. И. Ленина. Ф. 162. Папка 81. Д. 7. Л. 29.

[4] Вроцкий. Чечня как хлебный оазис//Сборник сведений о Терской области /далее — ССТО/. Вып. I. 1878. С. 270.

[5] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России. М., 1923. С. 232.

[6] Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 22.

ном Кавказе землю прежде пахали, а затем только вносили удобрения, то вайнахи удобрения (зола, перепревший навоз, птичий помет и др.) вносили в основном и перед и после пахоты.

Для борьбы с сорняками в равнинных районах перед основной пахотой жители междуречья предварительно делали мелкую запашку глубиной в 8—10 см за 2—3 недели перед основной пахотой. По окончании же пахоты, до начала сева, почву обрабатывали при помощи особой бороны, называемой аккинцами «дечка мокха» (по-чеченски «у долу мекха»). Поле вплоть до осени очищалось неоднократно и очистка прекращалась приблизительно за месяц до сбора урожая; сам же урожай снимался осенью.

Как и всюду на Северном Кавказе, аккинцы молотили хлеб двумя способами: молотильными досками и при помощи крупного рогатого скота. Очистка зерна производилась веянием или же подбрасыванием зерна по ветреной стороне. Для проведения этих операций, как свидетельствует полевой материал, зачастую аккинцы, проживавшие на плоскости, объединали усилия нескольких семей, т. к. обрабатывать большое количество хлеба в одиночку они были не в состоянии.

Сельскохозяйственный инвентарь у вайнахов был в основном схож с орудиями земледелия народов края лишь с небольшими различиями в их устройстве, вызванными естественно-географическими и климатическими условиями. При этом наибольшее разнообразие применяемых орудий наблюдается в равнинной зоне: здесь соседствуют как архаичные орудия труда для обработки почвы, так и более характерные для высокого уровня земледелия орудия (например, плуг с железным лемехом).

Земледельческим зонам Терско-Сулакского междуречья соответствовали в основном и типы пахотных орудий: в предгорной зоне — грядильный, на равнине — тяжелый или передковый плуг. Естественно, что применялись и другие орудия для обработки почвы, доставшиеся в наследство от прежних поколений.

Одним из древнейших орудий для обработки почвы была так называемая «палка-копалка», имевшая два варианта. «Палка-копалка» — деревянный кол длиной 110—115 см(иногда до 130 см) с каменным утяжелителем — использовалась в тех случаях, когда поверхность представляла собой кочковатую землю и обработать ее плугом было невозможно. Второй вид «палки-копалки» назывался аккинцами «хьокха» и был длиной 170—180 см. Конец «хьокки» обжигался и не имел утяжелителя. Использовался он при обработке свежерасчищен-

ного из-под леса участка земли преимущественно в предгорной зоне Акки, где остатки корней также не позволяли применять плуг. Говоря об орудиях обработки почвы, нельзя не отметить, что аккинцы-старожилы крайне редко упоминают о «палке-копалке», т. к., по их мнению, надобность в ней была невелика: в предгорьях Акки почти не оставалось свободных земель, нуждающихся в расчистке под посевы.

Более широко применялся жителями предгорных районов Акки заступ /«бел»/ различных видов. Это древнее орудие для обработки почвы представляло собой обычный деревянный кол с рабочим концом толщиной в 7—10 см. На высоте 25—30 см от рабочего конца отходило короткое ответвление для стопы, перпендикулярное к ручке. Применение заступа было продиктовано не только чисто земледельческими, но и бытовыми нуждами.

Орудия, напоминавшие мотыгу и называемые «аьста» и «цел», служили для прополки. Данные приспособления представляли собой четырехугольную пластину, насаженную на обычную деревянную рогатину или же прикрепленную на длинную деревянную ручку при помощи черенков. Наибольшее распространение и более длительное применение такие заступообразные орудия труда получили в предгорной зоне, где трудно было развернуться с плугом; на равнине же они довольно рано уступили место в основном более совершенным разновидностям бороны.

Аккинцам было известно несколько видов бороны: борона-волокуша, борона с поперечной доской, рамная борона, а также борона типа граблей — «терноч» /чеченский «къомсар»/. Для улучшения пашни широко использовалась борона с короткими зубьями, тогда как борона с длинными зубьями /деревянными или железными/ хорошо уничтожала сорняки и служила для прореживания посевов.

Довольно высокий уровень культуры земледелия аккинцев, как и вайнахов в целом, как видно из вышесказанного, подтверждается не только своеобразием некоторых видов орудий для обработки почвы, но и специализацией некоторых агротехнических приемов и изготовления самих орудий труда. Железный наконечник сохи для предгорных районов был более легким, чем на равнине, т. к. пахота там была относительно неглубокой; для равнинных же условий наконечник специально утяжелялся для глубокой вспашки. В отличие от других северокавказских народов, вайнахи применяли особую /предварительную — перед основной/ запашку земли для борьбы с сорняками.

В изучаемый период на территории Акки действовала довольно разветвленная ирригационная система. Отрывочные све-

дения о поливном земледелии у аккинцев — жителей Окоцкой слободы Терского города, были выявлены исследователем Е. Н. Кушевой [1]. Закономерно при этом, по нашему мнению, что навыки аккинцами были получены еще до ухода в Терки. Как показывает полевой материал, поливное земледелие было развито не только на равнине, но и в предгорьях, нуждавшихся в воде для развития скотоводства и полива небольших участков земли, очищенных от лесов.

Терско-Сулакское междуречье было очень богато водными ресурсами. Аккинцы могли использовать в хозяйственной деятельности воду из крупных рек, как Терек, Сулак, Сунжа и Акташ, а также и менее многоводных Аксая, Ямансу и Ярыксу. В то время, как жители равнинных районов междуречья боролись с постоянными наводнениями из-за весеннего разлива рек, обитатели предгорий с помощью всевозможных сооружений пытались задержать у себя как можно больше воды.

Удельный вес земледелия и скотоводства в обеих частях Акки, т. е. в ГIачалкъа-Аькхе и в ПхьарчхошкаАькхе, был неодинаков. В то время, как аккинцы из ГIачалкъа-Аькхе в равной мере занимались земледелием и скотоводством, аккинцы из Пхьарчхошка-Аькхе отдавали предпочтение земледельческим отраслям.

Об исконно развитой системе орошения у вайнахов с восхищением отзывались русские исследователи в начале XIX века. Так, ряд авторов, ссылаясь на более ранний период, отмечали, что «земледелие у них находится в прекрасном состоянии и ведется при посредстве оросительных каналов» [2]. Наглядным примером этого являлась система орошения в Терско-Сулакском междуречье. Естественно, все это было результатом деятельности горцев не только в XIX веке, но и многовековых усилий целых поколений.

Основная структура расположения оросительных каналов, созданная местными жителями, по данным полевых материалов, использовалась ими вплоть до 40-х годов нашего столетия с небольшими изменениями. Так, например, один из древнейших оросительных каналов, тянувшийся от Терека на восток по территории Пхьарчхошка-Аькхе, почти в точности был повторен в наше время в виде канала им. Ф. Э. Дзержинского в Северном Дагестане. Другие, менее крупные отводы, были прорыты от рек Аксай, Акташ и Сунжа. Если Мичик, Гумс,

---

[1] Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 75.

[2] Максимов Е. Чеченцы//Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1893. С. 68—93; Москвич Г. Кавказ. Одесса, 1896. С. 88—89.

Ямансу и Ярыксу часто бывали мелководны, то остальные стабильно обеспечивали жителей междуречья влагой.

В месте отвода оросительного канала от рек возводилось сооружение, называемое «Хин-Кьырте», снабженное шлюзом. От основного, головного канала отводились каналы меньших размеров — «татолы». Для сооружения таких боковых каналов из деревянных свай устраивался прочный водораздел.

Для поднятия воды при отводе каналов устраивалась специальная двойная плетеная перегородка из хвороста, укрепленная с внешней стороны крепкими шестами. Впоследствии, вместо хвороста стали больше использовать толстые доски. Пространство между двойной плетеной перегородкой заполнялось булыжником или слоем земли с бурьяном. При таком устройстве необходимое количество воды шло по каналу, а избыточная часть воды поднималась и проходила поверх преграды, образуя водопад.

В том случае, если воду необходимо было перекрыть или поднять на время, использовались перегородки из двух-трех широких досок или цельного листа железа. Иногда для регулирования воды использовались желоба-опары, которые удобно было использовать при закрытом шлюзе. Такие желоба обычно устраивались на верхнем конце шлюза.

Одной из специфических особенностей применения ирригационной системы у аккинцев, при общей схожести способов у большинства народов Северного Кавказа, было создание, как подчеркивают отдельные аккинцы-старожилы, своеобразных «мини-озер» в предгорных районах, например, около селений Ширча-Юрт, МажIар, Кешен.

В целом же следует отметить, что наличие обширных плодородных земель и благоприятные климатические условия Терско-Сулакского междуречья (как равнинной, так и предгорной зон), способствовали повышению уровня развития земледелия, являвшегося, как и в более ранние времена, одним из основных занятий аккинцев.

Наряду с земледелием, у жителей Терско-Сулакского междуречья было хорошо развито и скотоводство, которое также имело древние корни. Археологический материал (Хазар-Кала, Яман-Су, Балан-Су и др.), а также письменные источники и полевые изыскания показывают роль и место скотоводства в хозяйственной жизни аккинцев. Наличие богатой кормовой базы, прекрасных лугов в предгорьях Акки и в речных долинах междуречья, изобиловавших сочными травами, весьма благоприятствовало развитию данной отрасли хозяйства.

Письменные источники наглядно характеризуют уровень развития скотоводства у вайнахов, в частности у аккинцев. Так, согласно полевым материалам, еще в период монголо-та-

тарского нашествия жители междуречья, пасшие скот на равнине, перегоняли его в предгорья и горы Акки и Ичкерии. Надо полагать, что это был и крупнорогатый и мелкий рогатый скот, более приспособленный для перегонов.

Когда племянник предводителя аккинцев Шиха Окопкого — Батай — нарушив присягу, данную российскому царю, вынужден был бежать из Терского города в землю аккинцев /в Окох, т. е. Акки/, то все его имущество, перехваченное посланными за ним жителями города и казаками, было передано последним. В перечне имущества, отобранного у Батая, значились быки, коровы и овцы [1], видимо, немалого количества.

О наличии в хозяйстве аккинцев-жителей Окоцкой слободы Терского города большого количества крупного рогатого скота свидетельствует и челобитная, поданная окочанами на имя русского царя в 1614 г. по поводу притеснений со стороны кабардинского князя Сунчалея Черкасского. Сунчалей обвинил окочан в убийстве своего жеребца и отобрал за это у них «на 3-х человеках 50 животин рогатых, коров и быков»; этот же документ свидетельствует о наличии у некоторой, более зажиточной части аккинцев Терского города целых табунов лошадей [2].

В Акки разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей и буйволов. По свидетельству аккинских старожилов, в отдельных зонах Акки имело место и разведение верблюдов в целях обслуживания дипломатических миссий и провода караванов. В равнинных и притеречных районах, а также в междуречье нижнего течения Терека и Сулака при разведении скота преобладал крупный рогатый скот; в предгорьях же соотношение было обратным — чаще разводили мелкий рогатый скот.

Крупный рогатый скот, как и лошадей /частично/, использовали в качестве тягловой силы. Преимущественное разведение буйволов, коров и быков на равнине было обусловлено не только климатическими условиями, но и потребностями земледелия, т. к. они были не только важным источником для пополнения пищевого рациона, но и тягловой силой, а также источником для получения немалого количества органических удобрений, помощниками в обмолоте хлеба.

Жители междуречья, имея хорошие покосные участки, заготавливали сено, солому и фураж на зиму. Все остальное время скот пасся на равнинных и, частью, на предгорных пастбищах и лугах. По личным наблюдениям И. Голенищева-Кутузова

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 526.
[2] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 560.

зова, на обширных чеченских лугах паслись многочисленные тучные стада местного населения [1].

На летних пастбищах скот каждого селения занимал определенный участок, а с наступлением зимы его размещали по специально подготовленным зимним хуторам, кошарам. В качестве зимних пастбищ для овец и коз удобно было пользоваться притеречными, нижними пастбищами, т. к. здесь зеленый покров дважды одевал землю — весной и осенью, а снега выпадало не так много, как в предгорьях, и скот мог почти всю зиму проводить на подножном корму.

А. И. Ахвердов писал, что «главное скотоводство чеченцев состоит в овечьих стадах» [2]. Овцеводство было традиционным занятием у аккинцев, как и у всех народов Северного Кавказа. Об этом сообщал и исследователь древних кустарных промыслов Кавказа Н. С. Пиралов: «Овцеводство было важной формой сельскохозяйственной деятельности аборигенов Кавказа... Овца давала человеку пищу и материалы для одежды и постройки жилищ» [3].

О наличии у аккинцев лошадей мы знаем из челобитной 1614 г., о которой мы упоминали выше. В Акки было не так много лошадей, чтобы можно было говорить о преимущественном использовании их в качестве тягловой силы. Часть лошадей использовалась в караванных целях, основная же часть предназначалась для военных целей и в качестве верховых.

По данным полевых исследований, аккинцы в XVI—XVIII вв. занимались и таким редким видом деятельности, как разведение верблюдов. На землях аккинцев существовало два базовых района, в которых они занимались разведением верблюдов для использования их в качестве вьючных. Первый район разведения верблюдов — это Почкъар-Мохк в Пачалкъа-Аькхка; второй располагался на землях Шарой-Мохк в Пхьарчхошка-Аькхка. Старожилы-аккинцы, объясняя факт расположения районов разведения верблюдов именно в этих двух районах, приводят доводы о теплом и благоприятном климате, достатке корма, обилии водных ресурсов и малоснежье. К этому можно добавить и другие причины в определении районов разведения и содержания верблюдов в Акки: наличие караванных путей, проходящих по аккинским землям, возможность контроля за передвижениями по плоскости, с гор на плоскость и обратно и др. В целом, как нам представляет-

---

[1] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 2. Одесса, 1883. С. 84.

[2] Ахвердов А. И. Описание Дагестана. 1804 г.//История, география и этнография Дагестана /далее — ИГЭД/. Махачкала, 1958. С. 226.

[3] Пиралов Н. С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. СПб., 1913. С. 186.

ся, данный вопрос весьма интересен и требует дальнейшего изучения.

Исходя из отдельных сообщений, а также данных фольклора и адатного права, можно констатировать, что вайнахи в прошлом имели большие стада крупного и мелкого рогатого скота. Это подтверждается и позднейшим сообщением, относящимся к XIX веку, о том, что они по поголовью скота намного превзошли соседние народы Северного Кавказа [1].

Животноводческое направление в хозяйственной деятельности аккинцев, как и всех вайнахов, характеризуют и нормы обычного права. Известно, что свод законов вайнахов слагался веками и характеризовался сильной консервативностью, из-за чего, несмотря на изменения в социально-экономических условиях, они дошли до современников лишь с небольшими изменениями. Почти все виды преступлений (убийство, ранение, насилие и т. п.) наказывались взысканием с виновного определенного количества скота. Так, например, по «Рукописи Ибрагимова-Магомедова», содержащей исторические сведения, кумыкские князья из селения Эндирей (Индри) за убийство вожака пхьарчхоевцев Маадия в качестве прощения заплатили 120 лошадьми, полностью снабженными боевым вооружением воина и покрытыми дорогими тканями.

Адаты, записанные Леонтовичем, свидетельствуют о том, что за ранение платилось 60 голов крупного рогатого скота, 80 голов — за похищение засватанной или замужней женщины [2].

Богатство человека часто определялось по количеству скота, лошадей или земли и это было свойственно вайнахам даже в период активного функционирования денег.

Если же сравнивать общий удельный вес и соотношение земледелия и скотоводства в хозяйственной деятельности аккинцев в XVI—XVIII вв., то можно определенно констатировать, что хозяйство плоскости и предгорий было преимущественно земледельческо-скотоводческим.

§ 4. ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ АККИНЦЕВ

Земледелием и скотоводством круг хозяйственной деятельности аккинцев в XVI—XVIII вв., естественно, не ограничивался.

В соответствии с климатическими условиями, жителями Терско-Сулакского междуречья выращивались в основном такие земледельческие культуры, как рожь, просо, овес, ячмень,

[1] Белобородов. Скотоводство в Терской области//Терские ведомости. 1895. № 113.

[2] Леонтович. Указ. соч. Вып. 2. С. 84.

пшеница, бобы местного происхождения, отличавшиеся скороспелостью, засухоустойчивостью и стойкостью против вредителей и болезней.

Из зерновых на плоскости наибольшее распространение получили рожь, овес, просо и пшеница; в предгорных же районах культивировались пшеница, ячмень и рожь. В XVIII в. на территории междуречья, как и в некоторых других районах Северного Кавказа, значительное распространение получили кукуруза и бахчевые культуры (арбузы, тыква, менее — дыня). Однако при всем многообразии земледельческих культур, преобладающей культурой равнины и предгорий междуречья была озимая пшеница, как наиболее распространенная и освоенная.

Важное место в хозяйственной деятельности вайнахов занимали, как известно, садоводство и огородничество. Исследователь И. Иванов отмечал, что «садоводство прежде (до начала колониальных действий царской России на Кавказе. — А. А.) процветало, чему, очевидно, доказательством служит множество садов, которыми окружены развалины аулов» [1]. Интересовавшийся ранней историей кавказских народов генерал-майор Левашов сообщал, что земледелие, скотоводство и садоводство составляли главное занятие жителей края [2].

Яркое свидетельство о состоянии садоводства у вайнахов оставили в своих воспоминаниях царские офицеры, принимавшие участие в походах против местных жителей, в результате которых уничтожались и разрушались не только селения, но и вытаптывались поля, сжигались хлеба и великолепные сады, взращенные поколениями вайнахов. Вот один из таких примеров: «Мы шли разорять эдем, опустошать.. уничтожать эти сады, рубить фруктовые деревья... Шли превращать в пустыню прелестный пейзаж, каким-то чудом уцелевший среди всеобщего погрома и опустошения... Возвращались, отягощенные яблоками, грушами, бергамотами, армудами, сливами величиной в кулак, мешками с кизилом и грецкими орехами» [3].

Прекрасные сады, по сообщениям старожилов, имели и жители Акки. Наиболее славились в этом отношении такие селения, как Шина-Пайсе-юкъ, Яркхе, Салехь-Эвла, Берза-Буьйре — на равнине; в предгорьях были известны селения Ширча-Юрт, Гlачалкъ /Пазар-Пала/, Кешне, Аьккхий-Юрт и многие другие.

Довольно высокий уровень развития садоводства, виноградарства и огородничества у вайнахов в XVIII в. отмечали

---

[1] «Кавказ». 1851. № 94—98.

[2] Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в.//Известия ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. I. Грозный. 1974. С. 35.

[3] Кавказский сборник. Т. 5 /Окончание/. Тифлис, 1887. С. 383—385.

С. М. Броневский, И. И. Норденстамм, К. Самойлов [1] и другие.

Наиболее распространенными плодовыми культурами в Терско-Сулакском междуречье были яблоки, груши, айва, слива, черешня, вишня, абрикосы, персики, орехи. Жители земель вайнахов, по сведениям барона Р. Ф. Розена, используют плоды не только для собственного потребления, но и «частью запасают в прок» [2]. Кизлярские купцы закупали у горцев сотни пудов сушеных и свежих фруктов для отправки в центральные районы России [3]. Для жителей плоскости, в частности аккинцев, они были важны как потребительский источник, т. к. экономическое благосостояние крестьянина от них не зависело, тогда как жители предгорных районов больше ориентировались на обмен и торговлю ими.

О занятии вайнахов, в том числе и аккинцев, огородничеством выше было сказано. Из огородных культур аккинцы выращивали лук, чеснок, редьку, морковь, огурцы, позже — капусту и свеклу. Ассортимент огородных культур все время расширялся, хотя и не выходил в большинстве случаев за рамки собственного потребления.

Важное место в системе хозяйства вайнахов занимало виноградарство. Из материалов конца XVI известно о том, что аккинцы снабжали строителей Терского города вином [4]. По материалам полевых изысканий видно, что в прошлом виноградарством среди аккинцев занимались жители предгорий северного склона Качкалыковского хребта и от Аксая до Сулака. Меньше сведений о виноградарстве на плоскости: видимо, они могли при необходимости обменять свои продукты на виноград и его производные у своих соплеменников и обществ Чечни и Дагестана.

Виноградарство было одной из главных отраслей хозяйства живших по соседству с вайнахами гребенских казаков. Исследователь быта и занятий казаков Е. Максимов писал, что «казаки, по крайней мере в древнейших своих представителях /терцах и гребенцах/, не несли... культурного влияния, а, напротив, как мы видим, заимствовали культуру покоряемых ими народностей», в том числе и занятие виноградарством [5]. Исходя из этого, мы можем полагать, что это влияние на хозяйственную деятельность казаков шло со стороны вайнахов, в частности,

---

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 176; АКАК. Т. 4. Тифлис, 1870. С. 98; Норденстамм И. И. Указ. соч. С. 303—304; Самойлов К. Указ. соч. С. 58—60.

[2] Розен Р. Ф. Описание Чечни и Дагестана//ИГЭД. С. 282.

[3] ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. 47. Д. 1. Л. 1—56.

[4] Велокуров С. А. Указ. соч. С. 64.

[5] Максимов Е. Терско-казачье войско//Терский сборник. Приложение к Терскому календарю на 1891 г. Владикавказ, 1890. С. 12, 33.

от аккинцев, у которых они и могли перенять данную культуру.

Полевой материал свидетельствует и о развитии у аккинцев рисоводства. Вплоть до конца XVIII века среди местного населения представители аккинских групп Шарой и Шебарлой являлись профессиональными рисоводами. К сожалению, нам неизвестно количество выращиваемого ими риса, однако примечательно высказывание местных старожилов о том, что шароевцы и шебарлойцы снабжали и вполне обеспечивали потребности всех аккинцев в названном продукте. Со второй половины XVIII в. шароевцы забросили занятие рисоводством под влиянием давления со стороны дагестанских владельцев, при помощи царских отрядов вытеснявших их со своих земель; шебарлоевцы же продолжали заниматься выращиванием риса и в течение XIX века.

Обилие рек не могло не способствовать занятию рыболовством среди аккинцев. Особенно благоприятные условия для этого у аккинцев, проживавших по правому берегу Терека до Каспийского моря и в нижнем течении Терека и Сулака, т. е. у представителей гIочкъарцев, къоцоевцев, шаройцев, шебарлоевцев. Выяснением сведений о развитии рыболовства среди вайнахов никто еще не занимался [1], однако выделение представителей названных аккинских групп в качестве постоянно занимающихся рыболовством позволяет предполагать и возможность их выхода на промышленный рынок. Интересным представляется в этом отношении сообщение С. Г. Гмелина об острове Чечень, к которому пристают чеченцы «для ловления рыбы» [2], от близости которых, собственно, и получил остров свое название, а также сведения конца XVIII — начала XIX в. о том же острове и о близости острова и моря к чеченцам [3].

Довольно существенным подспорьем хозяйству аккинцев в изучаемый период, помимо рыболовства, являлась и охота. В горах, предгорьях и степях Северного Кавказа в тот период было много дикой птицы и зверей. Равинский писал, что в Кавказских лесах много медведей, коршунов, сов и филинов, сычей, а также выдры, норки и куницы «в немалом количестве водятся» [4]. Кроме того, леса и воды междуречья изобилова-

---

[1] Гриценко Н. П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII — первой половине XIX в. Грозный, 1961. С. 58.

[2] Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования всех трех царств в природе. СПб., 1785. Ч. 3. С. 8.

[3] Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. М., 1785. Т. II. Кн. 2. С. 477; Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губерний. СПб., 1809. С. 13.

[4] Равинский. Указ. соч. С. 131, 133, 142.

ли дикими козами и турами, лисами и зайцами, дикими кабанами и оленями, фазанами, утками, гусями, куропатками и многой другой живностью [1]. Мясо птицы и зверей шло в пищу, а мех диких животных служил материалом для шитья одежды; часть шкур диких зверей и пушнина вывозилась на продажу в русские крепости на Кавказской линии и в Астрахань [2].

В значительных масштабах в указанный период, особенно в XVIII в., занимались вайнахи, бортничеством и пчеловодством. Письменное свидетельство о меде и воске, поставляемом аккинцами в строящийся Терский город, было зафиксировано в уже упомянутой грамоте Шиха Окоцкого русскому царю, датируемой 1588 годом. Древнему занятию аккинцев, да и всех вайнахов, благоприятствовало обилие лесов, цветочных лугов, садов, фруктовых деревьев. Я. Штелин отмечал в последней трети XVIII в., что мед и воск чеченцы добывали в огромных количествах [3]. Генерал Дельпоццо сообщал, что чеченцы «пчеловодством занимаются прилежно и получаемый от того в большом количестве мед отменно вкусен» [4]. О широком распространении бортничества и пчеловодства и превосходных качествах чеченского меда писали многие исследователи дореволюционного периода.

В предгорных селениях Акки добывалось, как показывает полевой материал, большое количество меда и воска. В силу изменений в исторической судьбе аккинцев /переход аккинцев из Пачалкъа-Аьккха на земли Пхьарчхошка Аьккха/ старожилы больше говорят о бортничестве и пчеловодстве в Пхьарчхошка-Аьккха. Много меда собиралось в селениях Пазар-Пала, Кешне, МажгІар, Ширча-Юрт и Ширдой-Пала. Данным видом хозяйственной деятельности в этих селениях занимались отдельные группы жителей.

Мед и воск пользовались большим спросом на рынке и составляли для аккинцев один из твердых источников доходов. В начале XIX века С. Броневский писал, что горцы Северного Кавказа «пчел держат в плетеных ульях на подставках» и по мере необходимости «перевозят их с одного места на другое со своими кошами. Воск и мед продают» [5].

Занимались аккинцы, как и другие группы вайнахов, пол-

---

[1] Гриценко Н. П. Указ. соч. С. 58.

[2] Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г.//ИГЭД. С. 62.

[3] Штелин Я. О. О черкесской и кабардинской земле//Географический месяцеслов за 1772 г. СПб., 1771. С. 47.

[4] Журнал путешествий по земле донских казаков, Кавказу в Астрахань//Северный архив. № 23, 24. 1824. С. 261.

[5] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 136.

ководством и мареноводством, а также выращиванием хлопка, льна и конопли, производные из которых потребляли сами и вывозили на продажу на рынки Северного Кавказа. Упомянутый нами выше исследователь Е. Максимов, автор историко-статистического сборника «Терско-казачье войско», считал, что культуры марены, шелководства и виноградарства у казаков более специфичные для местных, кавказских, условий и (не культивируемые в России) «указывают, что гребенское казачье население заимствовало как самые виды сельскохозяйственной производительности, так и технику туземных племен, с которыми так долго жило в дружбе» [1]. Одними из первых горцев, с которыми долгое время «жило в дружбе» казачье население, были именно аккинцы.

Посевы льна и конопли были незначительны. Наиболее широко аккинцы занимались шелководством и выращиванием хлопка. Хлопок, по данным полевых изысканий, выращивался аккинцами вплоть до начала XX в. Этим занимались в основном рядовые жители: о каких-либо значительных хлопковых плантациях на землях аккинцев, неизвестно. Из хлопка-сырца аккинцы изготавливали сукно, а также вырабатывали из него и масло.

По данным архивных материалов, горцы в 1812 г. продали в Кизляре 156 тюков и 77,5 фунтов шелка-сырца, из них 18 фунтов было продано жителями селений Казн-Юрт и Аксай [2]. Невозможно выделить удельный вес шелка-сырца, выработанного аккинцами для продажи, однако несомненно, что в вывезенном из Казн-Юрта и Аксая была немалая доля именно аккинского шелка. Хотя к середине XIX века шелководство на Северном Кавказе пришло в упадок, аккинцами домашний шелк использовался и вырабатывался и после этого времени, в тот период им занимались в основном жители предгорных селений, которые располагали для этого достаточно обеспеченной кормовой базой.

Сбор корней марены был широко распространен на Северном Кавказе. Марена применялась вайнахами в качестве красителя. Впоследствии, как уже было сказано, данная культура была воспринята и казаками. Мы полагаем, что немалая заслуга в этом была той части аккинцев, которая в конце XVI в. оказалась в Терском городе /окочане/. Этим видом производства занимались в основном жители правобережья Терека и нижнего течения рек Мичик, Гумс, Аксай и Акташ. Равинский сообщал о занятиях мареноводством горцами: «семена ея созревают в половине Сентября месяца. В кавказской губернии на-

[1] Максимов Е. Указ. соч. С. 12.
[2] ЦГА Чечено-Ингушской АССР. ф. 47. Д. 1. Л. 1—56.

ходится она по малому количеству во всех уездах, а более произрастает на правой стороне реки Терека. Кизлярские купцы покупают и продают ее в Астрахань, откуда обще с Дербентскою марекою, отправляют в разные города России»[1]. Среди 500 пудов марены и около 16 тыс. пудов поташа, собранных в Кизлярском округе, по сообщению генерала Вердевского в 1810 г., была, видимо, и определенная часть продукции, выработанной аккинцами[2].

В общем же производством марены, изготовлением из нее красок, использованием их для крашения шелковых и хлопчатобумажных нитей, пряжи из шерсти, сукна и сафьяна, занимались почти все вайнахские селения в Терско-Сулакском междуречье[3].

Наряду с корнями марены, жители междуречья собирали и поташ, также используемый в качестве красителя. Аккинцы из земель Шарой-Мохк, Шебарлой-Мохк, Гючкъар-Мохк и Къоцой-Мохк долгое время занимались сбором марены и поташа, часть которых использовалась в домашних условиях, а излишки продавались и обменивались на рынках Кавказа.

Во второй половине XIX в. на смену марене и другим природным красителям пришли искусственные химические красители из России, однако, по свидетельству местных старожилов, в частности, Ильясовой Самихьат /1897 г. рождения/, красители из марены использовались аккинцами в предгорных селениях Аккии вплоть до конца XIX — начала XX столетия, а частично и до 1944 года. И в настоящее время во многих равнинных и предгорных селениях междуречья часто встречаются отдельные «островки» земли, на которых еще сохранились остатки когда-то «могущественной» марены.

Т. о., даже «беглый» обзор убедительно показывает, насколько широк круг хозяйственных занятий аккинцев в XVI—XVIII вв.

§ 5. РЕМЕСЛО

Определяющие виды сельскохозяйственных занятий аккинцев и их ремесленные занятия были тесно взаимосвязаны, как это было у всех народов Северного Кавказа. Ремесленное производство составляло необходимую принадлежность большинства крестьянских хозяйств. С. Броневский заметил, что «об-

---

[1] Равинский. Указ. соч. С. 116.

[2] АКАК. Т. 4. С. 923.

[3] Ахмадов Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII—XIX веках//Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии. XVIII — начало XIX века. /далее — ВПЭРЧИ/. Грозный, 1986. С. 57.

раз жизни горских народов довольно разъясняет, что число ремесел должно быть ограничено необходимыми нуждами»[1]. Разнообразие и широкое развитие домашней промышленности во всех горских хозяйствах позволяло полностью использовать имеющееся в хозяйстве сырье и, следовательно, удовлетворять основные потребности семьи.

Трудности изучения истории ремесел вайнахов заключаются, по мнению этнографа С.-М. А. Хасиева, в том, что официального учета их в прошлом не велось, хотя «история ремесла — одна из существенных сторон истории производства и производительных сил общества, которые остаются до сих пор слабо разработанными»[2]. Трудности изучения ремесленных занятий вайнахов заключались и в том, что в конце XVIII—XIX вв. наблюдается упадок ремесленного производства в крае, объяснимый словами царского генерала Орбелиани: «Во всей Чечне не осталось ни одного аула, ни одного двора, которые по нескольку раз не переселялись бы с одного места на другое»[3]. Многие виды производств были забыты, как и приемы обработки сырья, или утеряны вследствие разорения и гибели мастеров-ремесленников.

В XVI—XVIII вв. на Северном Кавказе обрабатывались все виды сырья: камень и металл, дерево и глина, шерсть, кожа и кость и др., из которых изготовлялись одежда и обувь, средства передвижения, мебель и утварь, оружие и сельхозинвентарь, т. е. все необходимое для жизни горцев. На плоскости было развито производство шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых тканей, ковроткачество и вышивание, обработка металлов и дерева. Однако большинство этих промыслов носило преимущественно потребительский характер, что объяснялось как небольшим количеством вырабатываемой продукции вследствие недостатка избыточного времени у местного населения, так и меньшей заинтересованностью жителей плоскости в промысловой деятельности. В то же время, невозможность занять всех трудоспособных членов семьи только земледелием и скотоводством, а также относительно короткое время сельхозработ также являлись побудительной причиной соединения земледелия с подсобными промыслами.

Предгорные районы междуречья характеризуются большим развитием промыслов по сравнению с равнинными; в более широких масштабах развивались здесь ковроткачество, произ-

---

[1] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 52.

[2] Хасиев С.-М. А. Из истории кустарных промыслов чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом (обработка металла и камня)//Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1988. С. 14, 16.

[3] Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Т. I. Грозный, 1967. С. 118.

водство изделий из льяных тканей, шерсти и дерева, орудий труда и оружия, обуви и других предметов.

Искусство изготовления изделий ремесла передавалось по традиции из поколения в поколение, бережно хранились приемы и секреты изготовления изделий [1]. Нельзя не согласиться с мнением С.-М. А. Хасиева, который отметил «общность (с незначительными диалектологическими отклонениями) терминологии по различным отраслям промыслов, системы измерений, мер веса, расценок, а также и накопление эмпирических знаний... Во многих случаях терминологически идентичны орудия труда и инструменты, применяемые в домашних промыслах вайнахов» [2].

О приемах обработки некоторых видов сырья в указанный период приходится говорить в основном по более позднему материалу (XVIII — XIX вв.), хотя многие из них были забыты к этому времени, однако основные принципы сохранялись.

Одной из древнейших форм домашней промышленности была обработка шерсти, развитию которой способствовало широкое распространение у вайнахов скотоводства. Обработкой шерсти занимались в основном женщины в свободное от полевых работ время. С. Броневский, наблюдая хозяйство горцев, замечал: «Жены у них — портные, ткачи, швеи, тесемщики» [3]. Обработка и производство изделий из шерсти делились на суконное и войлочно-валяльное (холстяно-ковровые изделия и мелкие войлочные изделия, бурочное производство) [4]. Изделия из шерсти и кожи отличались широким ассортиментом: войлоки, бурки, сукна, башлыки, хурджины, паласы и ковры, сумочки, платки и т. д. Мастерство производителей (хотя они делались почти повсеместно) было выше там, где производство было больше связано с рынком и должно было удовлетворять потребностям заказчика.

Жилища горцев убирались шерстяными паласами, коврами и войлоками. Местные жители носили в основном шерстяную одежду собственного производства.

Вайнахи издавна занимались изготовлением сукон и тканей, пользовавшихся спросом в крае. Иностранные путешественники, посещавшие в конце XVIII — начале XIX в. земли вайнахов, указывали, что домашние промыслы занимают важное место в их хозяйстве. Я. Рейнеггс писал о чеченских женщинах, что «...оне делают ковры и покрывала и ткут тонкую

---

[1] Ахмадов Ш. Б. Ремесленные занятия чеченцев и ингушей в XVIII — XIX веках//ВПЗРЧИ. С. 47.

[2] Хасиев С.-М. А. Указ. соч. С. 17.

[3] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 52.

[4] Марграф О. В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С. 37.

шерстяную материю, которую можно на платье употреблять» [1]. Исследователь кустарных промыслов О. В. Маргграф дал в конце XIX в. подробное описание ткацкого станка, на котором горские женщины выделывали сукно» [2].

Выделке сукна предшествовали три этапа, способы и приемы которых у вайнахских народов совпадали. На всех этапах выделки сукна особое внимание уделялось чистоте пряжи и качеству получающихся ниток.

Основные разновидности сукон, отличавшихся по способу и качеству производства, не могли появиться позднее, а именно в XIX в., без предшествовавшей соответствующей базы. Как известно, в XIX веке на местных рынках большое распространение получило так называемое «чеченское сукно, из которого изготавливали черкески, башлыки и казачьи вицмундиры. Основными районами приготовления «чеченского сукна», по данным А. И. Хасбулатова, являлись Грозненский, Ведено, Назрановский и Хасавюртовский округа [3]. Здесь, по данным О. В. Маргграфа, в конце XIX в. производилось на продажу 2000 кусков сукна на сумму 8000 рублей. Упоминание Хасавюртовского округа, границы которого охватывали преимущественно земли Акки, в качестве одного из центров производства сукна на Северо-Восточном Кавказе вполне закономерно.

Вместе с «чеченским сукном» вайнахи, в том числе аккинцы, изготавливали и так называемое «казачье сукно», по качеству уступавшее первому и шедшее на изготовление рабочей одежды [4].

Традиция изготовления специальных видов продукции для продажи ярко прослеживается и в нескольких документальных известиях второй половины XVIII века. Так, в одном из донесений астраханского губернатора Н. А. Бекетова в Коллегию иностранных дел, датированном 1764 г., сообщалось, что «весь торг состоит из собственно их /горцев. — А. А./ рукоделия, как-то: бурки, сукны серые, шитые кафтаны, шаровары, чулки, шапки, овчинные шубы, мед, воск, арбы и колесы арбные» [5]. Сукна, бурки, холсты, войлоки, кошмы, шелковые ткани названы кизлярским комендантом Н. А. Потаповым в 1765 г. в числе привезенных в Кизляр горцами [6].

Часть шерсти, получаемой в основном в предгорных райо-

---

[1] Гаджиев В. Г. Я. Рейнеггс о Чечено-Ингушетии//ВИЭРЧИ. С. 30—31.

[2] Маргграф О. В Указ. соч. С. 147.

[3] Хасбулатов А. И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. Грозный, 1963. С. 39.

[4] Маргграф О. В. Указ. соч. С. 78.

[5] Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 48.

[6] Там же.

ках, использовалась вайнахами на месте, а излишки шли на обмен с соплеменниками на плоскости, на продажу на рынки Северного Кавказа, а также в необработанном виде поставлялась в Дагестан [1].

Другой вид ремесленного производства — искусство изготовления декоративных войлочных ковров — до настоящего времени не подвергался специальному изучению. Одну из первых попыток в этом отношении предприняла Т. А. Мазаева, которая, анализируя данные О. В. Маргграфа, приводит высказывание, имеющее прямое отношение к теме нашего исследования: «В Кумыкско-Чеченском районе /т. е. в Хасавюртовском округе. — А. А./, где по сравнению кочевниками, население зажиточнее и промышленнее.., почти каждая семья готовит ковры /истанги/ на свое домашнее употребление, а около восьмой части семей готовит их на продажу» [2]. В начале XIX века только из двух селений Хасавюртовского округа — Кази-Юрта и Аксая — для продажи в Кизляр было вывезено 66 паласов и 54 ковра [3]. Из приведенных данных видно, что одним из главных изготовителей и поставщиков указанных видов товаров на рынки Кавказа было население Акки, определенная часть которого специализировалась на ремесленной деятельности, т. е. с ориентацией преимущественно на рынок.

Жителям Терско-Сулакского междуречья издавна было известно изготовление высококачественных ковров из войлока, которые аккинцы называли «бегIиг» (по-чеченски — «истанг»). Аккинские мастерицы различали такие виды войлочных ковров, как «бегIиг» — простой войлочный ковер, без орнамента и расцветки; «Iаьржа бегIиг» (черный истанг) — ковер, изготовленный только из черной шерсти, иногда орнаментированный; «къорза бегIиг» — разноцветный ковер; «чаьках йола бегIиг» (чеч. «кIиназа йолу истанг») — ковер с бахромой.

Отделка и изготовление войлочных ковров требовало большого искусства и вкуса. Орнамент ковров в основном совпадал с орнаментом ювелирных изделий и, по отзывам специалистов, органичное сочетание «растительных и геометрических узоров в орнаменте придавало изготовляемым предметам неповторимые черты» [4]. Форма орнаментов, цвета и т. д. передавались из поколения в поколение, но зависели не только от традиций предыдущих поколений, а и от изобретательности и фантазии самой мастерицы.

---

[1] Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 86.

[2] Мазаева Т. А. К изучению декоративных истангов//Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона /далее — ВИИИСКД/. Вып. 3. Грозный, 1985. С. 209.

[3] Грицейко Н. П. Указ. соч. С. 64—65.

[4] ИНСК. Т. I. С. 281.

Широко распространенным промыслом среди вайнахов было производство бурок. Бурки, изготовленные ими, отличались добротной выделкой и мягкостью, что обеспечивалось, по наблюдению О. В. Марттафа, тщательным выщелачиванием материала [1].

Для скотоводов бурка являлась наиболее практичным и удобным видом одежды: в летний зной она спасала от солнца, а зимой — от холодов, тем более, что в Акки и Ичкерии «климат суровее и зима продолжительнее» [2].

Бурки высокого качества изготовлялись в аккинских селениях Кешен, Ширча-Юрт, Гиазар-Гала и Аьккхий-Юрт; простые, более низкого качества бурки, производились во многих аккинских селениях. Исследователи отмечали, что «чеченские бурки вместе с андийскими и под именем андийских же доходят до Грузии и славятся на всем Кавказе, как лучшие» [3]. Из таможенной книги Кизлярской карантинной заставы за 1812 г. видно, что из селения Аксай в Кизляр было вывезено больше всех бурок — 361 шт. [4], значительная часть которых была изготовлена и привезена из Акки и ичкеринских обществ, для которых Аксай был как бы «перевалочным пунктом».

Не останавливаясь подробно на некоторых видах домашних промыслов аккинцев, отметим, что немаловажное значение в хозяйстве жителей междуречья имело производство обуви и одежды из шкур и кож домашних и диких животных, гончарное производство и деревообработка, обработка кости и камня [5] и т. д.

Значительное место в хозяйственной деятельности вайнахов, в частности аккинцев, особенно предгорных селений, занимала металлообработка. Из добытого в горах и выплавленного на месте или приобретенного на стороне железа вайнахи выделывали различные металлические изделия для сельскохозяйственного и домашнего пользования, а также украшения, снаряжение и военные доспехи. Местные сельские кузнецы изготовляли топоры, серпы, косы, железные котлы и сошники, надочажные цепи, сковороды, ножницы для стрижки овец, ножи, металлическую посуду, а также различного рода оружие. Почти в каждом чеченском селении, как утверждал К. Самой-

---

[1] Марттаф О. В. Указ. соч. С. 21, 22—23.

[2] Берже А. П. Указ. соч. С. 7.

[3] Марттаф О. В. Указ. соч. С. 68, 171; Норденстамм И. И. Указ. С. 22; и др.

[4] ЦГА Чечено-Ингушской АССР. Ф. 47. Д. 1. Л. 1—55.

[5] Марттаф О. В. Указ. соч. С. 68, 171; Норденстамм И. И. Указ. соч. С. 318; Берже А. П. Указ. соч. С. 89; Самойлов К. Указ. соч. С. 60; Хасиев С.-М. А. Указ. соч. С. 22.

лов, местные мастера изготавливали необходимые в хозяйстве изделия из металла [1].

Трудно судить, насколько было развито металлическое производство во всех аккинских селах, однако документальный материал и полевые изыскания показывают, что наиболее известными среди аккинцев были мастера-ихьарчхоевцы, особенно из предгорных селений Ширча-Юрт и Ихьарчхошка [2]. Наряду с изготовлением металлических предметов сельскохозяйственного и бытового назначения, аккинцам было хорошо известно и искусство изготовления холодного, а позднее и огнестрельного, оружия, доспехов и др. Видимо, не случайно, что название крупного аккинского общества «Ихьарчхой» переводится самими аккинцами не только как «первопоселенцы» /от «ихьар»-мастер/, но и конкретно подразумевается как «мастера по изготовлению панцирей, кольчуг, стрел». Подтверждением этого явилось высказывание русского офицера А. М. Буцковского /1812 г./ о том, что аккинцы, живущие в верховьях рек Акташа и Ярыксу являются «несьма хорошими оружейниками» [3], имевшими славу изготовителей холодного и огнестрельного оружия.

Естественно, что искусство изготовления изделий, в частности, оружия, не могло появиться внезапно, а было результатом труда и мастерства многих поколений вайнахов. О широком распространении и ценности оружия среди аккинцев свидетельствует и факт примирения кумыкских князей с аккинцами, когда, как уже было сказано выше, за убийство вожака аккинцев им пришлось заплатить не только 120 лошадьми, накрытыми дорогими тканями, но и полным вооружением воина того времени — 120 кольчугами, саблями, стрелами и луками.

Итак, приведенные материалы показывают относительно высокий уровень развития ремесленного производства и домашних промыслов аккинцев в XVI—XVIII веках. Вместе с тем, безусловно признавая ведущую роль в хозяйственной жизни аккинцев земледелия и скотоводства, мы одновременно не можем преувеличивать роль ремесел и кустарных промыслов вайнахов, в частности аккинцев, игравших больше роль подсобных промыслов /за некоторым исключением/, тем более, что, по справедливому замечанию известного историка Н. П. Гриценко, ремесло «еще не отделилось от сельского хо-

---

[1] Самойлов К. Указ. соч. С. 47.

[2] Аккинцы предгорных селений из Пачалкъа-Аьккха тоже, без сомнения, занимались металлообработкой, однако впоследствии забросили занятие и на сегодняшний день не удается собрать конкретные сведения о них.

[3] Буцковский А. М Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей 1812 г.//ИГЭД. С. 248.

зайста и носило в основном домашний характер»[1]. Данное высказывание, определяющее характер ремесленного производства вайнахов в XVIII — первой половине XIX в., тем более правомерно относительно XVI—XVIII вв.

§ 6. РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В АККИ

Разделение труда и складывание на его основе хозяйственных взаимозависимых отношений между отдельными обществами и народами приводило к образованию центров обмена и купли-продажи в крае. Складывался обмен как между зонами (горы, предгорье, равнина), так и внутренний обмен между обществами и селениями. Так, например, шелк и рис шаройцев и шебарлоевцев обменивались на хлеб; металлические изделия и оружие пхьарчхоевцев из Ширча-Юрта обменивались на гончарные изделия жителей Кешена и Аьккхий-Юрта. Таковой обмен еще нельзя назвать торговлей, т. к. хозяйство аккинцев в тот период было преимущественно натуральным и, соответственно, обмен производился в рамках данного типа хозяйства. Исключение могли составить жители равнинных районов Акки, которые постепенно втягивались в полунатуральные и денежные отношения с русскими городами на Тереке и юге России — Терским городом, крепостью Святого Креста, Кизляром и Астраханью.

Развитию внутренней и внешней торговли в указанный период препятствовали как натуральное хозяйство, так и частые стычки и войны между феодальными верхами Северного Кавказа и походами иноземцев, неномерные пошлины, взимаемые с провозимых товаров как местными феодалами и владельцами, так и впоследствии царской таможней.

Первое же письменно засвидетельствованное соприкосновение аккинских представителей с русскими и правительством Руси — обращение Шиха Окоцкого к царю в 1588 г. — свидетельствует о существовании торговых отношений между аккинцами и русскими представителями на Тереке. Ших Окоцкий возил продукты и другие товары строителям первых русских крепостей на Тереке и готов был продолжать поставки, тем самым подтверждая готовность к сотрудничеству. Он писал, что, если «запас будет на Терку город понадобитца, — и яз стану и запас вазить»[2]. Естественно, и ранее и в указанный период аккинцы поставляли товары и продукты не бесплатно, а в обмен или на продажу местным казакам и строителям крепостей-городков на Тереке.

---

[1] Трищенко Н. П. Указ. соч. С. 63.
[2] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 57. 62—64.

С появлением у стен Терского города Окоцкой слободы аккинцы, наравне с другими кавказскими народами и обществами, начинают втягиваться в российскую торговлю, в частности с городами Астрахань и Москва. Племянник Шиха Окоцкого Батай, посетивший в 1605 году Москву с дипломатической миссией, занимался и торговыми операциями и закупил 15 комплектов боевого снаряжения [1]. Для того времени эти дорогие товары требовали значительных затрат.

Торговля в Терском городе процветала. Через город проходили торговый обмен и купля-продажа между вайнахскими, северокавказскими, русскими, западноевропейскими и восточными купцами. В городе «были караван-сараи, торговые ряды и базары, роскошные сады, общественные бани, таможенные и кружечные дворы, аманатный двор, меновой двор» [2]. В торговые отношения втягивались аккинцы, мичкизяне и шибуты, служившие России в Терках и поддерживавшие постоянные и тесные связи со своими соплеменниками. С середины XVII века появляются отрывочные сведения о бытовании товарно-денежных отношений в крае. В челобитной 1648 г. узденя окоцкого мурзы Чепана Кохострова — Балыхчея Ильдарова — последний жалуется на астраханского татарина Досая Уразлыкова и его зятя. Балыхчей обвинил их в том, что они не вернули ему взятые в долг 12 рублей с процентами; женившись же на дочери Досая, Балыхчей заплатил ему «23 рубля денег, да лошадь, да кафтан дорогильный, да лук ядринский, да 10 стрел, а цена, государь, дорогам и лошади, и кафтану, и луку, и стрелам 21 р.» [3]. Как видим, не только калым, но и стоимость преподнесенных товаров оценивается в деньгах.

В годы иностранной интервенции в России укрепление торгово-экономических отношений с вайнахскими и другими северокавказскими обществами были жизненно необходимы для русского населения на Тереке. Не получая продуктов и других изделий из России, русские представители возлагали единственную надежду на поставки хлеба и других предметов потребления на северокавказские общества. И эта надежда вполне оправдалась, т. к. поставки товаров и продуктов были налажены, что еще больше укрепляло взаимоотношения местного населения с представителями России. Уже к концу первой четверти XVII в. Терский город становится главным торговым центром Северного Кавказа: два раза в неделю здесь проходит торговля, в которой участвовали горцы, терские жители,

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 520.

[2] Потто В. А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах легендах и биографиях. Т. I. СПб., 1885. С. 18.

[3] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. Ч. 2. Л. 310.

а также русские и иностранные купцы. Горцы пригоняли скот, лошадей и привозили другие товары, а купцы и северокавказские владельцы отвозили эти товары в Москву, Астрахань, Дербент и Закавказье [1].

С усилением влияния Астрахани /вторая половина XVII в./ на экономическое развитие Северного Кавказа, здесь все чаще появляются аккинцы-окочане Терского города в роли торговцев. Несмотря на то, что большинство документов архива Терского двора и Казанского дворца, в ведении которого находилась крепость, а также книги Астраханской таможни второй половины XVII — первой четверти XVIII в., не сохранились [2], даже те отрывочные сведения, которые дошли до нас, позволяют судить об активной хозяйственной деятельности аккинцев в Терках, Астрахани и других городах России и Кавказа.

В 1672 г. был отпущен из «Астрахани... до Терка» терский окочанин Янтуничка Кумыков «в лотке» с товарами и с работными людьми /тоже с товарами/; за товары «пошлины по указу платили» [3].

Со временем ассортимент товаров все расширялся. В 1676 и 1681 годах терский окочанин Янбулат Эльмурзин вывез из Астрахани большое количество разнообразных товаров, среди которых аеркала, иглы, белила, немецкое сукно, смола, зеленая котловая медь, кармазин и др. [4]. Несомненно, весь этот набор товаров предназначался для перепродажи как жителям Терков, так и горцам. В лице окочанина Янбулата Эльмурзина предстает тип профессионального торговца — тип «купчин» среднего достатка из числа аккинцев-окочан.

Северокавказские владельцы добивались через своих послов права на покупку «заповедных» товаров (панцирей, наручей, шлемов) и простых товаров. Рядовые горцы таких прав не имели и пытались избежать уплаты пошлин в Терках и Астрахани. Терские воеводы сообщали, что горцы (аккинцы, чеченцы, кумыки и др.) приезжают в Черкасскую, Окоцкую и другие слободы Терского города для «самочинного торга» без пошлин, для прекращения чего и с целью сокращения притока в Терки на постоянное жительство, российские власти были

---

[1] Полное собрание законов Российской империи /далее — ПСЗ/. Т. 3. СПб., 1830. № 1585; Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII в. /далее — РДО/. Махачкала, 1958. С. 201—219.

[2] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 16; Килясов Р. К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII и первой пол. XVIII в. (по материалам Астраханской таможни)//Автореф. канд. дисс. М., 1971. С. 5—6.

[3] РДО. С. 202.

[4] Магомадова Т. С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей//Вопросы истории Чечено-Ингушетии /далее — ВИЧИ/. Т. II. Грозный, 1977. С. 106—110.

вынуждены поставить специальные таможенные караулы на «Кизлярском перевозе» и в других местах [1].

Внутренняя торговля жителей Терско-Сулакского междуречья, как и в других регионах края [2], в изучаемый период была относительно слабо развита. В основном здесь она сводилась к простому обмену продуктами и изделиями между жителями плоскости и предгорных и горных селений. Некоторые населенные пункты Северо-Восточного Кавказа (например, Эндери, Аксай), расположенные на стыке торговых путей, к XVII—XVIII вв. стали превращаться в крупные торговые центры. Путешественник Эвлия Челеби сообщал, что в селении Эндери «денег и алтунов и курушей... нет. Но торговцев, прибывающих и отъезжающих, здесь много. Все сделки и приобретения производятся путем обмена имеющихся у них товаров» [3].

Процесс установления торговых взаимосвязей вайнахов с Россией в XVIII веке приобретает постоянный характер. Торговля шла через Терки, Святой Крест, Кизляр и Астрахань, причем в XVIII в. именно в этих населенных пунктах-городах торговые отношения северокавказцев, в частности аккинцев, принимают характер денежных. Судя по документальным известиям XVIII в. из Терского города в Астрахань доставлялись различные товары горского производства; обратно шли товары как российского, так и западноевропейского и восточного производства. Исследователем Ш. Б. Ахмадовым была выявлена часть материалов Астраханской таможни первой четверти XVIII века, по которым можно наглядно проследить роль окочан в расширении экономических связей вайнахов и северокавказцев с другими народами, торгующими в Астрахани, а также о вывозе массы самых разнообразных товаров, произведенных как вайнахами, так и другими народами Кавказа из Терков в Астрахань и обратно [4].

В Терском городе проживало смешанное население, сотнями нитей связанное с горцами Северного Кавказа. Документ, датируемый 1708 г., свидетельствует о торговле между ногайцами, гребенскими казаками и аккинцами-окочанами Терков, с одной стороны, с представителями вайнахских обществ: «Лузан да 2 человека терских окочан... ездили с Терку для продажи в Чечню с рыбою» [5].

---

[1] КРО. Т. I. С. 140.

[2] ИИСК. Т. I. С. 385.

[3] Эвлия Челеби. Книга путешествий. Вып. 2. М., 1979. С. 115.

[4] Ахмадов Ш. Б. Экономические связи чеченцев и ингушей с Россией и народами Северного Кавказа в XVIII веке//Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI — нач. XX в. /далее — ВНЧИРИК/. Грозный, 1991. С. 73—74, 79 и др.

[5] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч I. М.; Л., 1936. С.242.

Селение Аксай, быстро превращавшееся в крупный торговый центр в XVIII в., привлекало как местные общества, так и русских и иностранных торговцев. Через посредство аксайского рынка аккинцы-окочане Терского города поддерживали тесные связи с вайнахскими обществами, в числе которых, в первую очередь, были аккинцы из Пачалкъа-Аьккха и Пхьарчхошка-Аьккха. Немало сведений о торгах в Аксае содержит «Книга для учета пошлин, взимаемых с приезжих жителей» из архива Терского коменданта. Так, 9 февраля 1726 г. «с терского жителя окочанина Курмана Богоматова с женой его... которые отпущены в Аксай для торгу» взята пошлина [1]. 15 февраля 1726 г. с окочан Суркая Усманова с двумя его работниками, пропущенными в Аксай «для покупки запасов», также взята пошлина [2]. Ясно, что аккинцы являлись одними из главных поставщиков «запасов» и других товаров на рынки Терско-Сулакского междуречья. О значении же Аксайского торга свидетельствует и такая запись из документа: «Производимый в оном торг привлекает туда много соседственных чеченцев, относительно коих также весьма важно сие место» [3]. С. Броневский сообщал, что в Аксае чеченцы «променивают сырые кожи, меха, воск, мед, лошадей, рогатый скот, войлоки на нужные для них вещи, как-то: порох, свинец, огнестрельное оружие, чугунные котлы, холст, юфть» [4].

С построением крепости Святого Креста и перемещением сюда казаков, черкесов и окочан в нем, по свидетельству И. Г. Гербэра, съезжались многие купцы, в том числе и вайнахские [5]. Со строительством Кизляра и укреплением дальнейших торгово-экономических связей России с Северным Кавказом и особенно со второй половины XVIII века, по замечанию Б. В. Скитского, торговля постепено перерастала из меновой в денежную, когда деньги стали средством расчета вместо холста, служившего раньше мерилом ценности [6].

Зарождение торговых центров на Северном Кавказе было одним из главных условий развития торговли и его перерастания на уровень товарно-денежных отношений в крае. Несмотря на разного рода запреты царского правительства на ввоз в вайнахские селения некоторых товаров, русские, терские и другие купцы пробирались к горцам и сбывали им свои товары, приобретая у них их изделия и продукты [7].

---

[1] ЦГА ДАССР. Ф Терский комендант Оп. I. Д. 4451. Л. 2 об.
[2] Там же. Л. 3—3 об.
[3] Вуцковский А. М. Указ. соч. С. 242.
[4] Броневский С. Указ. соч. Ч. 2. С. 55—56.
[5] Гербер И. Г. Указ. соч. С. 63.
[6] Скитский Б. В. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе, 1972 С. 337.
[7] Рукоп. фонд. ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Оп. I. Ф. I. Д. 63. Л .32.

Важное значение в осуществлении как торгово-экономических, так и политических контактов северокавказских обществ с Россией и народами Кавказа в указанный период имели основные пути передвижений караванов, посольств, войск и торговцев. Как известно, одной из главных артерий Северного Кавказа являлась так называемая «Дербентская дорога», шедшая от Азова до Дербента, маршрут которой был отражен в русских документах еще в 1615 г. [1]. Отрезок этой дороги — «от Сунжи мимо Тарков» (т. е. от р. Сунжи мимо селения Тарки) — привлекает внимание, т. к. он приходится на земли аккинцев.

Перевоз через Сунжу был привычным ориентиром транзитных передвижений по Северному Кавказу. Около него появлялись первые русские крепости, здесь же была построена одна из последних крепостей того периода [2]. Согласно документальным материалам, дорога через этот перевоз вела к современному селению Истису (Мелчхе) — р. Аксай — гор. Хасавюрт, откуда выходила к реке Акташ и селению Эндери через земли пхьарчхоевцев. После Эндери караваны (посольства, войска и др.) направлялись к Таркам и далее — к Дербенту [3]. Полевой материал, собранный среди аккинских старожилов, также определяет почти тот же маршрут от Сунжи до Сулака и Тарков.

Второй крупный путь караванных передвижений вел из Астрахани через Терский город и северокавказские земли в Грузию и Закавказье. По мнению последователей, маршрут этого пути таков: г. Астрахань — Терки — Кизлярский перевоз — переправа на р. Аксай — р. Сулак — Тарки — сел. Буйнак — Дербент и далее в Закавказье [4]. Полевой материал более подробно показывает этот путь от Терков до Сулака: от Терского города /1588 г./он вел к древним аккинским поселениям Iандале, Яркхе, Бота-юрт на пересечение в районе гор. Хасавюрта с «Дербентской дорогой»; далее к Эндери и только после к переправе через Сулак — к Таркам.

От двух главных торговых путей, упомянутых нами, по территории Акки проходили маршруты менее крупного значения, известные как «гIачалкъой къалпал» и «пхьарчхой къалпал» («гIачалкъоевская» и «пхьарчхоевская» караванные дороги»). Первая отходила от «Дербентской дороги» между современными селениями Нойбоьра (аккинское «Нохье-Буьйра») и Ойсхар к обществам Ичкерии, соединяясь с перевальными пу-

---

[1] КРО. Т. I. С. 89.

[2] Там же. Т. I. С. 160—161.

[3] Магомадова Т. С. Важнейшие пути русских транзитных передвижений на территории Чечено-Ингушетии в XVI—XVII вв.//ВНЧИРНК. С. 26.

[4] ИНСК. Т. I. С. 306.

тями, ведшими в Грузию. От нынешнего города Хасавюрта шло два пути «пхьарчхой къаьнал»: первый — по руслам рек Ямансу, Ярыксу к аккинским поселениям Пазар-Пала и Кешен, с выходом через Ичкерию на «Гуьржи-Мохк» («Грузинская земля»); второй путь из Хасавюрта вел через аккинские поселения Пхьарчхошка и Ширча-Юрт к селению Алмак и, преодолевая Сулак, выходил к обществам внутренних районов Дагестана.

В целом, характеризуя хозяйственно-экономическое развитие вайнахских обществ XVI—XVIII вв., следует отметить, что при относительном подъеме производительных сил и развитии товарообмена с тенденцией перехода во второй половине XVIII века к товарно-денежным отношениям, хозяйство вайнахов, в частности аккинцев, все же остается еще полунатуральным. Дальнейшему развитию хозяйственной жизни мешали как внутренние (замкнутость обществ и др.), так и внешние экономическая и политическая направленность позиции России, нашествия войск Ирана, Турции, Крыма и походов России, и др. Давая такую характеристику общего характера развития вайнахских обществ, мы считаем вправе все же сказать о том, что не все общества стояли на одном уровне хозяйственно-экономического развития. Значительная хозяйственная освоенность аккинцами Терско-Сулакского междуречья, выгодное стратегическое положение Акки, наличие крупных торговых центров на землях общества, являющихся следствием активного функционирования торгово-военно-дипломатических путей, выдвинули общество Акки в число передовых северокавказских обществ с относительно высоким уровнем хозяйственно-экономического и политического развития.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. О ФОРМАХ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

Процессы хозяйственного развития вайнахских обществ в XVI—XVIII веках, сдвиги в области земледелия и скотоводства, ремесла и торговли, а также политические события на Северном Кавказе не могли не повлиять на уровень общественной жизни, не повлечь за собой усиления имущественной и социальной дифференциации внутри обществ. На сложность и отсутствие у исследователей единого мнения относительно уровня развития общественного строя у вайнахов, являющегося следствием как некритического восприятия наследия дореволюционных авторов, так и слабой изученности архивных и других материалов, указывал известный исследователь Е. И. Крупнов [1].

Задавшись целью изучить уровень развития социальных отношений у аккинцев в XVI—XVIII веках, в первую очередь необходимо попытаться установить форму собственности на основное средство производства вайнахов — землю, ибо от этого и зависит во многом и сам уровень социального развития общества.

Документальные материалы XVI—XVII веков оставили нам упоминания о различных «землицах», «владельцах земли своей» и т. д., однако сведений о самих формах землевладения они не дают. Материалы же более позднего происхождения отмечают у вайнахов индивидуальную собственность на пахотные, покосные, иногда и пастбищные земли и общинную собственность.

Дореволюционный автор статьи «Землевладение у чеченцев (г. П... в) считал, что еще в XVI в. земли аккинцев были поделены на: общие — нераздельные — горные пастбища, берега рек, выгоны; общественные — делимые ежегодно — места, не покрытые лесом; частнособственнические — расчищенные участки, приобретенные по праву первого завладения [2]. При

---

[1] Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. Грозный, 1971. С. 153.
[2] ССТО. Вып. I. Владикавказ, 1878. С. 268.

этом автор статьи исходил из древнего предания, записанного, якобы, у аккинцев в 1869 году. Использовав данное предание в своей работе, другой дореволюционный исследователь Евгений Максимов утверждал, что у чеченцев до XIX в. не было частной собственности на землю, а господствовала система периодических переделов земли, которую, якобы, соответственно древнему порядку чеченцев и закрепило законодательно царское правительство после Кавказской войны [1].

Современный исследователь И. М. Саидов на основе тщательного исследования и анализа данных доказал, что общинно-передельная система была давно отжившей себя формой землевладения у чеченцев, а в горах и на плоскости существовала частная форма собственности на землю; передельная же система землевладения, по его утверждению, была вновь навязана вайнахам царским правительством во второй половине XIX в. [2].

Предание, записанное г. П...ым, относится к очень далекому времени и вряд ли правомерно на его основе определять временной отрезок возникновения самого предания. Это тем более вызывает сомнение, если принять во внимание, что аккинцы не застали при освоении Терско-Сулакского междуречья ни одной человеческой души, а плоскость была пустынна, «если не считать наполнявших ее диких зверей; с другой стороны, в Андии был только один хутор, состоявший из одного семейства» [3]. Почти то же сведение зафиксировано и в исторической хронике аккинцев, названной нами условно «Рукописью Ибрагимова-Магомедова»: «В это время между Сулаком и Тереком никого не было. Внизу было одно поселение ногайцев, наверху — одно поселение андийцев. В то время граница была с ногайцами и андийцами» [4]. Сам характер предания и сообщение «Рукописи» со всей очевидностью показывают, что вряд ли приведенные сведения правомерно относить к XVI—XVIII вв., а тем более к XIX столетию, как пытался это сделать Е. Максимов.

Весьма интересен также и вопрос о «первом завладении». «Первое завладение, — комментирует Е. Максимов, — считается здесь самым священным правом и никто не осмелится оспаривать его; поэтому после каждого переполоха, возвращаясь из лесов на свои места, жители сразу без малейших недоразумений садятся по своим местам, как будто и не бога-

---

[1] Максимов Е. Чеченцы//Терский сборник. Вып. 2. Владикавказ, 1894. С. 52.

[2] Саидов И. М. Общественный быт вайнахов во второй половине XIX — в начале XX в./ Канд. дисс. Махачкала, 1970. С. 81.

[3] ССТО. Вып. I. С. 268; Максимов Е. Указ. соч. С. 40.

[4] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 1 об.

лись с них» [1]. Естественно, что Е. Максимов представляет картину сообразно официально принятой традиции по отношению к горцам Кавказа. Возвращение на свои места может быть объяснено только правом частной собственности на землю, а не только (и не столько) «правом первого завладения», которое И. М. Саидов называет как более близкое к истине «первым наделом» [2].

Основываясь на материалах археологического характера, многочисленных устных преданиях и народных обычаях, И. М. Саидов пришел к выводу, что «даже в отдаленные времена пахотные участки, скот, сенокосы, основные пастбища и местами леса были частной собственностью малой семьи. Землю можно было продавать, дарить, давать в качестве приданого, оставить в залог, отнять в качестве штрафа» [3]. Данный вывод с полным правом можно отнести к аккинцам, раньше других вайнахских обществ освоивших равнинные земли и издавна здесь проживавших. Среди достаточно обширного полевого материала, собранного среди местного населения в течение последних 30 лет местным краеведом И. Исмаиловым и автором, нет ни одного свидетельства, показывающего существование передельной системы землевладения (в какой бы то ни было форме) у аккинцев в прошлом. На плоскости Акки, как и в горах и предгорьях, пахотные земли, сенокосы и часть пастбищ находились в частной собственности отдельных семей. Кроме того, как подтверждает полевой материал, некоторые лесные и пахотные участки, так же, как и некоторые горные массивы (например, Янбека-Лам, Гебак и Венак и др.) назывались по именам людей, чьей собственностью указанные местности являлись.

Одним из подтверждений существования и господства частной собственности на землю является, как известно, существование поливного земледелия с развитой системой орошения. «Ирригационное сооружение и оросительная сеть, устроенные на индивидуальном участке, считались собственностью хозяина этого участка. Дамбы и плотины для мельниц и принадлежащие к ним участки также продавались, сдавались в аренду и переходили по наследству» [4]. Подобная широкая сеть ирригационных сооружений, как было рассмотрено нами выше [5], су-

---

[1] Максимов Е. Указ. соч. С. 42.

[2] Саидов И. М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII—XIX веках//Изв. ЧИНИИ. Т. 4. Вып. I. Грозный, 1964. С. 163.

[3] Там же. С. 163—164.

[4] Саидов И. М. Указ. соч. С. 165.

[5] См. § 3 главы 1.

ществовала с древних времен вплоть до нашего столетия на территории Акки.

Исследованиями последних десятилетий установлено, что на поздней ступени развития вайнахских обществ в общем владении находились лишь второстепенные средства производства, а основные средства — пахотные, сенокосные участки и прочие — находились в частной собственности [1], причем у вайнахов существовала «частная собственность феодального порядка» [2].

§ 2. ОБ УРОВНЕ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АККИ В СВЕТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ИСТОЧНИКОВ XVI—XVIII ВЕКОВ

Для уяснения характера и уровня развития производственных отношений в исследуемый период важно, как нам представляется, обратить внимание на социальную терминологию источников XVI—XVII веков.

Из известных официальных источников /в основном русского происхождения/ мы знаем наименования различных «землиц», как, например, «Окоцкой», «Шибутской» и др. Соответственно этим «землицам» называются и вайнахские общества: «окоцкие люди», «шибутцкие люди». Сопоставления наименований горских «землиц» источников XVI—XVII вв. с идентичными названиями «обществ» документов XIX в. были проведены Е. Н. Кушевой, которая отметила, что названия ряда «землиц», «известных по источникам XVI—XVII вв. совпадает с названиями «обществ» Чечни и Ингушетии источников XIX в.», а под «землицами» XVI—XVII вв., по ее мнению, выступает «род» или «родоплеменная группа» [3]. «Анализ сохранившихся названий «землиц», — отмечает Е. Н. Кушева в другой своей работе, — показывает, что в одних случаях они означают тайп, род, который как пережиточное явление сохранялся в Чечне и Ингушетии в XIX и даже в XX в. ...Иное содержание имеют такие обозначения, как Шибуткая или Мичкисская земля... Очевидно, что это родоплеменные группы, токхумы, которые объединяли несколько тайпов» [4].

Выводы Е. Н. Кушевой не во всем убедительны, т. к. не основаны на анализе характера поселений в этих «землицах»,

---

[1] Робакидзе А. И. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа//Советская этнография. № 5. 1968. С 94.

[2] Кавказский этнографический сборник. Т. 2. Тбилиси, 1968. С. 185.

[3] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 61—62, 77—78.

[4] Кушева Е. Н. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа//Проблемы феодализма у народов СССР. М., 1969. С. 180—181.

форм собственности на основные средства производства и форм семьи [1]. Вряд ли оправдана и применимость термина «земля» русских источников к локальным группам вайнахов, т. к. данный термин имеет и другой смысл, например, «Грузинская земля», «Иверская земля», которые локальными группами никак нельзя назвать.

Происхождение терминов «землица» и «земля» Т. А. Исаева относит к периоду племенного строя, а «длительное сохранение одного и того же названия не может означать тождества социальной сущности одноплеменных этно-политических объединений различных эпох» [2]. Данное замечание исследователя тем более существенно, если учесть, что территориальные границы Акки («Окоцкой землицы») XVI—XVII вв. и Акки XVIII—XIX вв. значительно отличались друг от друга.

«Землицы» русских источников XVI—XVII вв. не могут быть «родоплеменными группами» и по той причине, что согласно тем же источникам в этих «землицах» существовало привилегированное сословие «князей», «владельцев» и «мурз», которым противостояли различные категории зависимого населения и рядовые общинники. Так, Албирь Кохостров (Костров), один из аккинских мурз, в челобитной 1644 г. жалуется царю, что терская администрация ущемляет его права: Албирь и его брат Чепан оказались «сверстаны во всем с окочаны, с пахотными людьми» [3].

Социальный облик «землиц» можно проследить по типам поселений. Территориальный тип поселения, в частности горных районов, имеет длительную историю от форм поселения «домами-крепостями» до селений с феодальными укреплениями, на основе которых вырастало впоследствии феодальное село. По данным вайнахских языков слово «цхьа», означавшее «поселение», бытовало во времена родовых отношений, а к XVI—XVII вв. данное слово преимущественно было вытеснено новыми терминами: горные поселения назывались «эвла» (аул), равнинные — «юрт» (село, поселение)[4], хотя, необходимо заметить, что данные термины по отношению к аккинским поселениям не всегда соответствовали горам или плоскости [5].

В грамотах русского царя Федора Ивановича первыми

---

[1] Исаева Т. А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII—XIX вв.//ВИИНСКД. Вып. I. Грозный, 1973. С. 133—134.

[2] Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. С. 29.

[3] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1645 г. Л. 95.

[4] Чокаев К. Э. Топонимы и гидронимы Чечено-Ингушетии//Рукоп. фонд ЧИНИИИЯЛ. Оп. 3. Д. 5. Л. 38—39.

[5] Например, два аккинских селения в предгорьях Акки, расположенные в 3—4 км друг от друга, носят названия «Вовий-Эвла» и «Вови-Юрт».

встречаются термины «Шихов-улус» и Шихов-юрт» [1]. Наименование «улус» в русском языке соответствовало селению, а бытовавший в русском языке татарский термин «юрт» означал «область», «владение», «земля» [2]. С термином «юрт» в данном случае можно связать два смысла: и как село Шиха, и как область, подчинявшаяся Шиху. Село, в соответствии с принятой этнографами классификацией поселений, признано поселением, характерным для феодального общества [3]. Вероятно, с большей убедительностью понятие феодального общества можно отнести к «области», «владению» или «поселению» Шиха Окоцкого.

Некоторые населенные пункты русскими источниками XVI—XVII вв. называются «кабаками»: «окоцкие кабаки», «мичкинские кабаки» и т. д. В данном употреблении, видимо, можно согласиться с мнением Т. А. Исаевой о том, что «кабаки» составляли сельские общины и отдельные селения; в результате объединения они могли составлять упомянутые «земляды» [4]. В другом смысле термин «кабак» («своих кабаков владельцы» [5]) мог иметь значение феодально зависимого села [6] или же поселения крестьян, в котором, кроме них самих, жили и крупные и мелкие «владельцы-дворяне», а наиболее крупные «кабаки» становились центрами административной и хозяйственной жизни владельцев [7]. В целом же, по отрывочным сведениям источников XVI—XVII вв. и упомянутым типам и формам поселений вайнахов, Т. А. Исаева определяет следующие категории поселений: населенные вольными общинниками, феодально полузависимыми общинниками и феодально зависимыми общинниками [8].

С определенной долей относительности источники XVI—XVII в. позволяют воспроизвести градацию вайнахского, в частности аккинского, населения по их социальному положению. Главная сложность при этом заключается в том, что документы указанного периода называют категории («мурзы»,

---

[1] Ведокуров С. А. Указ. соч. С. 16—17, 64, 102—103.

[2] Даль В. Толковый словарь. Т. IV. М., 1965. С. 489, 669.

[3] Воронин Н. Н. К истории сельского населения феодальной Руси// Известия Государственной академии истории материальной культуры /далее — ИГАИМК/. Вып. 138. Л., 1935. С. 16, 51—52, 71.

[4] Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. С. 31.

[5] Ведокуров С. Указ. соч. С. 150.

[6] Исаева Т. А. Социальный характер чечено-ингушской общины// Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала, 1988. С. 282.

[7] Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С. 243.

[8] Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. С. 32.

«князья», «уздени», «холопы»), но не проявляют их социально-правового положения. Другая сложность состоит в том, что большая часть социальных терминов середины XVI — первой половины XVII в. вообще не встречается в документах со второй половины XVII—XVIII в.

Источники свидетельствуют о наибольшей активности аккинского общества во взаимоотношениях с Россией в конце XVI — начале XVII в. Представители социальных верхов «Окоцкой землицы» называются в источниках то «князьями», то «мурзами». Первая же грамота, адресованная царем Шиху Окоцкому, начинается такими словами: «А се такова грамота от государя царя и великого князя Федора Ивановича всеи Руссии к Окутцкому Шиху князю...» [1]. В документах о первом аккинском посольстве Ших Окоцкий снова назван «князем»: «От Шиха князя... подал государю грамоту...» [2] Но в большинстве случаев Ших именуется «мурзой» [3].

Источники первой половины XVII в. дают представление о деятельности аккинских мурз Кохостровых (Костровых), живших и в Терском городе и в Акки. Их, как в свое время и Шиха, называют то «мурзами», то «князьями» [4]. Они владели кабаками и имели подвластных узденей, неоднократно вместе со своими узденями и слугами ездили в Москву на прием к царю, а также принимали активное участие в политических событиях на Северном Кавказе и за его пределами [5].

Термин «мурза» выражал у северокавказских народов титул феодальной знати; вероятно, тюркское «мурза» было равнозначно вайнахскому «эла» («князь»), тем более, не случайно по отношению к Шиху оба титула фактически приравнивались друг к другу.

Следующую категорию социальных верхов вайнахских обществ, в частности аккинского, составляли так называемые «большие над всеми людьми», «начальные люди» и «выборные лучшие люди». В челобитной окочан Терского города от 1614 г. дана короткая «справка» о том, как пришли аккинцы в Терки, причем говорится, что «в той, государь, в Окоцкой землице (т. е. Акки — А. А.) болшой был над всеми Окоцкими людми Ших-мурза Ишеримов» [6]. Термин «большой над всеми людьми» интересен в первую очередь тем, что дают его сами аккинцы, обозначая тем самым главенство Шиха в Акки.

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 16.
[2] Там же. С. 53.
[3] Там же. С. 83 и др.
[4] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1621 г. № 3. Л. 1—4; 1645 г. Л. 92—98; РДО. С. 53.
[5] Там же; РДО. С. 33—34, 59—61, 147 и др.; КРО. Т. I. С. 343 и др.
[6] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 558.

Наравне с термином «большие люди» применялись по отношению к вайнахским верхам и термины «владельцы», «начальные люди» и др., однако к представителям аккинских верхов они не применяются, поэтому мы и ограничимся сказанным.

При сравнительном анализе сведений источников видно, что термины «князь», «мурза», «большие люди» были равнозначны друг другу и объединяли представителей высшего сословия, составляя феодальную прослойку вайнахского, в частности аккинского, населения.

Наиболее многочисленную прослойку верхов в социальной иерархии вайнахских обществ составляли уздени, причем различных степеней. Например, при описании посольства 1605 г. посланника Шиха — Батая Шихмурзина, указано, что с ним вместе с Москву прибыло и пять его узденей [1]. Царь одарил Батая и его узденей, причем уздени получили подарки в соответствии с положением их в социальной структуре: «Узденем его 5-м человеком по шубе — одному лутчему шуба в 8 рублев... в 4-м человеком по шубе, по 5 рублев шуба; по шапке, по 25 алтын шапка, по 7 рублев» [2]. Такие же уздени сопровождали и других окоцких мурз в их поездках в Москву [3].

Документ 1640 г. также фиксирует различия между узденями среди аккинцев-окочан. Главным среди окочан Терского города являлся Албирь-мурза Кохостров, в то же время он был уздeнем Муцала Черкасского. Албирь-мурза Кохостров имеет своих узденей — «задворных» и «дворовых» [4]. Дворовые уздени считались узденями низшей ступени, задворные — более высокой, с большими правами. Исследовавшие социальную терминологию народов Северного Кавказа Н. С. Джидалаев и Т. А. Айберов отмечают, что «термин «уздень» на Северном Кавказе служил первоначально для обозначения знатных людей, возможно, представителей воинского сословия» [5].

Различными наименованиями представлены в источниках XVI—XVII вв. категории зависимого населения: «холопы», «слугя», «ясыри», «работные люди».

Дважды в грамоте Шиха русскому царю (от 1588 г.) категория «слуг». «А посылал есми к тебе племянника своего Ботая, а слуг с ним Керменем зовут да Ураком зовут, да Алеем зовут, да Микинем зовут», — сказано в грамоте в одном слу-

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 517—521.
[2] Там же. С. 520.
[3] КРО. Т. 2. С. 343; РДО. С. 33, 34, 59—61, 147.
[4] КРО. Док. № 126.
[5] Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. О термине «уздень» на Северо-Восточном Кавказе//Социальная терминология в языках Дагестана. Махачкала, 1989. С. 32.

чае; во втором случае Ших указывает, что под его главенством находится «слуг 500 человек» [1]. Больше данная категория в источниках не упоминается, что не позволяет высказаться определенно.

Несколько свидетельств содержится в документах о категории «холопов». Так, в отписке 1609 г. в Посольский приказ о бегстве окоцкого мурзы Батая Шихмурзина из Терского города говорится, что «с ними же, государь, бежали от окоченина от Урака старово 3 холопа да девка, да от Сунчалеева уденя от Такшоки бежал купленой его холоп горской мужик родом мичкизенин» [2]. В челобитной от 1653 г. окочанин Минкиша Мустин просит о выдаче ему откупа за бежавших от него холопов, купленных им в Кабарде и уведенных «грузинскими людьми» — «мужика Дидятца Хагутачка» и «работницу» — «девку родом окоченку» [3]. Окочанин Чурайка также просит о выдаче ему откупа за холопов, отнятых у него «для государева шелкового дела» [4].

Из категории зависимых людей выделяются «работные люди», наиболее часто упоминаемые в различных источниках того периода. В 1672 г. с окочанином Янтуначкой Кумыковым для торговых целей из Терского города в Астрахань приехало «работных людей... терских же окочан три человека» [5]. Это, пожалуй, редкий случай, когда в документах говорится об окочанском происхождении «работных людей». В остальных случаях, являются ли «работные люди» окочанами или они наняты окочанскими торговцами, документы не указывают. Весьма заметный среди зажиточной части аккинских (окочанских) торговцев — Энбулат Эльмурзин — дважды в течение 1676 г. возил товары в Астрахань вместе с «работными людьми» (10 и 8 человек)[6]. Тот же Эльмурзин, продолжая бурную торговую деятельность, только теперь уже записанный в документе Янбулатом Ельмурзиным, в 1681 г. отплыл с товаром из Астрахани в Дербент, «да работных людей с ним... десять человек. Да кормщик» [7].

Суммируя вышеизложенное, мы можем констатировать, что высшее сословие аккинского общества конца XVI—XVII в. составляли князья, мурзы и владельцы, наиболее широко представленные в Окоцкой слободе Терского города. К низшему сословию зависимого населения относились слуги, холопы и работные люди, в различной степени зависимые от верхов.

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 63, 64.
[2] Там же. С. 524—525.
[3] Архив ЛОИИ. Ф. 178. Оп. I. Д. 2601. Л. 3, 4.
[4] Там же. Д. 2549. Л. 4, 5.
[5] РДО. С. 202.
[6] Архив ЛОИИ. Ф. 178. Оп. I. Д. 6902. Л. 1, 2.
[7] Там же. Д. 8414. Л. 3—4.

Промежуточное положение в социальной иерархии аккинского общества занимали уздени, к низшей ступени которых примыкали также свободные крестьяне-общинники. То обстоятельство, что в вайнахских обществах было большое количество относительно свободных крестьян-общинников и отсутствие какой-либо оформленной государственной власти, существенным образом тормозило создание юридически закрепленных прав различных сословий [1].

Феодально-зависимое положение крестьян-общинников, которое должно было быть напрямую связано с формами землевладения [2] не получило юридической фиксации и приводило к тому, что право представителей феодальных верхов на эксплуатацию труда своих соплеменников не имело силы закона и вызывало чувство неуверенности своего положения, страха перед подвластными крестьянами [3]. Существование же различных категорий в вайнахских обществах, отмеченное в источниках конца XVI—XVII вв., предполагает, что высшие слои (князья, мурзы, владельцы) могли и должны были ставить остальные категории населения в различную степень зависимости. При наличии социальных верхов не могла быть полная независимость остального вайнахского населения: абсурдно было бы утверждать, что вайнахские владельцы эксплуатировали только представителей других — не-вайнахских — обществ.

Материалы XVIII в. относительно сословной иерархии, особенно по отношению к аккинским обществам, очень скудны. Социальные верхи аккинцев в источниках этого периода почти не отражены, если не считать отдельных сообщений, относящихся к аккинцам Терского города и Кизляра.

Фактически со второй половины XVII в. в русских источниках нет известий об аккинских князьях, мурзах и владельцах, что может свидетельствовать о росте антифеодального движения, в результате чего феодализм среди вайнахских обществ, в частности в Акки, был значительно ослаблен [4]. К этому же периоду, вероятно, относится и возрастание роли старшин и узденей в вайнахских обществах. Трудно установить, относились ли старшины и уздени к феодальной прослойке, од-

---

[1] Что, собственно, и создает трудности в изучении данного вопроса.

[2] Гриценко Н. П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в дореформенный период//Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1964. С. 29.

[3] Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в.//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. I. Грозный, 1974. С. 71.

[4] Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. I. С. 56; Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке// СОКВЧИДП. Грозный, 1979. С. 51—52.

нако то, что они составляли более зажиточную, влиятельную часть общества, несомненно. На наш взгляд, правомерно в этом смысле высказывание исследователя Ш. Б. Ахмадова: «Следует обратить внимание на то, что если в первой половине XVIII века, т. е. до мощного антифеодального выступления 50-х годов, в чеченских и ингушских аулах было много старшин, богатых и влиятельных уздеией, князей и других феодалов, то со второй половины XVIII в. ...число князей и владельцев резко уменьшилось, а в некоторых деревнях они вовсе исчезли» [1]. Именно на этот вывод наталкивает отсутствие в источниках второй половины XVII в. и XVIII в. каких-либо сведений об аккинских князьях, мурзах и владельцах в самом Акки.

Однако богатая социальная прослойка сохранилась в XVIII веке среди аккинских выходцев, проживавших в Терском городе, а затем последовательно в крепости Святого Креста и Кизляре.

Так, ряд документов «Книги для учета пошлин, взимаемых с проезжих жителей» (1725 г.) свидетельствует о наличии богатой узденской прослойки среди окочан Терского города. Среди них узденки Саламова, Бабуша Абдраманова, а также уздени Курман Богоматов, Суркай Усманов, Умар Менкишиев, Бамат Каскапов, Ибрагим Гиреев, Махмуд Мусаев [2].

Известно, что в различной конкретно-исторической среде социальное значение термина «уздень» изменялось [3], однако, по мнению исследователей, для вайнахских обществ XVIII в. уздень понимался как человек состоятельный и влиятельный [3]. Свидетельствуя о весе узденства в вайнахских обществах, генерал-майор Эльмурза Черкасский писал в реляции на имя Кизлярского коменданта генерал-лейтенанта Девица в 1749 г., что «всегда чеченская деревня силу имеет узденями» [5]. Основная же масса рядовых узденей в вайнахских обществах оставалась юридически свободной.

Из категории зависимого населения в XVIII в. можно выделить холопов и работных людей (с оговоркой о вайнахах в Терках). Окоченской узденке Саламовой со своей холопкой после уплаты таможенной пошлины разрешено было из Терского города проехать в Аксай для свидания с родственниками [6]. Другой окоченской узденке из Терков — Бабуше Абдрамановой — после уплаты пошлины разрешено проехать в Аксай в

---

[1] Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 56.
[2] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. I. Д. 4451. Л. 2—5 об.
[3] Джидалаев Н. С., Айтберов Т. М. Указ. соч. С. 14, 15, 21, 32.
[4] Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 56.
[5] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. I. Д. 3755. Л. 83 об.
[6] Там же. Д. 4451. Л. 2.

сопровождении своей холопки Черниковой и двух работных людей для проводов дочери [1].

Работные люди по своему положению немногим отличались от холопов, т. к. во многих документах зафиксировано, что они почти всегда сопровождают своих владельцев, как это было более свойственно обязанностям холопов. Так, например, с Бабушей Абдрамановой следует 2 работных людей, с Суркаем Усмановым — тоже 2 человека, Махмудом Мусаевым — 2, с Умаром Меншиковым — 1 и т. д. [2]. Холопы и работные люди, вероятно, выполняли одни и те же виды работ, с той лишь разницей, что последние, скорее всего, являлись бывшими работниками по найму, попавшие затем в зависимость от владельцев и постепенно низводившиеся до положения холопов, тогда как сами холопы чаще всего покупались и попадали в личную зависимость от хозяев [3].

В целом, в категорию зависимого населения в вайнахских обществах в XVIII в. входили холопы, работные люди и часть беднейшего узденства, однако у нас нет оснований утверждать, что они составляли в указанный период большую часть населения: большинство вайнахского населения в XVIII в., по материалам исследователей, оставалась еще свободной [4].

§ 3. СОЦИАЛЬНАЯ БОРЬБА В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

Процесс усиления эксплуатации местного населения и сословная неравноправность различных категорий вызывали недовольство и протест против социальных верхов аккинского общества.

Одним из первых признаков проявления социальной борьбы в Акки, зафиксированных русскими источниками, является известие о том, что «Ших-мурзе от шевкальского и от горских людей теснота великая, что они переседают его по всем дорогам и хотят убить» [5]. Данное свидетельство и последующее убийство главаря Акки Шиха Окоцкого вряд ли можно объяснить только его откровенно прорусской ориентацией, без учета нараставших социальных неурядиц в аккинском обществе в конце XVI — начале XVII в. Документальные источники конца XVI — начала XVII в. показывают, что в аккинском обществе были силы, выступавшие против Шиха, в результате чего сам Ших был убит, а часть его сторонников и подданных ушла в Терки [6].

[1] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп. 1. Д. 4451. Л. 2—3 об.
[2] Там же. Л. 2—3. об.
[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 524—525.
[4] Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 6.
[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 253, 255.
[6] Там же. С. 558.

Об острых социальных конфликтах в горных вайнахских обществах в первой половине XVII в. сообщают и русские источники, отмечая: «ныне в горах учинилась смута»; посольствам ехать нельзя, т. к. «в горах междоусобная брань велика и вам за посмех погибнуть» [1]. Т. А. Исаева, исследовавшая социальные отношения в вайнахских обществах периода позднего средневековья, предполагала, что эти сведения «отражают одну из волн антифеодального движения в Чечено-Ингушетии» [2].

Социальный статус ушедших в Терский город аккинцев после убийства Шиха Окоцкого в документах не определен, однако можно предположить, что среди них были в основном холопы и работные люди, а также часть зажиточных узденей. Одна из причин ухода части аккинцев в Терский город, как объясняли сами аккинцы, коренилась в преследовании Шиха и его сторонников со стороны других феодальных владетелей, под которыми можно видеть и своих представителей, и «горских», в частности, «шевкальских», феодалов [3]; здесь больше можно говорить о борьбе за власть. Могли они преследоваться и своими соплеменниками, выступавшими против русской ориентации Шиха Окоцкого и его сторонников.

Нельзя в то же время отрицать и того, что аккинцы, пополнившие ряды своих соплеменников в Терском городе, искали и «лучшей доли». Известно, что беглецов в русских крепостях, при условии принятия христианства, принимали на службу, зачисляли на казенное довольствие, «а со временем им даже присваивали чины, разрешали поселяться отдельными кварталами и даже слободами под защитой царских гарнизонов» [4]. Свидетельством подобной политики царизма являлось возникновение Черкасской, Окоцкой и Новокрещенной слобод. Вероятнее всего, зная об этих привилегиях и не испытывая дальнейшую судьбу, часть аккинцев после смерти своего владельца, «покиня свои домы и живот весь пометав, з женами своими з детьми из Окоцкие землицы утекли душею да телом и прибегли... в Терской город... на житье на век» [5]. Можно полагать, что аккинцы привилегии получили и только под угрозой их потери решили «подать голос». Только через два десятилетия после прихода в

---

[1] Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Казвину. 1640—1642 гг. Тифлис, 1928. С. 97; Он же. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. Тбилиси, 1937. С. 339.

[2] Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в. С. 38.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 558—559.

[4] Умаханов М.-С. К. Побеги — как одна из форм антифеодальной борьбы в Дагестане (XVII—XVIII вв.)//Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1982. С. 80.

[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 559.

Терский город они обратились к царю, жалуясь, что их передали в подчинение кабардинского князя Сунчалея Черкасского, который стал их нещадно эксплуатировать. Если такое положение будет сохраняться, то аккинцам ничего не остается, как «покиня свои домы и жен и детей и вес живот свой, брестя розно» [1]. Одинаковая формулировка в обоих случаях («покиня домы свои» и т. д.) и убеждает нас в том, что истинной причиной прихода их в Терский город являлись привилегии.

В дополнение к своей жалобе, аккинцы, жители Терков, предъявляют администрации и правительству нечто вроде ультиматума: если они не будут изъяты из-под власти Сунчалея, то остальные горцы перестанут приходить в Терки; а от «Сунчалея всем разогнанным быти» [2]. Однако царское правительство, верное своей классовой политике, ответило: «велено их Сюнчалею ведати...» [3].

В результате внутренней борьбы и под давлением дагестанских феодалов, в первой половине XVII в. в Терки прибывают некоторые окоцкие владельцы. В 1620—1621 гг. в Терский город пришел аккинский владелец Бийтемир Кохостров с четырьмя семьями своих подданных [4]. В 1638 г. для принятия подданства в Терский город вместе с дагестанскими феодалами прибыл и аккинский феодал Казанбий-мурза Кохостров (Костров) [5]. К этому времени в Терках уже находились Албирь и Чепан-мурза Кохостровы; последний в 1645 г. был пожалован царской грамотой владетельством над частью окочан Терского города [6].

После 1645 г. в официальных документах не появляется сведений об аккинских князьях, мурзах и владельцах, что, вероятно, объясняется как результатом борьбы между владельцами Акки и Дагестана, так и в большей степени внутрисоциальной борьбой в аккинском обществе, развернувшейся в этот период и продолжавшейся вплоть до конца следующего, XVIII столетия.

Материал местной исторической хроники «Основа происхождения аккинцев» («Рукопись Ибрагимова-Магомедова») также подтверждает отсутствие данных в русских источниках о наличии владельческих слоев среди аккинцев. В то же время он свидетельствует о неправомерности мнения относительно подчинения местных (аккинских) обществ власти дагестанских владельцев, а подает обратный пример. «Рукопись Ибрагимова-Магомедова» свидетельствует, что в ответ на убийство аккинского предводителя Маадия, который, вероятнее всего, являлся избран-

---

[1] Там же. С. 558.
[2] Там же. С. 561.
[3] Там же.
[4] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1021 г. № 3. Л. 1—2.
[5] РДО. С. 139—144, 146—149, 151—156.
[6] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1645 г. Л. 92—101.

ным старшиной, на одной из горных вершин близ аккинского селения Ширча-Юрт были убиты 7 князей и 16 влиятельных узденей из числа дагестанских феодалов [1].

Невозможно требовать от составителей хроники данных социального характера, хотя под данным событием можно видеть отражение борьбы аккинцев против территориальных притязаний дагестанских феодалов. Сопоставление же известий русских источников и сведений из «Рукописи» позволяет сделать вывод о том, что ко второй половине XVII века среди аккинцев князей и мурз уже не осталось, а оставшиеся в живых вынуждены были бежать в Терский город, под защиту царских гарнизонов.

Вполне правомерны, на наш взгляд, предположения исследователей, которые считают, что феодальные отношения среди вайнахских обществ были в значительной мере ослаблены еще на протяжении XVI—XVII вв. широкими антифеодальными движениями, обусловленными назревшим конфликтом между молодыми производительными силами и сдерживавшими их феодальнородовыми отношениями [2]. По мнению исследователей нашего времени, «в результате мощной антифеодальной борьбы, охватившей в XVII веке почти все народы Северного Кавказа, феодализму в Чечено-Ингушетии был нанесен сильный удар, чем и объясняется последующая слабость феодальной прослойки у чеченцев и ингушей, по сравнению с соседними народами [3]. Данное высказывание в полной мере может быть отнесено и к Акки, население которой одним из первых среди вайнахских обществ избавилось от власти князей и мурз ко второй половине XVII века.

Характерной особенностью крестьянских выступлений XVI—XVII вв. считается то, что они проходили преимущественно под руководством общинной знати; борьба же местных сельских обществ против «своих» феодалов вплотную переплеталась с борьбой против соседних владельцев. «Причем сельские общины, объединившись в союзы, благодаря упорной и самоотверженной борьбе сумели сохранить свою независимость» [4].

Процесс образования «вольных обществ» или «союзов сельских общин», затронувший в конце XVII—XVIII вв. почти все народы Северного Кавказа, имел отношение и к вайнахским обществам. Именно в ходе антифеодальной борьбы второй половины XVII в. и борьбы против соседних феодалов и сложились

---

[1] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 3.

[2] Ахмадов Ш. Б. Об истоках антифеодального и антиколониального движения горцев в Чечне в конце XVIII в.//Изв. ЧИНИИИЯЛ. Т. 9. Ч. 3. Вып. I. Грозный, 1974. С. 68—69; Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII веке//Там же. С. 56.

[3] Ахмадов Ш. Б. К вопросу о социальных отношениях в Чечено-Ингушетии в XVIII веке. С. 52, 67 /прим. 16/.

[4] ИНСК. Т. I. С. 299.

«вольные общества» Акки. Естественно, начало периода господства самоуправления сельских общин вовсе не означало полной ликвидации феодальных отношений: они как бы «загонялись внутрь», приобретая новые, более завуалированные формы.

Форма и границы аккинских сельских общин и их союзов, по-видимому, совпадали с основными группами населения Акки или так называемыми «землями», как, например, Шарой-Мохк /общество Шарой/, Кхархой-Мохк, состоявший из двух земель — союза общин Почхъар и Къоцой, и др. Внутреннее устройство аккинских «вольных обществ» пока еще не до конца изучено, однако можно согласиться с тем, что оно мало чем отличалось или было в общих чертах сходно с устройством «вольных обществ» Дагестана, в частности аварских [1].

Из имеющихся полевых материалов можно составить приблизительную схему устройства аккинских сельских общин в XVII—XVIII вв. Каждый тайп избирал членов совета селения, решавшего общесельские проблемы. Несколько селений объединялись в союз или «вольное общество», во главе которого стоял общий совет союза — «кхиэл» («кхел, кхиел»). Все союзы сельских общин образовывали два крупных «вольных общества» — Пхьарчхой и Пачалкъой, во главе которых также стоял общий совет. Известно, что в XVIII — начале XIX в. общие советы жителей Акки проводились на одной из горных вершин близ селения Ширча-Юрт; иногда сборы происходили в районе между селениями Бони-Эвла и Бони-Юрт и в других местах. В числе вопросов, обсуждавшихся на общеаккинских советах, были вопросы землепользования, взаимоотношений между различными обществами и другими вайнахскими обществами, а также вопросы борьбы против соседних владетелей, покушавшихся на территориальную целостность Акки и независимость ее жителей, и против действий царской администрации на Тереке.

Усиление социальной борьбы на Северо-Восточном Кавказе происходит с начала XVIII века, когда в Чечне начинается первое крестьянское выступление против царской администрации и усиления налогового гнета.

После поражения Астраханского восстания 1705—1706 гг. мощное народное движение захлестнуло Дон, Украину и Поволжье. К нему относится и восстание башкир в 1705—1711 гг. [2]. Весть о недовольстве крестьянских масс усилила брожение среди народов России и пограничных с Россией районов, вызвала возмущение как эксплуатацией со стороны местных социальных

---

[1] Калоев Б. А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей//Советская этнография. № 1. 1981. С. 41.

[2] История СССР с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1975. С. 351—353.

верхов, так и действиями царских властей. Так, одним из факторов, вызвавших возмущение вайнахов — жителей Терского города было то, что окочане должны были в обязательном порядке платить пошлины за товары и изделия, вывозимые ими на продажу в вайнахские общества [1].

В 1707 г. один из активных участников башкирского восстания, уфимский феодал Мурат Кучуков «явился в горских народах, которые близ Терка, называются чеченцы, мичкисы, аксайцы», как об этом доносил 20 марта 1708 г. астраханский воевода П. М. Апраксин Петру I, и стал возмущать местное население против царизма и своих владельцев [2]. Основную часть восставших составляли окочане, поддержанные мичкисцами, аксайцами, а также кумыкским населением, казаками-раскольниками с Кубани и др. [3].

Два терских окочанина, ездившие в Чечню с беглым черкасским уздением Лузаном для продажи рыбы, ознакомили восставших с обстановкой в Терках и его обороноспособностью и призвали их идти «на Терек войною». Восставшие в феврале 1708 г. в количестве 1600 человек неоднократно пытались взять Терки; однако при помощи 1200 солдат царской армии, а также наемников из числа «татар юртовских» и «астраханских» и отряда в 3000 человек калмыцкого хана Аюки, восставшие были разгромлены и вынуждены отойти; Мурат Кучуков был схвачен в плен [4].

О дальнейшей судьбе участников восстания нет сведений, однако несомненно, что восстание горских масс 1708 г. было частью крупных выступлений в различных районах России того периода.

Видимо, подавлением восстания 1708 г. выступления вайнахских народных масс не закончились, т. к. в течение 1718—1722 гг. царскому правительству пришлось отправить, по крайней мере экспедиции против вайнахов с целью «привести их в российское подданство» [5]: фактически, ставилась цель подчинить вайнахов царской власти или же местным феодальным кругам в лице как своих владельцев, так и соседних. Результатом этих походов было сожжение множества поселений вайнахов в плоскостной зоне Акки; местному населению на время пришлось принять российское подданство [6].

---

[1] Потто В. А. Два века терского казачества /1577—1801/. Т. I. Владикавказ, 1912. С. 105.

[2] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. М.; Л., 1936. С. 232.

[3] Там же. С. 242.

[4] Там же. С. 232, 242—243.

[5] РДО. С. 226—228; Чулков М. Д. Указ. соч. Т. 2, Кн. 2. С. 477—478.

[6] Более подробно о событиях 1718—1722 гг., 1732 г. будет сказано в третьей главе нашего исследования.

Следующее выступление аккинцев совместно с населением плоскостной части Чечни и частью кумыков произошло в 1732 году, когда жители сел Эндери и Чечень открыто стали выражать недовольство царской администрацией, поддерживавшей местные социальные верхи. Восставшие стали собираться из равнинных селений Терско-Сулакского междуречья и деревни Чечень и открыто угрожать нападением на царские укрепления. Комендант крепости Святой Крест, генерал-майор граф Дуглас с отрядом войск из 1200 солдат и 500 казаков выступил против восставших, однако, подойдя к Эндери и получив ложные сведения о том, что восставшие разошлись, выслал против деревни Чечень «малый» отряд в 500 человек под командой полковника Коха, который в сражении был разбит восставшими [1].

В ходе движения крестьянских масс в 1757—1758 гг. в равнинной Чечне многие общества Северо-Восточного Кавказа выступили вместе с чеченцами. Этому движению посвящена специальная статья исследователя Я. З. Ахмадова [2], поэтому мы не будем вдаваться в подробности. На помощь восставшим плоскостным чеченцам были призваны «чебуклинцы, чубутцы, андийцы... и отвсегда мичкисцы», а также «из Аксайской и Исы-су деревень» и «из деревень Аух» и др. [3]. В результате откровенного предательства князя Расланбека Айдемирова, пришлые отряды были распущены, а в конце апреля 1758 г. царские войска штурмом овладели ущельем Хан-Кала и хлынули на Чеченскую равнину, уничтожая все подряд. Новый сбор восставших в мае не привел к крупным сражениям, т. к. инициативу с целью заключения мира взяли в свои руки представители верхушки и повстанцы постепенно разошлись [4].

Исследователи по-разному оценивают характер движения в Чечне в 1757—1758 гг., однако более правомерна, на наш взгляд, точка зрения, определяющая данное движение как антифеодальное и антиколониальное. В пользу этого мнения добавим и такое суждение: в числе военных отрядов, подавлявших выступление 1757—1758 гг., были и «добровольцы» из кабардинских, кумыкских и других феодалов [5], стремившиеся установить или вернуть свою власть над местными обществами и, естественно, выслужиться перед царским правительством. «За верную службу» северокавказские феодалы были поощрены: так, например,

---

[1] Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка /1726—1880 гг./. Т. I. СПб., 1881. С. 27—28; Потто В. А. Указ. соч. Т. I. Спб., 1886. С. 45.

[2] Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757—1758 гг.// СОКВЧИДИ. Грозный, 1979.

[3] Там же. С. 97, 98—99.

[4] Там же. С. 98—99.

[5] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 97.

Указом государственной Коллегии иностранных дел за № 140 от 13 сентября 1759 г. кумыкский владелец, ранее закрепившийся в селении Костей, Алиша Хамзин был пожалован званием кумыкского воеводы и 500 руб [1].

Исследователями изучено достаточное количество материалов, характеризующих антифеодальное и антиколониальное движение вайнахов в 60-80-х гг. XVIII в. Процесс истребления и изгнания вайнахскими обществами своих и пришлых феодалов, борьба местного населения против действий царской администрации привели к широкому движению горцев Чечни и народов Северного Кавказа под предводительством шейха Мансура в 1785—91 гг [2].

Аккинцы, подвергавшиеся давлению как царской администрации, так и территориальным устремлениям дагестанских феодалов (при активной помощи царизма), не могли оставаться в стороне от борьбы за независимость. Материалы полевых изысканий позволяют показать основные тенденции развития процесса этой борьбы.

В середине — второй половине XVIII в. отдельные конфликты, возникавшие между аккинскими обществами и кумыкскими феодалами из-за земли стали перерастать в вооруженную борьбу местного населения Акки против противников. Для ведения вооруженной борьбы против дагестанских феодалов и царских отрядов в отдельных аккинских землях стали создаваться боевые дружины во главе со своими предводителями. Так, боевые дружины обществ Шебарлой и Чонтой долгое время возглавлялись жителем селения Пеза-Юрт Абду-Разаком /Iабдраьзкъа/. Имя его овеяно легендами, однако определенно можно сказать, что он со своими дружинами боролся против дагестанских феодалов в междуречье Сулака и Акташа.

Руководителем боевых отрядов, сформированных из представителей Пачалкъоевских обществ Къоцой и Почкъар, называется аккинец по имени Абу-Тагир (Абу-ТIахIир). О нем известно меньше: его отряды действовали в основном в бассейне р. Аксай и в равнинных и предгорных районах севернее и северо-восточнее Качкалыковского хребта.

Длительная борьба аккинских обществ против соседних и своих феодалов и социальных верхов на протяжении второй половины XVII—XVIII вв., а также ожесточенное сопротивление действиям царской администрации в Терско-Сулакском междуречье в течение XVIII в., истощали местное население, в результате чего оно к концу XVIII в. стояло фактически на грани

---

[1] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3401. Л. 42.

[2] Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1869. С. 111, 112, 301; Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев//ЗТОЛКС. № 9. Владикавказ, 1914. С. 75; и др.

полного физического исчезновения. Однако, борьба не прекращалась, и именно аккинцы одними из первых поддержали и активно включились в движение шейха Мансура (Ушурмы) [1].

Таким образом, изучение исторического прошлого аккинского общества в XVI—XVIII веках представляет нам неоднозначные процессы, происходившие в сфере социальных отношений. Одними из первых среди вайнахских обществ вступив на путь развития феодальных отношений, аккинцы первыми и избавились от власти своих феодалов, повели борьбу против притязаний соседей и царской администрации на господство в Терско-Сулакском междуречье, причём социальная борьба применительно к XVIII столетию вплотную переплеталась с борьбой за территориальную целостность Акки и независимость ее населения, о чем и будет идти речь в следующей главе нашего исследования.

---

[1] Вопрос участия аккинцев в движении 1785—1791 гг. представляет огромный интерес для специального исследования, требует дальнейшего поиска документальных материалов и сбора информации среди местного населения.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АККИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Процесс возвращения аккинцев на земли Терско-Сулакского междуречья, восстановления хозяйственной жизни привел к образованию в Акки XVI века двух крупных этно-территориальных и политических объединений: Пхьарчхошка-Аьккха (или Ширча-Аьккха) и Пачалкъа-Аьккха (или просто Аьккха), расположенных соответственно от правого берега р. Аксай до Сулака — Терека и от левого берега р. Аксай до Сунжи — Терека [1]. Указанная территория, имевшая общее название Акки (Аух), на протяжении XVI—XVIII вв. претерпевала изменения, которые будут рассмотрены в числе других вопросов в данной главе.

Ко второй половине XVI в. Акки, в силу причин социально-экономического и политического характера, а также фактора выгодного географического положения, представляла собой довольно сильное политическое образование, сыгравшее известную роль в политических событиях на Кавказе в течение XVI—XVIII вв.

Ликвидация Казанского и Астраханского ханств дала возможность России выхода на Кавказ. Однако к этому времени в результате изменения международной обстановки высвобождаются и силы двух крупных восточных держав — Турции и Ирана —, которые также направляют взоры на Кавказ. Ко второй половине XVI в., как верно заметил Т. Д. Боцвадзе, эти державы заняли исходные позиции для активизации и проведения своих политических замыслов в отношении народов Кавказа [2]. Северный Кавказ в это же время оставался объектом внимания и Крымского ханства — союзника и вассала Турции, что заметно усиливало позиции последней на Кавказе.

С самого начала осуществления своих политических планов в отношении Северного Кавказа Россия усиленно пытается най-

---

[1] Данный процесс был рассмотрен нами в первой главе.

[2] Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1975. С. 18.

ти союзников среди северокавказских феодальных владетелей. Россия при этом сделала ставку на феодалов Кабарды и Адыгеи и в 1557 г. часть кабардинских феодалов, стоявших во главе с князем Темрюком Идаровым за союз с Россией, была принята в подданство России [1]. Северокавказским феодалам необходима была поддержка со стороны крупных держав для осуществления своих корыстных замыслов в междоусобной борьбе, главными соперниками в которой являлись Кабарда и Казикумухское шамхальство: оба стремились установить свое господство в крае.

Поддержав феодальную верхушку Кабарды, Россия решается с 1560 г. принять непосредственное участие в северокавказских делах. С этой целью в 1560, 1562—1563 и 1566 годах она предприняла несколько походов на Северный Кавказ и на шамхала, которые, однако, не принесли каких-либо успехов России и ее сторонникам [2].

Со временем второго похода русских войск на Северный Кавказ (в 1562—1563 гг.) во главе с Плещеевым и Идаровым, ряд исследователей связывает вопрос о построении первого русского города-крепости в крае [3]. Е. Н. Кушева предполагает возведение крепости в районе селения Чечен в Чечне; П. Юдин, специально изучавший данный вопрос, полагает, что крепость была поставлена при слиянии Сунжи с Тереком, а в 1567 г. крепость была только восстановлена [4]. Вероятно, после возврата войск под командой Плещеева в Россию крепость была уничтожена, т. к. впоследствии она больше не упоминается.

После окончания похода 1566 г., в котором русско-кабардинские войска нанесли поражение кабардино-шамхальским отрядам (при этом шамхал Будай был убит), кабардинский князь Мамстрюк Темрюкович просит Ивана IV «город на реке Терек усть Сюунчи реки поставить», что и было с готовностью сделано [5].

Военно-стратегическое и политическое положение и значение Терского города в исторической литературе отражено дос-

---

[1] Полное собрание русских летописей /далее — ПСРЛ/. Т. 29. М., 1965. С. 257; КРО. Т. I. С. 5.

[2] Ахмадов Я. З. Очерки политической истории народов Северного Кавказа в XVI—XVII вв. Грозный, 1968. С. 21—28.

[3] Кокиев Г. Сношения России с народами Северного Кавказа (рукопись)//Рук. фонд. ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 47. С. 50; Юдин П. Первые русские города на Тереке//Терские ведомости. 1912. № 237.

[4] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 241; Юдин П. Указ. соч. № 237.

[5] См.: ПСРЛ. Т. 29. С. 353; КРО. Т. I. С. 13; Гашимов Ч. М. Дагестано-кабардинские политические отношения в XVI—XVIII вв.//Вопросы истории и этнографии Дагестана. Вып. 4. /далее — ВИЭД/. Махачкала, 1974. С. 57.

таточно полно [1]. Строительство города-крепости полностью отвечало планам России по политическому закреплению на Северном Кавказе. В оценке выбора места строительства Терков все исследователи единодушны [2]. Безусловно, место постройки Терского города имело важное значение не только для России, но и для Ирана, Турции и Крымского ханства, а также для местных народов и владетелей. Здесь пересекались важнейшие торговые и военные пути, ведущие в Крым и Переднюю Азию; кабардинские феодалы постройкой Терского города получали защиту от нападений с востока и сами могли совершать набеги на земли Казикумухского шамхальства и Тюменского княжества [3].

Определение места построения Терского города-крепости, по-существу, ограничилось согласием большинства исследователей с мнением Е. Н. Кушевой, локализовавшей крепость на терской косе при впадении Сунжи в Терек [4].

В это же время Иван IV пытался поставить второй русский город в низовьях Сунжи, что означало бы установление полного контроля над Северо-Восточным Кавказом. Царь потребовал от шамхала землю для постройки города; последний, не смея отказать, обратился с жалобой к крымскому хану, в результате чего крепость не только не была построена, но и Ивану IV пришлось оправдываться перед крымским ханом из-за Терков [5].

Как полагают исследователи, именно в этот период, т. е. к 60-м гг. XVI в. возникают первые связи представителей России на Тереке с вайнахскими обществами, в частности с аккинцами [6]. Во второй половине XVI в. особое место во взаимоотношениях России с народами и обществами Северного Кавказа царское правительство отводило Чечено-Ингушетии, чему способствовали благоприятное географическое положение, выход на Терек и близкое соседство с русским населением на Тереке; немаловажное значение, по всей видимости, имело и на-

---

[1] Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С. 70. Гриценко Н. П. Истоки дружбы. Грозный, 1976. С. 27; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 26—29.

[2] Гаджиев В. Г. Указ. соч. С. 70; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 243—245.

[3] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. М., 1967. С. 114.

[4] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 243—244.

[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. LXVIII; КРО Т. I. С. 20; Смирнов И. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М, 1946. Т. I. С. 97; Кушева Е. Н. Указ. соч.С. 244—245.

[6] Магомадова Т. С. Роль окоцких мурз в установлении русско-чечено-ингушских связей (вторая половина XVI — начало XVII в.)//Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI — 70-е годы XX в.) /далее — ВОПРИСНК/. Грозный, 1982. С. 254; Ахмадов Я. З. Указ. соч С. 29.

личие широких политических контактов вайнахов с обществами Северного Кавказа и Закавказья.

Наибольшую активность в деле налаживания вайнахо-русских взаимоотношений во второй половине XVI в. проявили, как известно, аккинцы в лице одного из своих обществ — Пачалкъа-Аьккха. В русских источниках конца XVI — начала XVII в. аккинцы называются «окуками», «окухами», «ококами», «окочанами» и т. д., а земли аккинцев — «Окохом» или «Окоцкой землицей». Стратегическое положение, наибольшее развитие социально-экономических отношений, а также политическая активность позволили аккинцам возглавить указанный процесс.

Со второй половины XVI в. аккинцев возглавлял представитель вайнахов, называемый русскими источниками «Ушаром-мурза». Ших Ушаромов (Окоцкий) в грамоте к царю от 1588 г. сообщает: «Преж сего которые ваши государевы на Терке городы были, — и в те поры я с отцом своим с Ушаром-мурзою тебе, государю, верою и правдою служили» [1]. Понятно, что имея общей границей Терек, терские казаки и жители Акки не могли не иметь тесных взаимных контактов. По письмам Шиха и последующим отношением к нему со стороны русского правительства можно предполагать, что вайнахо-русское сотрудничество имело свою предысторию в более раннее время, нежели период выхода России на Терек и начало строительства крепостей.

Об Ушароме известно немного. Источники сообщают лишь, что он служил «государю». Вероятно, он выполнял некоторые просьбы русских представителей, а также снабжал первые русские крепости продуктами, т. е. выполнял роль друга и союзника России на Северном Кавказе. Определенную роль, видимо, сыграл Ушаром и в самом строительстве первых русских крепостей на Тереке: в выборе места строительства, помощи строительными материалами, доставкой сведений, помогающих царским представителям ориентироваться в северокавказских делах.

Умер Ушаром, судя по источникам, в конце 70-х годов (до 1578 г.) и, умирая, завещал сыну своему, Шиху, ставшему главой Акки, царское «слово на голове держати» [2]. Если выражению «слово на голове держати» не является преувеличением, то данная формула, по мнению специалистов, «выражает признание вассалитета» [3]. Насколько соответствует данное вы-

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64.

[2] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64.

[3] Юзефович А. А. Русский посольский обычай XVI века//Вопросы истории. № 8. 1977. С. 114—115.

ражение Ушарому, зная об участии его и Шиха в военно-политических мероприятиях России на Кавказе, трудно установить, хотя и можно признать союзно-вассальный характер взаимоотношений между ними. Несомненно, Ушаром, а впоследствии и Ших Ушаромов (Окоцкий) «сообщались с дружественными кабардинскими владельцами, участвовали в борьбе с крымскими захватчиками» [1], а также с северокавказскими владельцами — противниками России и самих аккинских владельцев. С твердой убежденностью можно утверждать, что не начни подобную активную деятельность и не имей определенного политического веса Акки и Ушаром на Северном Кавказе, вряд ли Ших Ушаромов имел бы такие широкие возможности и связи с северокавказскими и закавказскими владельцами, как об этом свидетельствуют исторические источники.

Сильным фактором, заставлявшим царское правительство делать ставку на Ушарома, было желание Москвы иметь в его лице противовес и барьер перед своими противниками на Северном Кавказе. Располагаясь в стратегически очень удачном месте, Ушаром со своим владением являлся соседом кумыкских феодалов, которые были в «дружбе и любви» с Крымским ханством [2]. Одновременно аккинцы могли обеспечивать безопасность коммуникаций Астрахани с Терским городом, что вряд ли было бы возможным, если бы Казикумухское шамхальство контролировало, как полагали исследователи, плоскостные районы Терско-Сулакского междуречья.

Безусловно, политика России на Северном Кавказе с самого начала мало чем отличалась от политики, типичной для феодальных государств того времени. Так же, как Турция, Иран и Крымское ханство, Россия ставила главной целью установление своей гегемонии на Кавказе. Все это объективно приводило к тому, что народы Северного Кавказа втягивались в орбиту большой политики крупных держав. Наряду с бесспорно положительными последствиями, это приводило и к отрицательным моментам, т. к. противоборство великих держав на Северном Кавказе выражалось в первую очередь в военной форме, что имело самые пагубные последствия для развития северокавказских народов. В то же время, военные силы великих держав служили притягательной силой для горских владельцев, т. к. именно с их помощью многие из местных феодалов пытались решать (и не без успеха) свои внутриполитические проблемы.

Будучи на грани поражения в Ливонской войне и вследствие агрессивных действий турок и крымских татар, Россия бы-

---

[1] Ахмадов Я. Б. Указ. соч. С. 39.
[2] Белокуров С. А. Указ. соч. С. LXVIII.

ла вынуждена уничтожить Терки и открыть свободный проход северокавказцам через Астрахань [1].

В исторической литературе поднимался вопрос об отношении России к казакам, проживавшим на левом берегу Терека. Дореволюционные историки П. Г. Бутков и П. Юдин полагали, что после уничтожения Терского города в 1571 г. казаки специально были оставлены царским правительством на Тереке и что они «удалились в верховья рек Сунжи и Терека... вошли ...в военный союз с чеченцами» [2], или «Иван Грозный сам нарочито вызвал с Волги» казаков для оставления их на Тереке [3].

Исследователь Я. З. Ахмадов правомерно, на наш взгляд, полагает, что в тот период (начало 70-х гг. XVI в.) «России было не до кавказских дел» и со «специальным оставлением» казаков нельзя согласиться [4]. В то же время, отметим, что соглашаясь с мнением названных исследователей, нельзя отвергать и того, что после ухода гарнизона из Терков казаки не ушли с Терека, а перешли под покровительство одного из северокавказских обществ, в частности на земли Акки под покровительство Ушарома и Шиха. Думать так заставляет нас выражение из письма Шиха от 1588 г.: «и после того как велел еси, государь, те городы разорити, — и мы тогды с твоими государевыми с Терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили», а также отрывок из челобитной терских атаманов и казаков, утверждавших, что «прежсего служили государю на Тереке и промышляли всяким государевым делом заодно с Ших-Мурзою Окуцким» [5]. Думается, только давние и довольно устойчивые экономические и политические связи с вайнахскими обществами и могли привести терских казаков на земли аккинцев, под покровительство Ушарома и Шиха Ушаромова (Окоцкого).

Временный приоритет прорусски настроенных северокавказских владельцев в начале 70- гг. уступает место хозяйничанью в Кабарде и некоторых других регионах края партии, враждебной России. Соответственно прервались и связи России с Окоцким владением, т. е. с Акки.

70-е годы XVI в. характеризуются тем, что при «отсутствии» каких-либо серьезных военных сил России, Турции, Ирана и Крыма на Северном Кавказе, здесь происходят политические события, оказавшие значительное влияние на политическую жизнь в крае. Так как эти события и последовавшие изменения довольно подробно освещены в трудах А. Бакиханова и

---

[1] КРО. Т. I. С.27—28; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 254.
[2] ЦГВИА. Ф. 482. Д. 192. Л. 156 об.
[3] Юдин П. Указ. соч. № 238.
[4] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 33—34.
[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64; Потто В. А. Указ. соч. Т. I. С. 37.

Г. Э. Алкадари [1] и на них в основном ссылаются исследователи, начнем с изложения и последующего комментария некоторых отрывков из данных работ.

В 1574 г. умер казикумухский шамхал Чупан, и четверо его сыновей разделили шамхальство между собой. «Эти четыре брата, — сообщает А. К. Бакиханов, — сыновья Чубан-шамхала, рожденные от дочери Султан-Ахмеда усмия, не давали никакого уделу брату своему Султан-Буту, рожденному от дочери Узун-черкеса (черкесского уздения), почитая его джаиком (т. е. незаконнорожденным. — А.А.). Султан-Бут прибыл в Чир-Юрт, где был прежде древний город Атран, и, взявши с собой трех андибских беглецов, которые там жили, отправился просить помощи к черкесам. Там, собравши войско, возвратился в Дагестан и принудил своих братьев отдать ему в удел все земли, лежащие между реками Сулаком и Тереком, с нижней частью Мичикина и Салатовского округа, до горы Керхи, что на границе Гумбета. Тогда, собрав кумыкское племя, разсеянное в разных местах, он поселил его в Чир-Юрте, который, избрал местом своего пребывания» [2].

Гасан Алкадари сообщает, что «после смерти отца братья дают Султан-Буту (или «Султан-Муту») из «наследственных владений земли, принадлежавшие Чолан-Шамхалу, только между Сулаком и Тереком, а также окраины Чеченского магала. Султан-Мут поселился в селении Чир-Юрте, взял под свою власть те земли и население и основал для себя управление отдельно от других братьев» [3].

Полулегендарные сведения А. К. Бакиханова и Г. Алкадари признаются исследователями, особенно в части того, что Султан-Мут /Султан-Магмут/ установил свою власть с помощью кабардинского войска. Однако возникает весьма занимательный вопрос в связи с территорией, отошедшей Султан-Магмуту и возникновением так называемого «Эндиреевского княжества». Зададимся этим вопросом прежде, чем приведем данные из аккинской исторической хроники.

Во-первых, Султан-Магмут был сыном, рожденным от неравного брака, и ему было отказано в доле наследства. «Княжеские чанки мужского и женского пола, — говорится в «Адатах жителей Кумыкской плоскости», — не имеют права на наследование движимого и недвижимого имения отцов своих, если же будет сделан дарственный акт (назру) в пользу чанков или княжеских дочерей, то ближайшие родственники мужско-

---

[1] Бакиханов А. К. Гюлистан-Ирам. Баку, 1926; Алкадари Г. Э. Аварн-Дагестан. Махачкала, 1928.

[2] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 88.

[3] Алкадари Г. Э. Указ. соч. С. 41.

го пола не могут завладеть тем имением» [1]. Султан-Магмут при жизни отца не получил наследства и не мог, следовательно, претендовать на земли и имущество. Отсюда и возникает вопрос: можно ли принять за истину тот факт, что Султан-Магмут получил впоследствии не просто земельный надел, а и невероятно большой район, в несколько раз превышающий площадь, остающуюся остальным его братьям?

Во-вторых: Султан-Магмут, заставив братьев выделить себе надел, осел в Чир-Юрте (Чил-Юрте), сделав его «местом своего пребывания», откуда уже в начале XVII в. он перешел в Эндери; осел Султан-Магмут, «собрав кумыкское племя, рассеянное в разных местах» [2]. Снова возникает вопрос: где же находились к этому времени кумыки? Если же они жили между Тереком и Сулаком, тогда зачем Султан-Магмут собирает их в предгорном селении? Объяснить сведения А. К. Бакихановa можно только тем, что Султан-Магмут собрал к себе тех представителей, которые жили на правом берегу Сулака и являлись его сторонниками. Последовавшие события подтверждают наше мнение.

О тех же событиях местная историческая хроника «Основа происхождения аккинцев» также содержит определенные сведения. В рукописи Магомедова Махьмы говорится следующее: «У шамхала была жена из Гlебарта (Кабарды. — А. А.) Она родила ему трех сыновей. Дети от ханского рода Абрият не хотели, чтобы дети от кабардинки были такими же (в правах), как и они. Потом между этими двумя семьями началась ссора, возникла ненависть. Убежали они в сторону Гlебарта, где жили их братья по матери. Дошли они до Индра (Эндери. — М. М.). Князья из Индра остановили их, сказав: «Живите около нас, будьте нашими князьями. Если потомкам шамхала вы не нужны, вы нужны нам». Они остались с ними» [3].

В рукописи, принадлежащей Висирпаше Магомедову, почти то же самое: «Одна жена шамхала была кабардинкой, другая из ханов. У каждой жены было по три сына. Дети кабардинки не хотели, чтобы дети другой матери росли так же, как они; дети ханши тоже не хотели. Дети кабардинки ушли к братьям по матери и пришли в Индри. Здесь сельские главари обратились к ним: «Оставайтесь с нами, мы сделаем вас нашими оъзда (уздeнями. — А. А.) Если вы не нужны потомкам шамхала, вы нужны нам». Потом они остались» [4].

---

[1] ЦГА ДАССР. Ф. 105. Оп. 1. Д. 9. Л. 133; Адаты жителей Кумыкской плоскости//Сборник сведений о кавказских горцах /далее — ССКГ/. Вып. 6. Тифлис, 1872. С. 19—20.

[2] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 88, 89.

[3] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 2—2 об.

[4] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 2—2 об.

В хронике аккинцев нет данных о землях, которые получил Султан-Магмут из наследства шамхала, однако в ней приводятся сведения о том, как пришел сам шамхал на эти земли и в Тарки и какие земли он получил от аккинцев. Эти сведения приходят в прямое противоречие с общеизвестными данными о территории шамхальства и приходе шамхала к Таркам и Сулаку. Суть сообщения аккинской хроники сводится к следующему: «Из Шама пришел человек по имени Шамхал. Он остановился в местности Капир-Кумух. К нему пришли представители аккинцев Бекхий и Токхий и спросили, кто он такой и откуда пришел. На это Шамхал ответил, что он пришел из Шама со своими людьми в поисках лучшей земли и не знает, чья эта земля, есть ли здесь хозяин... По просьбе Шамхала, аккинские представители дали ему землю с границей р. Сулак. ...Заплатив за землю, Шамхал остался между Койсу (Сулаком. — А. А.) и горой Кимис /или «Кимс»/, между морем и горой. Аккинские представители сделали это, исходя из того, что между ТоргIал и ГIойсу (Тарками и Сулаком. — А. А.) не было аккинских селений» [1].

С. А. Белокуров пишет, что кумыкский шамхал и его наследники «имели первоначальную резиденцию свою в горах, в местечке Кумух до конца XVI века и около этого времени Шамхалы начали зимою жить в Буйнаке и в Тарки, где застает их водворение русского владычества в Дагестане» [2].

Исследователь нашего времени С. Ш. Гаджиева интерпретирует слова С. А. Белокурова по-другому: «Кумыкские владетели в тревожную пору монгольского нашествия и в первое время после падения Золотой Орды имели свою резиденцию в нагорном Дагестане — в лакском ауле Казикумух, где по сравнению с плохо защищенной равниной было менее опасно. Только в XVI веке они снова переносят свою резиденцию на плоскость... в Тарки» [3].

Заметим явное несоответствие в обоих сообщениях: С. А. Белокуров говорит о проживании кумыкских феодалов вплоть до конца XVI в. (подчеркнуто нами, А. А.) в Казикумухе и только с конца столетия «Шамхалы начали зимою жить в Буйнаке и в Тарки»; С. Ш. Гаджиева же трактует этот отрывок таким образом, что ввиду опасности шамхалам приходилось жить в таком далеке от плоскости и Тарков, а в XVI веке (подчеркнуто нами. — А. А.) «они снова переносят свою резиденцию на плоскость... в Тарки» — думается, что слово «снова» явно добавлено не к месту.

---

[1] Там же. Л. 2—2 об.
[2] Белокуров С. А. Указ. соч. С. L.
[3] Гаджиева С. Ш. Кумыки. М., 1961. С. 48.

Несмотря на определенный налет легендарности, мы видим, что сведения из аккинской исторической хроники перекликаются с данными С. А. Белокурова, а вовсе не с мнением С. Ш. Гаджиевой. Уже данного сравнения вполне достаточно, чтобы серьезно усомниться в аргументированности предположения С. Ш. Гаджиевой и других авторов, утверждающих, что Кази-кумухское шамхальство и Кайтагское владение распространяли свою власть на запад от Сулака и вплоть до Терека, с соответствующими отсюда последствиями о взимании неких «податей» с местного населения и т. д. [1].

Буржуазный историк Н. Ф. Дубровин, отнюдь не питавший симпатий к кавказским народам, также определяет земли, полученные Султан-Магмутом по правому берегу Сулака от «горячих источников до реки Таркалы-Озень [2]. Как видим, и этот автор подтверждает сведения аккинской исторической хроники, определяющей границы владения шамхалов «Сулаком и горой Кимис (Кивис), от моря до горы», т. е. между Сулаком и предгорными районами Северного Дагестана.

Т. о., анализ приведенных нами данных показывает, что в ведение Султан-Магмута перешли земли по правому берегу Сулака — часть северовосточных территорий шамхальства. Вслед за этим выводом следует и второй: Султан-Магмут собрал «кумыкское племя, рассеянное в разных местах» Кази-кумухского шамхальства и «поселил его в Чир-Юрте, который избрал местом своего пребывания».

Группа горцев из общества «Салатой» обратилась, как повествует далее аккинская хроника, к аккинцам с просьбой дать им небольшой участок земли для постройки села; им предоставили участок в местности Астий Дукъ (или Астий Ирзе) [3]. Потом салатавцы еще раз попросили дать им землю на ровном месте, чтобы построить мельницу и село: на этом месте они построили селение Иццри, где долгое время жили вместе с аккинцами [4].

Н. Ф. Дубровин отмечает, что переселенцы в селение Эндери были выходцами из высокогорного аварского селения Рикони [5]. Известный кавказовед А. П. Берже также приводит данные, совпадающие со словами из аккинской рукописи. «Предположение, — пишет автор, — будто бы Эндери основано казаком Андреем и что оно есть испорченное Андреева (деревня),

---

[1] Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 48.
[2] Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. С. 622.
[3] Кизиловый хребет или Кизиловая роща — известное «Чумли». См.: «Рукопись/Ибрагимова-Магомедова». Л. 2.
[4] Там же.
[5] Дубровин Н. Указ. соч. Т. I. С. 622.

ошибочно. Эндери, или лучше, Индри, есть кумыкское слово и значит: «место, где молотят хлеб» [1].

До образования Эндери, выше него по р. Акташ, как свидетельствуют местные старожилы, существовало аккинское селение, название которого пока не установлено. Дореволюционный этнограф И. Семенов пишет, что первыми жителями села, около которого впоследствии был образован Эндери, считаются «тюмены» и «гуэны»: «В ногайских песнях, воспевающих ханов Золотой Орды XIV и XV столетия, Эндрей называется Гуэн-кала, т. е. Гуэнская крепость»; гуэны же считаются выходцами из Чечни [2].

Ограничившись изложенным, заметим, что вопрос о выделении доли наследства Султан-Магмуту и заселении земель по берегам Сулака, при анализе сообщений исследователей и местной исторической хроники, весьма актуален и представляет далеко неоднозначную картину; суть вопроса в существенных моментах расходится (порой значительно) с общепринятыми взглядами об истории края XVI—XVIII вв. Все это требует дальнейшего изучения, т. к. может внести принципиальные изменения в оценку ситуации на Северном Кавказе в изучаемый период.

К концу 70-х годов XVI в. политическая обстановка на Северном Кавказе и в Закавказье снова обостряется из-за иранотурецкой войны, т. к. Турция, притязающая на Закавказье, могла попытаться подчинить своей власти и Северный Кавказ.

Прорусски настроенные кабардинские феодалы Идаровы, Кайтукины и Таусултановы обращаются к Москве с просьбой о возобновлении Терского города на прежнем месте. Направленный в начале 1578 г. на Терек царский воевода Лука Новосельцев, «на реке Терке на усть Сунчи-реки город поставил» [3]. Но и этот город просуществовал недолго и, по требованию крымского хана, был снесен, а Кабарда во второй раз Иваном IV была признана подвластной Крыму [4].

На этот раз городовые казаки Терского города были специально оставлены во владениях Шиха Ушаромова вместе с вольными казаками [5]. Судя по грамоте Шиха, под его предводительством и командой была оставлена довольно значительная группа казаков: Ших отмечает, что «500 человек было

---

[1] Верже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 130 /прим./.

[2] Семенов И. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С. 237; Дубровин Н. Указ. со. Т. I. С. 622—623.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. LXXXVII; КРО. Т. I. С. 34—35.

[4] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 259—260; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 37—38.

[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64; Потто В. А. Указ. соч. Т. I. С. 37.

казаков», да плюс «слуг моих 500 человек» [1]. Т. А. Исаева приводит дополнительную цифру о численности войск Шиха в 100 конников, 1000 пеших воинов [2] — надо полагать, что кроме «500» слуг его. Следовательно, под начальством Шиха Окоцкого (Ушаромова) в тот период оказывается довольно внушительная по тем временам сила в 1000—1500 воинов, что было весьма сильным аргументом в отношениях с противником.

Из русских источников конца XVI в. видно, что аккинцы во главе с Шихом Окоцким (Ушаромовым) развернули широкую военно-политическую и дипломатическую деятельность, охватив, по сути, весь Северо-Восточный Кавказ от Дарьяла до Дербента. Вполне очевидно при этом, что в виду невозможности оказания прямой помощи со стороны России, Ших Окоцкий действовал с 1578 по 1588 гг. самостоятельно, что лишний раз показывает его политический вес в крае. Не забывая оказывать службу России и принимая активное участие в борьбе северокавказских народов против планов Турции, Ирана и Крыма, Ших Окоцкий в то же время, надо полагать, добивался и усиления своего политического влияния в крае, что ему, как показывают исторические источники того периода, часто удавалось [3].

Перед угрозой турецкого завоевания в 1582 г. владетели и правители Ирана, Грузии, Ширвана и Дагестана [4] объединяются в военный союз, сохранявшийся до середины 80-х годов XVI в. [5]. Одним из активных участников этого союза был Ших Окоцкий (Ушаромов). В обращении к русскому царю Ших сообщает о борьбе за Дербент и своей роли: «для тебя яз в Железных Воротех много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил» [6]. В тот же период отрядами Шиха, состоявшими из аккинцев и казаков, была блокирована основная магистраль, проходившая по Северному Кавказу — от Крыма и Азова до Дербента, о чем турецкий султан с раздражением писал в Москву, что «русские казаки, которые на Тереке живут, на перевозах и топких местах на них нападают» [7].

Так как на Тереке были только отряды казаков, воевавших в составе войск Шиха и под его непосредственным руко-

---

[1] Там же. С. 63, 64.

[2] Исаева Т. А. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в конце XVI — первой половине XVII в.//ВНЧИРИК. С. 12.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 63, 64; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 39.

[4] Северо-Восточный Кавказ для турок и иранцев назывался «Дагестаном».

[5] См.: КРО. Т. I, С. 37; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 40; и др.

[6] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 63.

[7] Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1963. Кн. IV. Т. 7. С. 262.

ходством, то понятно, что в послании султана говорится о совместных действиях аккинцев и казаков.

В 1583 г. отряды Шиха (аккинцы и казаки) напали на турецкую армию, двинувшуюся от Дербента к Азову и, хотя силы были неравны и нападавшие понесли потери, они смогли нанести туркам ощутимый урон, а заодно подожгли степь, что значительно затруднило движение противника к Азову [1]. Крым на этот раз ничем не сумел помочь, т. к. в самом ханстве, как заметил С. М. Соловьев, в тот период разразилась междоусобица, в ходе которой крымский «хан Магмет-Гирей был убит братом Ислам-Гиреем», а царевичам — сыновьям убитого хана пришлось бежать, причем царевич Мурат «стал жить в самой Астрахани» [2].

Под влиянием мощи Турции возрастает роль шамхала и последний предлагает Турции построить на Тереке город [3]. Фактически единственным противодействием шамхалу в тот период на всем Северном Кавказе был Ших Окоцкий со своими объединенными войсками, который, как видно, сильно мешал противникам России (кабардинскому князю Асланбеку и шамхалу), которые охотились и пытались убить Шиха [4]. Россия воспользовалась тем, что Турция и Иран ослаблены войной, а Крыму не до Кавказа: формально воспользовавшись обращением грузинского царя Александра с просьбой о возобновлении Терского города, Россия послала воевод М. Бурцева и Протасьева, которые в течение 1588—1589 гг. поставили новый Терский город в низовьях Терека, на одном из его притоков — р. Тюменке [5].

К концу 80-х годов XVI столетия оформляется российское подданство аккинского владельца Шиха Окоцкого (Ушаромова). Выполняя наказ своего отца, Ших вместе с подвластными людьми приходит в Терки на Тюменке [6].

Безусловно, русское правительство знало о действиях Шиха Окоцкого и его «подопечных» казаков еще до постройки нового Терского города и именно поэтому, при отправлении в Грузию посольства 1587 года во главе с Р. Биркиным и П. Пивовым, обеспечение безопасного прохода от Терека до Грузии было поручено Шиху и кабардинскому князю Алкасу; к Ши-

---

[1] См.: КРО. Т. I. С. 38, 40; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 260; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 41.

[2] Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IV. Т. 7. С. 259.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 15, 36, 37; Гашимов Ч. М. Указ. соч. С. 58.

[4] Там же. С. 59, 64; Потто В. А. Указ. соч. Т. I. С. 37.

[5] Там же. С. 15, 36, 37; Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V — середина XIX века. Ростов, 1984. С. 30.

[6] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 64.

ху же направлял своих послов и кахетинский царь Александр [1]. Ших Окоцкий приводит в русское подданство одного из правителей Дагестана — Аварского хана с «Черным» князем [2]. Эти и другие события и действия Шиха Окоцкого показывают со всей очевидностью, что до и после постройки Терского города роль Шиха в северокавказских делах была весьма значительна.

В октябре 1588 г. в Москву прибывают послы от Шиха Окоцкого и кабардинского князя Алкаса. Батай Шихмурзин — посланник Шиха — вместе с посланником Алкаса были приняты царем и т. д.

В послании на имя царя Ших Окоцкий сообщает: «... для тебя яз в Железных Воротех много нужи терпел есми и саблю есми за тебя доводил. Толи наша вина: 500 человек было казаков и яз Шихмирза в головах, тобе служачи, Индили словет город и с теми 7 городов взяли есмя... И службы моей к тебе много... А велиш где итти на свою службу, — и яз с теми своими слугами готов. А и запас будет на Терку город понадобитца, — и яз стану и запас вазить» ...»; о прошлой службе сообщалось, что «и мы тогды с твоими государевыми с Терскими атаманы и казаки тебе, государю, служили и твое государево имя выславляли и х Турскому и х Крымскому не приставал и им которые прямили и тех с твоими государевы казаки воевал» [3].

О службе Шиха Окоцкого России сообщали и терские вольные атаманы и казаки; сам Ших пользовался у терского воеводы А. И. Хворостинина большим доверием. Дореволюционный исследователь на основании документов отмечал, что одновременно с посольством Шиха Окоцкого и кабардинского князя Алкаса в Москву была доставлена и челобитная терских вольных атаманов и казаков, в которой они заявляли, что «преж сего служили государю на Терке и промышляли всяким государевым делом заодно с Ших мурзою Окуцким» [4]. О принятии Шиха в русское подданство хлопотал и крымский царевич Мурат, бежавший из Крыма и живший в Астрахани [5].

В ответной грамоте царя сообщалось, что царь о службе Шиха Окоцкого знает: «И мы за твою службу тобя жаловати хотим своим великим жалованьем и держати тобя и твой юрт хотим под своею царскою рукою и в обороне тебя держати хотим от всяких твоих недругов» [6]. По получении царской гра-

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 16—17, 128.
[2] Там же. С. 80—82.
[3] Там же. С. 63—64.
[4] Потто В. А. Указ. соч. Т. I. С. 37.
[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 65; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 263.
[6] Там же. С. 103.

меты Ших Окоцкий подтвердил свою присягу на верность России и привел аманатом своего племянника Батая Шихмурзина в Терский город [1].

Уже в 1587 г. «Окоцкое владание», т. е. Акки упоминается в качестве «новоприбыльных» земель России — в грамоте австрийскому императору: «А многие государства: ..Шевкальской князь... и Тюменское государство, и Окотцкая земля /подчеркнуто нами. — А. А./, и Горские князи... все земли приложились к нашему государству...» [2]. Через два года послу того же государства снова было объявлено о «новоприбыльных» землях, в числе которых значились и «Окутцкие» князья [3]. Данные факты, на наш взгляд, позволяют высказать предположение о том, что вполне вероятно и более раннее, нежели 1588 г., обращение вайнахских владельцев с вопросом о российском подданстве или каких-либо союзных или союзно-вассальных отношениях.

С построением Терского города казаки вновь переходят под управление терских воевод и к 1590 г. на месте слияния Сунжи с Тереком строят острог, названный Сунженским [4].

90-е годы XVI в. ознаменовались стремлением России ослабить влияние Турции на Северном Кавказе, продвинуться к Ширвану и Закавказью. В 1591 г. царское правительство организует поход против шамхальства, о чем неоднократно просили и грузинские посланники под предлогом того, что отряды шамхала постоянно грабят Грузию [5].

В состав царских войск должны были войти и северокавказские отряды. Русскому посольству 1591 г. во главе с В. Плещеевым и Т. Кудриным, направлявшимся в Грузию, было наказано передать, чтобы «Алкас с Ших-мурзою их государевых послов послал проводити ково пригоже; а сами бы шли на Шевкала» [6].

В ходе боевых действий зимой 1591 г. объединенные русско-северокавказские войска, по уверениям русских источников, нанесли поражение войскам шамхала: «Шевкала князя воевали и город у Шевкала взяли Ондреевский и сожгли» [7]. На дальнейшие действия сил у Г. Засекина не хватило.

В 1594 г. Россия снова организует поход против шамхала, целью которого был захват Тарков и открытие дороги в За-

---

[1] Там же. С. 130.

[2] Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными /далее — ПДСРДИ/. СПб., 1851. Т. I. С. 991—992.

[3] Там же. Т. I. С. 1107.

[4] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 81, 94, 132, 222.

[5] Там же. С. 15, 36, 37.

[6] Там же. С. 248; КРО. Т. I. С. 64.

[7] Там же. С. 253, 255.

кавказье [1]. Русские отряды, захватившие Тарки, в скором времени блокированные шамхальскими войсками, вынуждены были обратиться в бегство и дойти до «речки Койсу, где Шамхал прекратил преследование в виду близости русского гарнизона, сидевшего в остроге с князем Долгоруким» [2]. Русские источники утверждали, что «воеводы землю Шевкальскую воевали и город Тарки и Таркалы и Ондрееву деревню и Салтанеево место тюменского взяли и сожгли и разорили и городы государевы воеводы и остроги... на Койсе, поставили новые» [3].

После неудачного похода русских войск под начальством А. И. Хворостинина многие местные владельцы перешли на сторону шамхала, влияние которого на Северном Кавказе возросло.

Вероятно, одним из последствий поражения объединенных русско-северокавказских войск в 1594 г. было убийство аккинского предводителя Шиха Окоцкого (Упаромова). В посольской документации 1596 г. впервые не упомянуто имя Шиха, и исчезает ориентир на Акки («Окоцкую землю»).

Угроза Шиху со стороны враждебных северокавказских феодалов возникала не только из-за того, что он на протяжении долгого времени был союзником России на Северном Кавказе, но и вследствие того, что влияние самого Шиха Окоцкого в крае в тот период усиливалось и не могло не вызвать раздражения и попыток покушения на него. После похода 1594 г., надо полагать, Ших Окоцкий не изменил отношения к России и не попал под влияние шамхала — следовательно, он представлял реальную угрозу.

Важным в этом отношении нам представляется вопрос о взаимоотношениях аккинцев с шамхальством и чанкой Султан-Магмутом, засевшим в Чир-Юрте [4]. Естественно, шамхал и его сторонники видели в Шихе и аккинцах главных соперников на пути установления своего господства на Северо-Восточном Кавказе. Если великие державы вели борьбу за весь Кавказ, то не менее острым было соперничество между местными феодальными верхами за расширение сфер влияния на Северном Кавказе, особенно в восточной части его. Здесь Ших Окоцкий и шамхал пришли в прямое столкновение.

---

[1] Карамзин /Н. М./ История государства Российского. СПб., 1831. Т. X. С. 216.

[2] Какаш и Тевтандер. Путешествие в Персию через Московию. 1602 — 1603 годы. М., 1896. С. 39—40; Карамзин (Н. М.). Указ. соч. Т. X. С. 216.

[3] Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией /Под ред. Н. И. Веселовского. СПб., 1890. Т. 1. С. 362; Т. 2. С. 48 /далее — ПДТСМРП/.

[4] См. стр. 72—76 настоящей работы.

Согласно полевым данным, изгнанный из шамхальства Султан-Магмут получил поддержку части населения Ширча-Аккха /Пхьарчхошка-Аккха/ во главе с Маадием. После поселения Султан-Магмута в Чир-Юрте и выделении ему земель по правому берегу Сулака, Маадий со своими людьми участвовал в съездах кумыкских феодалов, помогал Султан-Магмуту в проведении переговоров с братьями и др. дагестанскими владельцами. Через некоторый период, утвердившись в Чир-Юрте, Султан-Магмут неоднократно предпринимал попытки поселения в Эндери (Индри) под предлогом приглашения его жителями села, однако каждый раз изгонялся аккинцами, т. к. он имел земли на той стороне Сулака и на левый берег переходить ему не давали.

До начала XVII в. в источниках почти нет сведений о Султан-Магмуте и Эндери, что объясняется незначительной ролью «чанки» в северокавказских делах. Вплоть до разгрома царских войск в 1604 г. в Дагестане, как сообщает «Гюлистан-Ирам», Султан-Магмут жил в Чир-Юрте и не имел никакого отношения к Эндери и только после этого перебрался туда [1].

Сведения о попытках еще в конце XVI в. переноса резиденции Султан-Магмута в Эндери, собранные среди местных жителей, отразились и в русских источниках. В обращении 1588 г. Ших сообщает о времени до постройки Терков на Тюменке: «Индили словет город и с теми 7 городов взяли есми»; то же название «Индили» приводится и в посольской документации 1587—1588 гг. [2]. Мы вполне допускаем, что название «Индили» первоначально было заимствовано русскими представителями на Тереке от аккинцев в форме «Индри», и только после стало применяться название «Ондреево» или «Андреево».

Во время похода 1591 г. объединенные русско-северокавказские войска «город у Шевкала взяли Ондреевский и сожгли» [3]; то же самое было сделано и в походе 1594 года [4]. В обоих походах, как известно, принимал участие Ших Окоцкий со своими отрядами. Отклонение от основного маршрута (на Тарки) для взятия и сожжения «Ондреева» являлось полностью «заслугой» Шиха Окоцкого: именно он использовал русские отряды, как и ранее (на «Индили»), в борьбе против кумыкских князей и в частности, против Султан-Магмута, пытающегося перебраться в Эндери (Индри). После очередного разгрома кумыкским князьям приходилось возвращаться в Чир-Юрт и опять начинать сначала, выжидая удобного мо-

---

[1] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 89.
[2] Ведюхуров С. А. Указ. соч. С. 33, 63.
[3] Там же. С. 63.
[4] ПДТСМРП. Т. I. С. 362; Т. 2. С. 48.

мента, что полностью согласуется с местным полевым материалом.

Существенным моментом похода 1594 г. является сообщение источника о том, что Султан-Магмут засел в Эндери не один: «в Ондреевой деревне Шевкаловы дети Салтан-Магмут з братьею» [1]. Противоборство аккинцев во главе с Шихом с кумыкскими князьями на Северо-Восточном Кавказе неоднократно приводило к столкновениям их. Так получилось и после 1594 г.: Ших Окоцкий и Султан-Магмут со своими братьями стали непримиримыми врагами не только в борьбе за влияние на Северо-Восточном Кавказе, но и за обладание Эндеря. Борьба завершилась убийством Шиха Окоцкого, причем убийцами аккинского предводителя названы «князь Ахматкан з братьею», т. е. дети шамхала Чупана [2].

В письме восточного купца (1596 г.) сообщается: «а Хаками и Щых мурза убит... и дорога помешалась»; «хотел по дороге Аксух прийти; шейх мурзу убили... Теперь я пришел в К (?) уюнеу...» [3], т. е. дороги по землям Акки (междуречья) стали небезопасны для караванов. Данная запись подтверждает, что аккинцы контролировали междуречье Терека и Сулака.

В результате убийства Шиха Окоцкого часть аккинцев, наиболее приближенная к нему, ушла в Терки [4]; однако подчинить своей власти аккинцев Султан-Магмут не смог, как не смог и осесть в Эндери. Более того, даже в первые десятилетия XVII в. Султан-Магмут и его братья оставались без земли и селения: «А Салтан-Магмут з братьею безюртные люди, кабаков у них нету» [5].

§ 2. АККИ В XVII ВЕКЕ

Международное значение Северного Кавказа в начале XVII в. возрастает. Продолжается борьба крупнейших держав (России, Ирана и Турции) за влияние в крае, постановку главных морских и сухопутных магистралей под свой контроль. В политике России названные задачи оставались, по существу, главными по отношению к Кавказу [6].

С начала XVII в. царское правительство стало готовить

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 292.
[2] Там же. С. 558.
[3] ПДТСМРП. Т. 2. С. 10, 14.
[4] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 558—559.
[5] Там же. С. 542.
[6] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 275—276; Полиевктов М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937. С. 21—22.

новый поход на шамхала. В 1601 г. терский воевода послал «Терских жилецких черкас, Окоцких выходцов Яная, Ахина, Дидея, Мостопарова» «с Терки к Иверскому к Олександру царю в Грузи», которые, разузнав политическую обстановку в Кахетии и передав царское письмо с предложением похода, вернулись в Терский город [1].

Под угрозой нового похода против шамхальства ряд дагестанских владетелей и князей Кабарды, как полагают исследователи, прибыли в Москву на прием: их приняли и одарили подарками (в числе них были Султан-Магмут и Сунчалей Черкасский) [2]. Тем не менее, зимой 1604 г. было принято окончательное решение «воевать шамхала», о чем было сообщено и грузинскому посольству в Москве в апреле 1604 г. [3].

Весной 1604 г. царское войско прибыло на Северный Кавказ, где к ним присоединились местные стрельцы и казаки, отряды ногайских мурз, а также служилых черкесов и окочан Терков во главе с Сунчалеем Черкасским и Батаем Шихмурзиным [4]. Главные военные действия против шамхала воевода И. М. Бутурлин начал осенью 1604 г. За короткое время они поставили несколько крепостей на Сулаке и Акташе, захватили селения Эндери, Теплые Воды и Тарки. Около Тарков И. М. Бутурлин начал строить крепость с мыслью о зимовке своих войск. Всего в Дагестане было построено три крепости: первую построили «на прежнем месте, близ Тарху, другую в Андреевой деревне, а третью неизвестно где. Во всех этих укреплениях оставлены были гарнизоны...» [5].

Однако первые успехи И. М. Бутурлина вскоре сменились неудачами. Среди горцев нарастало недовольство тем, что захватчики «пленили людей в селениях, брали хлеб, отгоняли табуны и стада» [6]. После смерти шамхала Суркая во главе горцев встали тарковский Гирей и Султан-Магмут: «Султан-Бут привел 13000 черкесов, которые, будучи подкрепляемы крымскими татарами и Гирей-хан-шамхалом, сыном Чубана-шамхала, соединились с дагестанцами и напали на все три укрепления» [7].

Воевода И. М. Бутурлин оказался в засаде, без помощи России. Отряды таяли от болезней, а силы горцев возрастали. Вскоре царские войска были выбиты из крепостей на Акташе

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 332—334, 338.
[2] Там же. С. 333—334, 364—365, 368; КРО. Т. I. С. 72.
[3] Там же, С. 400—401, 404—405, 414.
[4] Там же. С. 470; КРО. Т. I. С. 74; Ахмедов Я. З. Указ. соч. С. 65; Умаханов М.-С. К. *Взаимоотношения феодальных владений и освободительная борьба народов Дагестана в XVII веке*. Махачкала 1973. С. 129.
[5] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 89.
[6] Карамзин (Н. М.). Указ. соч. Т. II. С. 37.
[7] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 89.

и Сулаке; И. М. Бутурлин оказался в глубоком окружении и пошел на переговоры, во время которых было обговорено, что царским отрядам дадут возможность «свободно отступить, уйти за Койсу /Сулак/» [1]. «Но когда черкесы, — отмечено в «Гюлистан-Ираме», — вопреки своему слову, хотели взять их в плен, то русские стали упорно защищаться и все погибли» [2].

Поражение имело тяжелые последствия для русского присутствия на Северном Кавказе: Терский город оказался закрытым, а жители — в страхе перед нападением горцев; сожжен был и Сунженский острог [3].

Неудача царских войск совпала по времени со смертью Бориса Годунова и началом Смутного времени в России, что привело к ослаблению связей с Кавказом и терскими жителями (казаками и городскими жителями), хотя сам Терский город и русское население стабильно обеспечивались горцами продуктами [4], о чем было сказано выше.

Как известно, видную роль в Окоцкой земле и в Терском городе после смерти Шиха Окоцкого играл его племянник Батай Шихмурзин. Летом 1605 г. Батай вместе с кабардинским князем Сунчалеем Черкасским побывал на приеме у Лжедмитрия I, откуда оба со своими уденями, ласково принятые и одаренные, были отпущены в марте 1606 года [5].

В середине 1606 г. на престол российский взошел ставленник боярства Василий Шуйский. Некоторые исследователи указывают, что Сунчалей и Батай вновь ездили в Москву, однако вернулись недовольными, т. к. получили «малое» вознаграждение; в результате казаки и «горские служилые люди» Терков отказались признать Шуйского царем [6]. Попытки же самого Шуйского установить связи с Северным Кавказом и Терками оказались безрезультатными, т. к. посольство И. Ромодановского в Иран не дошло: в послании было сказано о подданстве Кахетии, черкасских и окоцких людей с доказательством приезда в Москву с поздравлением Батая и Сунчалея [7]. Связь центра с Терским городом этим, собственно, и ограничилась.

---

[1] Бакиханов А. Указ. соч. С. 89; Карамзин (Н. М.). Указ. соч. Т. II. С. 43, 36—37; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IV. Т. 7. С. 373—374; Белокуров С. А. Указ. соч. С. 110.

[2] Бакиханов А. К. Указ. соч. С. 89; Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. IV. Т. 7. С. 374.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. 513—515.

[4] Акты исторические /1613—1645/. СПб., 1841. Т. 3. С. 411.

[5] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 517—521; КРО. Т. I. С. 73—75.

[6] Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. М., 1946. Т. I. С. 97—98; Буганов В. И. Крестьянская война в России в начале XVII века. М., 1976. С. 49—50.

[7] ПДТСМРП. Т. 2. С. 147—148.

Положение Батая Шихмурзина в Терском городе и самом Акки (Окоцкой земле) не во всем ясно. При жизни Шиха он был проводником идей дяди и тесно связан с Терками, долго жил здесь аманатом. Видимо не случайно после смерти Шиха Батай оказался в Терском городе; представляется, что не был признан аккинцами и вынужден был уйти в Терки. Характер источников показывает, что только после посольства 1605 г. он получил фактическую власть в самом Терском городе. Но и тогда, как видно, положение Батая Шихмурзина в Теракх было неустойчивым, результатом чего и стало бегство его из Терков в 1609 г. [1]. На поимку Батая вместе с терским сотником Л. Вышеславцевым пошли «Сунчалеевы уздени и Окоцкие люди» [2]. Сунчалей был основным соперником Батая в числе претендов на верховенство над аккинцами и черкасскими жителями Терского города и не случайно, что в скором времени после бегства Батай из одного из верных союзников России превратился в «государева изменника» [3].

Видимо, Батай не был принят после бегства большинством своих соплеменников в Акки, из-за чего сразу же оказался в лагере ярого противника России — Султан-Магмута.

После смерти шамхала Суркая борьба за престол разгорелась с новой силой. Часть дагестанских феодалов, надеясь на военную поддержку, приняла в 1610 г. подданство России, однако в их числе не было тарковского Андия и Султан-Магмута. Обращение дагестанских феодалов к помощи России против Андия и Султан-Магмута было на руку терским воеводам, т. к. в тот период главной целью для них было меж ими учинити розпь и от их бы приходу тем оберечи... государев Терской город» [4].

В 1610 г отряды Гирея-князя тараковского и терских воевод напали на жилища Султан-Магмута: захватили скот «и «Ондрееву деревню у него разорили... и из Ондреевы деревни его изогнали. И тот Салтан-Магмут з братьею своею и с твоим государевым изменником з Ботаем мурзою... с того разорения стал был жити в горах в Окоцких кабаках» [5].

Новый поход «по челобитью» Гирея был совершен в 1611—1612 гг. на «Окоцкие ево кабаки». Посланные войска «у Салтан-Магмута мурзы Окоцкие его кабаки повоевали и пожгли все; с Салтан-Магмутом и с уздени его и с Окоцкими людьми бились и ис кабаков его изогнали ж»; разгромленный Султан-

---

[1] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 524—527.
[2] Там же. С. 525.
[3] Там же. С. 536.
[4] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 531—534.
[5] Там же. С. 596.

Магмут вместе с братом Нуцал-мурзой дал «шерть по своей по бусурманской вере» [1].

Значительную роль в сохранении и восстановлении добрососедских отношений России с народами Северного Кавказа сыграли в этот период терские аккинцы-окочане и Сунчалей Черкасский [2]. Специальной грамотой от 21 марта 1615 г. царское правительство создало в Терках особое вассальное «Черкасское княжество» во главе с Сунчалеем и подчинило ему черкесов и служилых терских окочан [3]. При этом царь и его администрация не обратили никакого внимания на челобитную окоцких людей с просьбой об избавлении их от «опеки» Сунчалея, пытающегося превратить их в крепостных; ответ был достаточно ожидаемый: «велено их Сююнчалею ведати службою, а будет Сююнчалей станет им какую тесноту чинить, и они б на него били челом государю» [4].

Одновременно события, происходившие на Северо-Восточном Кавказе зимой 1614—1615 гг. заставляли царское правительство принять непосредственное военное участие в междоусобицах дагестанских феодалов, ведущих борьбу за шамхальство.

В конце 1614 — начале февраля 1615 г. «Салтан-Магмут з братьею», как жаловался тарковский шамхал терским воеводам, «сели кабаками своими близко их Кумыцкой земли в Окотцких кабаках и отнял де у них Мичкизскую и Кабардинскую дорогу» и начал войну с помощью аккинцев и аварцев; поэтому тарковский шамхал и владельцы просили терских воевод «идти на Окоцкие кабаки их разорити и свою Кумыцкую землю очистити» [5].

В феврале 1615 г. произошло сражение. Воевода П. Головин сообщал, что его войска /400 чел и пушки/ «с Салтан-Магмутовыми и мичкизскими и с окотцкими людьми бились» и «на том бою Салтан-Магмутовых и Турлова — князя мичкизских людей побили до смерти 140 человек, а иных переранили и живых поимали» [6]. Примечательно, что на этот раз «Ондреева деревня» не упоминается; вероятно, после изгнания в 1610—1612 гг. Султан-Магмут там уже не жил.

Очередное принятие Султан-Магмута в российское подданство затянулось, т. к. против примирения выступили дагестанские феодалы; к тому же царское правительство помнило, что в «прошлых годах Салтан-Магмутово... челобитье было и шерть

[1] Там же. С. 536—537.

[2] Юдин П. Очерки Смутного времени на Кавказе//ЗТОЛИКС. № 5. Владикавказ, 1914. С. 45; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 79.

[3] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 556—558; Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 294.

[4] Белокуров С. А. Указ. соч. С. 561.

[5] РДО. С. 49—50.

[6] Там же. С. 53—54.

давал и не одинова; и он де только льгал: опричь де ссоры в Салтан-Магмуте ничего нет» [1]. В декабре 1616 г. Боярская дума все же постановила принять Султан-Магмута в российское подданство, но без принятия аманата, пока он не «покажет» свою преданность [2].

С этого времени роль Султан-Магмута на политической арене Северного Кавказа возрастает, что подтвердил и грузинский посол в Москве, отмечая, что «во всех черкасах ныне он силен» [3]. А когда в 1617 г. шах Аббас I прошел приморскую часть Дагестана и добрался до Чир-Юрта и Эндери, царское правительство уже заступилось за Султан-Магмута, отправив к шахскому двору посланников своих: Аббас I обещал не посылать войска в Дагестан и против Эндери [4].

Выше мы указывали, что после смерти Шиха Окоцкого внутри аккинского общества произошел раскол по отношению к России. Если часть населения Акки в лице, вероятно, гІачалкъсевцев, все еще была приверженa России и из этого общества все еще продолжали прибывать жители в Терки [5], то большая часть аккинцев-пхьарчхоевцев, во главе которых с конца XVI почти до середины XVII в. стоял Маадий, сперва в отдельных случаях, а затем все шире стала поддерживать противников России (в том числе и Султан-Магмута). Этим отчасти и объясняется то, что Батай Шихмурзин не был принят своими соплеменниками и ушел в Терский город, а после бегства из Терков примкнул именно к Султан-Магмуту.

Потеря лидеров — Шиха и Батая — а вместе с ними и опоры России на Акки, привела к тому, что терские воеводы перестают оказывать прежнее доверие окочанам и передают их в подчинение Сунчалея Черкасского. Начиная с 1610 г. русские источники фиксируют, что в случае опасности Султан-Магмут бежит именно к предгорным аккинцам: «с того (1610 г. — А. А.) разорения стал был жити в горах в Окоцких кабаках» Султан-Магмут и Батай Шихмурзин [6].

Союз Султан-Магмута и аккинцев представлял, как видно, большую силу, подтверждением тому служит тот факт, что ни разу дагестанские феодалы самостоятельно, без помощи терских военных отрядов, не перешли Сулак и не действовали против них (аккинцев и Султан-Магмута).

Изменения отношения терских воевод к аккинцам видно уже по донесениям о походах против Султан-Магмута. Под-

---

1 Белокуров С. А. Указ. соч. С. 542.
2 ЦДТСМРП. Т. 2. С. 296; РДО. С. 43—47.
3 Полиевктов М. Указ. соч. С. 42.
4 Соловьев С. М. Указ. соч. Кн. V. Т. 9—10. С. 151—152.
5 Белокуров С. А. Указ. соч. С. 554, 559.
6 Там же. С. 538.

держивая дагестанских феодалов, царское правительство посылает войска «на Окоцкие кабаки», которые терские отряды совместно с кумыкскими князьями «повоевали и пожгли все; ...с Окоцкими людьми билисъ» [1]. В течение 1614—1615 гг. царские войска продолжают нападать, грабить и разорять селения аккинцев, расположенные в предгорных районах Акки [2], что, естественно, не могло не сказаться на социально-экономическом и политическом положении Акки.

Однако несомненно и то, что аккинцы, находясь до определенного времени в военном союзе с Султан-Магмутом, боролись не за возрастание его могущества, а за сохранение своей независимости. Наглядно все это проявится позднее, когда Султан-Магмут, утвердившись наконец в Эндери, предпримет попытку подчинить своей власти аккинцев-пхьарчхоевцев.

Убийство Шиха и бегство Батал показывало, что внутри Акки происходит напряженная борьба, которая создает нестабильность в Терско-Сулакском междуречье. Отсюда и исходила политика России, пытавшейся теперь подчинить местные общества более надежным феодальным кругам Кабарды и Дагестана. Если в Тереком городе им это удалось сделать относительно мирно и быстро, «доверив» горцев Сунчалею, то по отношению к аккинцам, жившим в Акки (особенно предгорным селениям), пришлось применять военную силу, которая, однако, ощутимых успехов ей не принесла.

Усиление влияния Султан-Магмута, ставшего подданным России, а в 1619 г. сумевшего договориться с Ираном, толкало его на более решительные действия на Северо-Восточном Кавказе, в частности против тех аккинских селений и их владельцев, которые продолжали придерживаться прорусской ориентации. Этим, вероятно, объясняется и побег аккинского феодала Кохострова Бийтемира (Кохостров Бийтемиров) в Терский город. В челобитной 1621 г. аккинский мурза сообщает: «Да в нынешнем, государь, во 129-м выехал я (1620—1621 гг. — А. А.), холоп твой государев, из Окоцкие земли в твою государеву отчину в Терский город... да со мною, государь, вышли окоцких же людей 4 человека з женами и детьми. И в прошлом, государь, во 128-м году отъехал из твоей государевы отчины ис Терского города твой государев изменник служивой окоченин Ботай в Кумыкскую землю к Салтамуту мурзе. И ныне, государь, по той насертке тот Салтамут мурза, за что я, холоп твой, выехал ис своей земли на твое государево имя, кабачишко мое наше Окоцкие земли отдал твоему государеву изменнику Батаю по неволе» [3]. Борьба между сторонниками

[1] Там же.
[2] РДО. С. 49—50.
[3] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1621 г. № 3. Л. 1—2.

различных политических «партий» приводила к тому, что проигравшему пришлось бежать. Бийтемир Кохостров надеялся получить обратно свои земли и власть и просил о помощи царя [1].

Интересно в связи с бегством Б. Кохострова упоминание Батая Шихмурзина, продолжавшего и в 20-х годах XVII в. играть определенную роль в Акки и союзе с Султан-Магмутом, за что и получил «кабачищко» беглеца [2].

В 1622 г. Султан-Магмут с братом «Амат-хан мурзой» и другими мурзами и уденями на реке «Быстрой» принял российское подданство [3]; на следующий год тарковский Ильдар получил жалованную грамоту на шамхальство [4]. В течение 1625—1627 гг. ряд дагестанских и черкасских феодалов прибыл в Терки с просьбой о принятии в подданство. В числе прибывших находился сын Султан-Магмута Айдемир, стремившийся, в отличие от часто изменявшего по отношению к России свою позицию отца, наладить дружественные отношения с Россией [5].

В 1634 г. шамхал Ильдар просит терских воевод помочь в борьбе против Султан-Магмута и послать на него войска, однако терские отряды обнаруживают, что тот успел уйти «в крепкие места на горы»; Ильдар советует князю Щолоху Черкасскому «к Салтан-Магмуту приступать не велеть, потому что места крепкие и людей бы... не потерять» [6]. Под «крепкими местами», по традиции, следует, видимо, понимать предгорные аккинские селения, куда Султан-Магмут уходил и ранее.

Вскоре шамхал Ильдар умер и на его место был избран довольно престарелый Султан-Магмут, уступивший место Айдемиру [7]. Ведущую роль в Эндери стал играть второй сын Султан-Магмута Казаналп, враждовавший с Айдемиром [8].

В конце 1638 г. в Терки для принятия присяги прибывают враги Айдемира — дети покойного Ильдара и его сторонники, среди которых Казаналп и один из уже известной нам аккинской династии Кохостровых — Казанбий-мурза Кохостров (Костров) [9]. Это показывает, что представители династии

---

[1] См.: ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1621 г. № 3. Л. 4.

[2] По данным полевых изысканий и сведениям аккинских и кумыкских старожилов селение Бота-Юрт основал некий аккинский главарь «Бота».

[3] См.: ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1622 г. Л. 5—24.

[4] РДО. С. 73—75.

[5] Там же. С. 150.

[6] Там же. С. 99—100, 102; Рук. фонд ИИИЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. 1. Д. 322. Л. 171, 172.

[7] Там же.

[8] Там же. Л. 229, 233.

[9] Там же. Л. 221—223; РДО. С. 139—144, 146—149, 151—156.

Кохостровых (Костровых) были разделены на два лагеря, пребывая частью в Акки (Окоцкой земле), частью в Терском городе. В то время, когда Казанбий-мурза Кохостров принимал присягу в числе горных владельцев, другой владелец из той же фамилии — Албирь-мурза Кохостров обращался к царю и говорил о службе своей в Терках (1636 г.): «Олбирь мурза государевы службы и в казыевом походе с стольником и воеводою со князем Петром Волконским и в приход под Терек нагайских людей государю служил с татары бился» [1].

В 1640 г. протурецки настроенные феодалы Казыевы разгромили владения князей Черкасских. Проигравшие получили войска из Терков (стрельцы и аккинцы-окочане) и помощь от горских феодалов, в числе которых были Айдемир с братьями Казаналпом и Мамудалеем, и части ногайцев. В ожесточенном сражении 12 июля 1641 г. объединенные русско-горские войска потерпели поражение: были убиты многие князья, в том числе и Айдемир [2].

На место Айдемира шамхалом был избран Сурхай, что означало некоторое усиление позиций Ирана в Дагестане.

Вскоре после столкновения 1641 г. возникает «ссора и смута» между правителями Тарков и Эндери — Сурхаем и Казаналпом. Князья из Эндери, по сообщению русского источника, «хотели убить до смерти тарковского Сурхая-мурзу» [3].

Зимой 1644 г. состоялось первое нашествие калмыцких орд на Северный Кавказ, направившихся на Терский город и селения Большой Кабарды и Малого Ногая. Нападавшие были разбиты, а посланные в погоню отряды горцев-черкесов и окочан под руководством Муцала Черкасского, довершили полный разгром войск Орды [4].

Таковы вкратце основные события, происходившие на Северном Кавказе до середины XVII века. Прежде чем обратиться ко второй половине столетия следует, на наш взгляд, рассмотреть сведения, характеризующие некоторые моменты внутриполитической жизни Акки и взаимоотношений аккинцев с соседними владельцами.

Выше мы обращали внимание на помощь, оказанную аккинцами-пхьарчхоевцами Султан-Магмуту в борьбе за наследство: предоставление ему убежища в «Окоцких кабаках», вооруженное содействие, участие в переговорах с дагестанскими владельцами на съездах феодалов, проходивших в первой по-

---

[1] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1645 г. Л. 94—95.

[2] Рук. фонд ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 322. Л. 241—242; РДО. С. 156—159.

[3] КРО. Т. I. С. 240.

[4] Там же. С. 243—244; РДО. С. 172; Очерки Калмыцкой АССР. Т. 1. М., 1957. С. 109.

ловине XVII в. Участвовал в этих съездах и глава пхьарчхоевского общества Маадий («Маьда» или «МаIадий» — как называют его аккинские рукописи). В одном из документов дагестано-русских отношений зафиксировано, что «прислал де из Окох Салтан-Магмут уздеией своих в Каи-Кумух к брату своему» для установления мира; в документе же за 1629 г. приводится имя «Магдей» [1], под которым нам видится имя Маадия (ср.: Магдей — МаIадий — Маьда).

Как известно, после отказа выделить удел Султан-Магмут уехал в Кабарду, откуда привел войска; дополнительно мы знаем, что в этой поездке принимал участие и Маадий [2]. После получения наследства Султан-Магмут продолжал поддерживать дружеские отношения с Маадием и пхьарчхоевцами. Пребывание Султан-Магмута в аккинских селениях, как видится, способствовало привлечению на его сторону определенной части местных жителей, особенно из числа владельцев, как, например, Казанбий-мурза Костров(Кохостров). По отдельным преданиям можно даже констатировать, что Султан-Магмут и Маадий находились в определенных родственных отношениях.

Дружба продолжалась недолго, т. к. Султан-Магмут строил свои планы в отношении Акки. Вот что сообщает о дальнейших событиях аккинская историческая хроника.

Во время одного из посещений Маадия кумыкские князья пригласили его поехать с ними в Кабарду. Там их приняли гостеприимно. На обратном пути «они остановились на берегу реки Ямсу (Ямансу. — А. А.) для отдыха и вечерней молитвы. Маадий разделся, снял оружие и доспехи и начал молитву. Когда он во время молитвы наклонился к земле («суждане вакча». — А. А.), братья зарубили его и бежали в Индри» [3]. Вероятно, вместе с Маадием были убиты и сопровождавшие его аккинские уздени.

Сестра Маадия СаьргIиз (СаригIыз, СаянгIиз) узнала, что брат убит и вместе со своими людьми ушла в лес, чтобы отомстить убийцам. Через некоторое время кумыкские князья, сознавшись в убийстве, попросили мира и прощения [4]. СаьргIыз согласилась, и кумыкские князья были приглашены для примирения. Они пришли «с большим количеством дорогих подарков: 120 лошадей, 120 кольчуг, 120 голов крупного рогатого скота, лошади были повязаны шелковыми тканями». С этими вещами все они пришли на место убийства Маадия, где и бы-

[1] РДО. С. 55, 90.

[2] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 2 об.; Бакихаиов А. К. Указ. соч. С. 89; Гаджиева С. Ш. Указ. соч. С. 52.

[3] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 2 об.

[4] Вероятно, между аккинцами и князьями на Эндери уже тогда начались стычки и князья были поставлены в безвыходное положение.

ли прощены. После обряда примирения, на месте жительства СаьргIыз было приготовлено угощение. Во время трапезы СаьргIыз поняла, что князья замыслили что-то плохое[1]; сняв с головы платок, она приказала убить всех. Всего было убито 7 князей и 16 узденей. «После этого возникла война, яд вражды разлился между ними». Все оставшиеся в живых кумыкские князья были прогнаны в Индри. «С тех пор до настоящего времени вражда между аккинцами и индрийцами не прекращалась», — завершает сообщение об этом аккинская хроника.

О том же событии у аккинцев сохранилось два предания. Первое из них, рассказанное нам жителем г. Хасавюрта Шапиевым Хамзатханом (запись 1983 г., 98 лет, ум. в 1990 г.), гласит следующее:

«В Пхьарчхошка (в Ширча-Юрте. — Ш. Х.) жил один аккинский эла. Звали его МIажр. Недалеко от него жили кумыкские князья, которые дружили с аккинским. МIажр всегда брал верх, был самостоятельным, лучшим. Тогда кумыкские князья подло убили его. Через некоторое время жена МIажра, по совету аккинских стариков, позвала кумыкских князей к себе мириться. Там, на горе, где жила жена аккинского князя, князья кумыкские были убиты. С тех пор эта гора, расположенная немного выше Пхьарчхошка, называется «Элий баввийна (Лам)», (т. е. Гора, где убиты князья. — А. А.).

Второе предание записано нами в 1982 г. со слов жителя сел. Нурадилово (Хасавюрт-й р-он) Насырхаева Индарби, 70 лет (ум. в 1983 г.).

«Выше села Пхьарчхошка жил один аккинский человек. Он был женат на дочери кумыкского князя. Эта кумычка сама пошла за аккинца. У них были дети. Родные кумычки, недовольные тем, что она пошла не за своего человека (не за кумыка. — А. А.) замуж, пригласили его к себе в гости и подло убили. Шло время, дети подросли. Жена убитого аккинца пригласила родственников-князей к себе в гости. Здесь, на горе, она при помощи своих сыновей убила этих князей. С тех пор эта гора называется «Элий баввийна (Лам)». Время, когда это случилось, можно определить по надписям на чуртах на этой горе».

Сообщения исторической хроники и преданий отражают, на наш взгляд, реальный исторический факт, имевший место во взаимоотношениях аккинских и кумыкских владетелей. Во всех трех случаях ведущим мотивом является то, что верхи

---

[1] По комментарию В. Ибрагимова и М. Магомедова, СаьргIыз была вдовой; возможно, что во время примирения кто-то из князей неосторожно или с каким-то умыслом выразился, чем рассердил вдову.

обществ были связаны между собой (в одном случае — и в родственных отношениях), убийство одного главаря повлекло за собой отмщение. Все это вполне согласуется с сообщениями русских источников о принятии Султан-Магмута под защиту аккинцами, его бегстве в «Окоцкие кабаки» после изгнания из шамхальства и из Эндери, жительстве в Акки.

Убийство кумыкских князей оставило глубокий след в сознании не только аккинцев, но и кумыкских и кабардинских князей, среди которых бытовало такое же предание.

Исследователь И. М. Саидов отмечает, что владетели из богатых княжеских фамилий опасались аккинцев и неохотно соглашались на приглашение быть у них князем. Записав одно из преданий о приглашении аккинцами князя, И. М. Саидов пишет, что старейшинам с большим трудом удалось добиться согласия одного представителя кумыкской княжеской фамилии, т. к. «среди соседних князей было живо предание о том, как чеченцы убили восемь князей на горе, расположенной возле чеченского селения Ширча-Юрт и называемой до сего дня Элий байъина лам (Гора, на которой убиты князья)...» [1]. Наряду с этим отметим, что среди многочисленных письменных материалов и устных данных, собранных в 60-80-х гг. И. Исмаиловым и нами, не обнаружены сведения или даже единичные факты о бытовании среди аккинцев обычая приглашения князей со стороны.

При помощи приведенных данных можно определить приблизительную дату гибели Маадия и Султан-Магмута. Маадий участвовал в примирительных съездах, проходивших вплоть до 1633 г.; в 1634 г. Султан-Магмут еще имел доступ «в крепкие места на горы»; в 1638 г. в числе пришедших в Терки дагестанских владельцев были аккинский владелец Казанбий-мурза Кохостров; Султан-Магмут был жив еще в 1643 г. [2]. Следовательно, можно предположить, что после 1638 г. был убит Маадий, а в середине 40-х годов (после 1643 г.) — Султан-Магмут.

С середины 40-х гг. XVII в Россия пытается проявить больше внимания союзу с горскими народами против Турции и Крыма. В середине 1645 г. в Терский город была послана царская грамота, определявшая кабардинского князя Муцала Черкасского правителем «в Терском городе над окочаны и над черкасы», правом их «в ратном строенье и во всяких наших

---

[1] Саидов И. М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях среди чеченцев и ингушей//АЭС. Т. 2. Грозный, 1968. С. 275—276.

[2] Рук. фонд ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. Д. 322. Л. 171, 172, 256—257; РДО. С. 99—100, 102, 119—120.

делах ведать и судить и в походы на службу... ходить»; грамота была скреплена «государскою красною печатью»[1]. Подобная печать или так называемый «алый кинпан» ставилась, как определяют исследователи, только на жалованных царских грамотах которые выдавались правителям самостоятельных княжеств[2].

Такую же грамоту с формулой «пожаловал есьм» получил и наследник известного Бийтемира Кохостров — Чепан-мурза Кохостров в том же 1645 году: «И мы Чепана мурзу Кохострова пожаловали, под Терским городом отца ево и брата ево кабаками и узденям и людьми владеть велели»[3]. Т. е. можно констатировать, что Чепан-мурза Кохостров являлся правителем самостоятельного владения под Терками. В данном случае, надо полагать, в ведение Чепана-мурзы были переданы (или закреплены юридически владельческие права) те окочане-аккинцы, которые вышли из «Старых Окох», т. е. из Ширча-Аьккха, в Терский город вместе с Бийтемиром Кохостровым и та часть аккинцев, которая впоследствии «притекла» в Терки под влиянием агитации и по примеру Бийтемира: «вышел отец мой на твое государево имя в Терский город, Костров мурза... с 20-ю дворы из... Старых Окох. А после, государь, того смотря на отца нашего, и многие из тех же Старых Окох на твое государево имя в Терской город вышли окоцкие люди»[3].

Представители и потомки тех аккинцев, которые поселились в Терках ранее, т. е. фактически большая часть окочан Терского города, оставались под правлением Муцала Черкасского.

В том же 1645 г. при восшествии на царский престол Алексея Михайловича в числе вайнахских выходцев в Терском городе России присягнул и «старый Окох Айбирь-мурза Батаев»[5], т. е. сын известного в прошлом Батая Шихмурзина (Окоцкого).

Реальная угроза нашествия шахских войск на Казаналпа возникла в 1645 г., когда шах Аббас II дал указание Аралхану шемахинскому провести рейд на Казаналпа и «тех андреевцев побить», что заставило последнего тотчас же обратиться за помощью и заступничеством к терским воеводам[6]. Против Казаналпа стоял и тарковский шамхал Сурхай, также опирающийся на иранский двор.

---

[1] КРО. Т. I. С. 260—261.
[2] Юзефович Л. А. Русский посольский обычай XVI века//Вопросы истории. № 8. 1977. С. 114; Ахмедов Я. З. Указ. соч. С. 103.
[3] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1645 г. Л. 100—101.
[4] ЦГАДА. Ф. Кабардинские дела. 1645 г. Л. 92.
[5] КРО. Т. I. С. 262, 264—265.
[6] РДО. С. 175.

В сентябре 1647 г. терским воеводам пришло сообщение от Казаналпа о том, что он перешел «с кабаками своими... по речке Акташу... к Терскому городу ближе прежнего ево житья полуднищем», т. к. его, мол, теснит Сурхай-шамхал: через год Сурхай направился на Казаналпа, но ввиду заступничества России, не тронул его и, пройдя в Кабарду, напал на верного России Казыя Мударова [1].

В описываемых событиях, на наш взгляд, не все так просто и понятно, как представляет Казаналп. Во-первых, сообщение обращает на себя внимание тем, что в нем ничего не сказано об Эндери. Дело не только в том, что Казаналп переехал из-за боязни и угроз Сурхая и Аббаса II, но и в том, что Казаналп с середины 40-х гг. XVII в. не проживал в этом селении, а находился в бегах. Выше мы рассмотрели сообщения аккинской хроники об убийстве кумыкских князей, изгнании князей и продолжающейся вражде между аккинцами и кумыкскими владельцами. Отсюда можно предполагать, что Казаналп из-за угрозы дальнейших стычек и действий аккинцев вынужден был уйти из Эндери в другое место и только после этого, под воздействием угроз Аббаса II и Сурхая перейти «ближе прежнего ево житья на полуднище». При этом мы исходим и из сообщения местных старожилов-аккинцев о неоднократном переносе местоположения сел. Эндери.

Вскоре Казаналп получил возможность участвовать в ответных действиях против Сурхая, к которому откочевал со своими улусами ногайский Чебан-мурза. К Таркам была отправлена экспедиция в составе русских, окоцких, брагунских, ногайских и казаналповых людей, однако реванш не состоялся: нападавшие были разбиты Сурхаем и Чебан-мурзой. А вскоре и сам Казаналп, раздраженный возвышением Муцала Черкасского в Терском городе, оказался в лагере противников России вместе с Сурхай-шамхалом [2].

Весной 1651 г. терские воеводы начали восстанавливать Сунженский острог. По совету терского окончанина Бикши Алеева и терских старожилов острог был построен непосредственно на мысу при впадении Сунжи в Терек [3]. Острог перекрывал пути торговли между северокавказскими и восточными купцами и был необходим России, т. к., без него «Терского городу от государевых непослушников впред быть опасно» [4].

Построение Сунженского острога вызвало серьезный рус-

---

[1] Рук. Фонд ИИЯЛ РАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 322. Л. 278; КРО. Т. I. С. 288—290; РДО. С. 178—179.

[2] РДО. С. 189, 190, 192; Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 186.

[3] ЦГАДА. Ф. 121. Оп. I. 1652 г. Д. I. Л. 12; КРО. Т. I. С. 302—303.

[4] Там же. Л. 32; Ахмедов Я. З. Указ. соч. С. 116—117.

ско-иранский конфликт [1]. Первыми осенью 1651 г. выступили Сурхай и Казаналп: «шевкал и Казаналп пришли с многими людьми на Ямансу реку, а хотят итти войною на Сунженский городок и под Брагуны и под улусы»; иранский шах для помощи нападавшим послал отряд в 800 человек с двумя пушками [2].

В течение месяца длилось противостояние горско-иранских войск и отрядов служивых горцев, казаков и стрельцов под командой Муцала Черкасского. В результате нескольких стычек и удачных маневров М. Черкасского Сунженский острог выстоял, а к 7 ноября 1651 г. горско-иранские войска разошлись «розно» [3]. Отошедшие отряды Сурхая и Казаналпа в течение 1652 г. стояли в боевой готовности на р. Акташ [4] — надо полагать там, куда и перешел Казаналп в 1647 году.

Весной 1652 г. горско-иранские войска в количестве 20 тыс. человек направились вновь к Сунженскому острогу. В результате 12-дневного массированного штурма им удалось захватить острог, несмотря на ожесточенное сопротивление гарнизона; гарнизон тайно покинул его, не забыв прихватить с собой «казну, наряд и зелье и свинец» [5]. После сожжения Сунженского острога, даже не попытавшись пойти на Терский город, горско-иранские войска вернулись в Тарки, чем, собственно, конфликт и был исчерпан. Дальнейшее обострение конфликта не произошло по той причине, что обеим сторонам в данный период война была невыгодна: Россия была занята связями с Украиной, Польшей и Крымом, а Иран — с Афганистаном и Индией.

Союз же между горскими владельцами, противниками России, просуществовал недолго. Основные противники — Сурхай и Казаналп — вскоре помирились с Россией и получили прощение [6]. Среди антирусской коалиции, как утверждает Т. А. Исаева, были и представители вайнахского общества «шибутов», а в мае 1653 г. их «шибутцкой начальной человек Айдемир» обратился с просьбой о перемене аманата в Терском городе [7].

---

[1] История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958. С. 298; История Ирана М., 1977. С 186—187.

[2] ЦГАДА. Ф. 121. Оп I. 1652 г. Д. I. Л. 16—17; КРО. Т. I. С. 304; РДО. С. 182, 184.

[3] Там же. Л. 19; КРО. Т. I. С. 304—306; РДО. С. 185—188.

[4] ЦГАДА. Ф. 121. Оп. I. 1652 г. Д. I. Л. 77—78.

[5] КРО. Т. I. С.313—317; Умаханов М.- С. К Указ. соч. С. 187—188.

[6] РДО. С. 192—193; Умаханов М.- С. К. Указ соч. С. 187—188.

[7] Исаева Т. А. Социальные отношения чеченцев и ингушей в XVII в.// Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI — нач. XX в.) /далее — ВИКСДДЧИ/. Грозный, 1980. С. 33—34.

В документах, раскрывающих события 1651—1653 гг., не содержится сведений о населении Акки, хотя отдельные исследователи полагают, что в конфликт были втянуты практически все феодальные владетели Северо-Восточного Кавказа [1]. В то же время аккинцы — жители Сунженского острога и Терского города — приняли активнейшее участие в борьбе против горско-иранского войска в составе царских отрядов.

Вместе с задачей захвата и уничтожения Сунженского острога у Казаналца, как нам представляется, была и другая задача. В начале конфликта Казаналп и Сурхай проходили по р. Ямансу и готовились к нападению на острог, а затем, после неудачных действий, они отошли на р. Акташ. Видимо, Казаналп понял стратегическую выгоду обоснования на реках Терско-Сулакского междуречья: Аксае, Ямансу, Ярыксу и Акташе. Поэтому на втором этапе продолжающегося конфликта некоторые горские отряды, отходящие от острога, попытались задержаться на «Оксай-реке» с намерением здесь укрепиться, однако вынуждены были уйти обратно на Акташ и Сулак [2].

Россия продолжала предпринимать действия по укреплению своего влияния на Тереке. С начала 60-х годов проводятся переговоры с кабардинскими князьями в Астрахани, а также относительно успешные попытки по склонению в российское подданство некоторых дагестанских владельцев [3]. В то же время обострились русско-турецкие отношения из-за Кавказа и воссоединения Украины с Россией; по тем же причинам в 60 — 70-х гг. прошла русско-турецкая война [4].

Осенью 1661 г. новым главой Черкасского княжества становится внук Сунчалея Каспулат Муцалович Черкасский. Он, как и его предки, получает царскую грамоту, дающую ему «княжение» над нерусским населением Терского города с теми же правами, что в свое время Сунчалею и Муцалу. Основной состав населения Терского города (подчиненного Каспулату) — выходцы из Кабарды и вайнахских обществ, называемых по традиции окочанами [5].

В августе 1668 г. Терский город был затоплен водами и выстроен заново в низовьях реки на «Копани». При этом была

---

[1] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 127.

[2] РДО. С. 187.

[3] Умаханов М.-С. К. Указ соч. С. 195—196.

[4] Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958. С. 54.

[5] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 8. Л. 1—1 об.; КРО. Т. I. С. 325—326; Витзен Н. Северная и Восточная Татария или сжатый очерк нескольких стран и народов//Адыгэ, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (далее — Адыгэ...). Нальчик, 1974. С. 91.

произведена некоторая перестройка в возведении укреплений, превратившая Терки в современный фортификационный узел [1]. В новый город было переселено русское население и жители слобод, раскинувшихся вокруг бывшего города. Всего же, по свидетельству документов и современников, в течение следующего 1669 г. из Черкасской, Окоцкой, Новокрещенной и Татарской слобод в новый Терки было переселено «более 1000 дворов кабардинцев, окочан, тезиков, 5000 русских служилых людей, 500 казаков» [2]. К концу же XVII в. в Черкасской, Окоцкой слободах насчитывалось соответственно 175 и 160 дворов горских жителей, а все количество горцев в Терках почти в три раза превышало русское население [3].

Население Терского города состояло из дворян и бояр, узденей и атаманов, служивых горцев и казаков, а также различных категорий зависимых людей. Естественно, что здесь, как и по всей России, процветали различные формы феодального гнета и повинностей, казнокрадство и т. д. Все это не могло не вызвать возмущения зависимого населения и привело осенью 1670 г. к открытому народному восстанию, ставшему звеном в цепи событий, поддержавших крестьянскую войну под руководством Степана Разина в 1667—1671 гг. [4]. Терки, по свидетельству Я. Я. Стрейса, «перешел на сторону казаков и там перебили различных начальников и офицеров, совершенно разграбив их дома, а... господина губернатора держали в плену в собственном доме» [5].

Каспулат Черкасский, правитель Черкасского княжества Терков, отказался присоединиться к восставшим и ушел в междуречье Терека и Сунжи, а впоследствии участвовал в подавлении восстания в Астрахани [6].

Только после подавления разинского восстания в Астрахани и Терках российское правительство вновь получило возможность заняться северокавказскими делами. Положение под Терским городом было непростым, т. к. отдельные феодалы совершали набеги на город и близлежащие казачьи городки. В 1672 г. к Теркам «приходил» ногайский Каракасай-мур-

---

[1] Стрейс Я. Описание города Терки//Адыги... С. 100.

[2] КРО. Т. I. С. 328, 383 /прим. 241/; Стрейс Я. Указ. соч. С. 213; и др.

[3] ЦГАДА. Ф. Кумыцкие дела. 1698 г. Д. I. Л. 112, 114; КРО. Т. I. С. 94—96, 138, 164.

[4] Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V — середина XIX века. Ростов, 1984. С. 49—50.

[5] Стрейс Я. Я. Три путешествия. Л., 1935. С. 369.

[6] КРО. Т. I. С. 333; Гриценко Н. П. Народные движения XVII—XVIII веков и терское казачество//Изв. СКНЦВШ. Общественные науки. № 3. Ростов, 1975. С. 14—15.

за, а в следующем году «тарковский шевкал з горскими многими кумыки и уезных людей побили» [1].

В ответ на набеги на Терки и казачьи городки, в августе 1673 г. Каспулат Черкасский совместно с союзным России калмыцким ханом Аюкой «пошли на службу великого государя на горского владельца на Чеполова да на нагайского Каракасая мурзу... и в том походе у тех мурз много людей побили и животинные стада отогнали» [2]. Упомянутый здесь Чеполов (Чепалов) являлся главой местного населения селения Эндери, принявший власть после Казаналпа. Россия, наказывая некоторых горских феодалов, обеспечивала тем самым безопасность торговых путей из России в Иран от Терков до Дербента. Иранский шах Сулейман, также недовольный противодействием дагестанского шамхала Будая и князя из Эндери Чупана, приказал шемахинскому хану наказать разорением и казнью Чупака, что так и осталось невыполненным [3].

Во второй половине XVII в. жители Акки не отличались политической активностью и данные о них в документальных источниках до настоящего времени не выявлены. Характерно в этом отношении то, что в документальных материалах русско-кавказских отношений не содержатся какие-либо сведения не только о территории и населении Акки второй половины XVII в., владельцах аккинцев равнинной и предгорной Акки, но и сведения о какой либо подчиненности аккинских обществ дагестанским феодальным владениям (так называемым «Эндирейскому», «Костековскому», «Аксаевскому «княжествам»), как то систематически подчеркивают дагестанские исследователи [4].

Отсутствие подобных сведений и документов тем более странно, что царское правительство всегда опиралось при проведении своей политики на феодальные верхи Северного Кавказа и, зная о положении местных обществ, должно было отразить в документах поступающие от горских выходцев в Терках (среди них были и сами окочане-аккинцы) изменения внутри обществ Северного Кавказа. Здесь же следует подчеркнуть, что документы XVI—XVII вв., довольно подробно характеризующие деятельность Султан-Магмута и его потомков, абсолютно не подтверждают сведений середины и второй половины XIX в. о том, что родоначальник кумыкских князей Сул-

---

[1] КРО. Т. I. С. 333, 339, 357.

[2] КРО. Т. I. С. 339—340; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. С. 131.

[3] Умаханов М.-С. К. Указ. соч. С. 198; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 155.

[4] История Дагестана. Т. I. М., 1970. С. 280; ИНСК. Т. I. С. 295.

тан-Магмут подчинил своей власти и брал подати с Чечни, Карабулака, Качкалыка, Аука и Салатавии [1].

Отсутствие сведений об аккинцах второй половины XVII в. отчасти объясняется причинами, названными исследователями Е. Н. Кушевой и Р. К. Киласовым: архив Терского города, Казанского дворца, а также таможенные книги Астраханской таможни, содержавшие документы по русско-кавказским отношениям второй половины XVII — начала XVIII вв., почти полностью утрачены [2]. Второй причиной отсутствия сведений об аккинцах может являться, по нашему мнению, тот факт, что с середины XVII в. в Акки и в Терском городе не фиксируются представители аккинских феодальных верхов (в Терском городе последними были Чепан Костров и Албирь Батаев в 1645 г., а в Акки — Казанбий-мурза Костров в 1638 г.). С началом периода самоуправления так называемых «вольных обществ» мы связываем и исчезновение с политической карты Акки и Терков имен аккинских феодалов.

И, наконец, отсутствие сведений, кроме всего остального, объясняется и тем, что Россия, больше занятая проблемами взаимоотношений с Турцией, Ираном и Крымом, а также прочно «застрявшая» во внутренних кабардино-дагестанских междоусобицах, упустила из поля зрения местное население Акки, потеряла над ними контроль так же, как в свое время не смогла обеспечить безопасность своих верных союзников в Терско-Сулакском междуречье.

Высказанное в основном касалось населения самого Акки. Аккинские же выходцы в Терках продолжали нести службу, участвуя во всех мероприятиях того периода. Окочане Терского города принимали активное участие в составе 4-тысячного отряда под командой Каспулата Черкасского в русско-турецкой войне. Заслуги терских «ратных» людей и самого Каспулата не остались незамеченными и были отмечены царем [3]. Сам же Каспулат получил право на образование личной усадьбы-подворья в Астрахани, сбора в свою пользу таможенных пошлин в Терках и беспошлинного провоза товаров в русские города [4].

После смерти Каспулата (ум. после 1681 г.) значение Чер-

---

[1] Феодальные отношения в Дагестане, XIX — начало XX в. /далее — ФОД/. М., 1969. С. 85; Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. С. 25; Айтберов Т. М., Ахмадов Я. З. Из истории классовых отношений и антифеодальной борьбы карабулаков в XVIII в.//ВИКСДДЧИ. С. 45.

[2] Кушева Е. Н. Указ. соч. С. 16; Киласов Р. К. Указ. соч. С. 5—6.

[3] КРО. Т. I. С. 335—357, 362—363; История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. С. 130—131; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 156—160.

[4] КРО. Т. I. С. 360—361, 364—365.

касского княжества упало, а вскоре дагестанские феодалы пытаются предъявлять свои права на горское население Терков. Шамхал Будай и Чупан, еще недавно совершавшие набеги на Терский город и казачьи поселения, выражают преданность России и получают жалованье. При этом Будай совершенно ложно заверяет царя, что «я великих государей Терский город и русских людей, и черкас и окочан преж сего оберегал и ныне стану беречь» [1]. В верноподданном выражении Будая скрывалась большая внутренняя подоплека, которая проявилась в первой четверти XVIII в., когда сын Будая — шамхал Адиль-Гирей, будет просить Петра I принять в русское подданство его самого и назначить сына Каспулата (аманата в Терках) управителем над окочанами и черкасами Терского города [2].

С конца 80-х гг. политический престиж России в северокавказском регионе падает, а в конце XVII — начале XVIII в. Российское государство переносит основное направление своей внешней политики на север Европы, готовясь к войне со Швецией. Планы овладения Черным морем и дальнейшего продвижения на Кавказ переносятся на будущее. Т. о., России было не до Кавказа. Турция, потерпев тяжелое поражение в Европе и потеряв Азов, также проявляет меньшую активность на Кавказе; Иран заканчивает XVII в. в состоянии глубокого политического и экономического кризиса [3].

В этой обстановке народы Северного Кавказа фактически получают своеобразную, относительно непродолжительную «передышку» и больше предоставляются, как отмечал Н. А. Смирнов, сами себе, для решения своих внутренних вопросов и проблем [4]. Единственное событие конца XVII в. — это официальное принятие под российскую корону Брагунского княжества, значительное количество населения которого состояло из чеченцев [5].

§ 2. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АККИ В XVIII ВЕКЕ

С начала XVIII в. в политической жизни народов Северного Кавказа намечается новая расстановка сил и влияния крупных держав. Возросшее значение Кавказа во внешнеполитических устремлениях России, Турции и Ирана объяснялось

---

[1] Архив ЛОНИ. Ф. 178. Оп. I. Д. 10202. Л. 12, 14.

[2] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 3. Л. 34—34 об.; РДО. С. 249, 272, 275.

[3] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 165—168.

[4] Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 55.

[5] Юзни П. Материалы Кизлярского архива//ЗТОЛКС. № 3. Владикавказ, 1912. С. 3; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 162.

их стремлением решить проблему морей; в первую очередь это относится к России, т. к. она единственная была лишена выходов к морям.

Заключение Константинопольского договора между Россией и Турцией в июле 1700 г.[1] не облегчило международную обстановку, а также не благоприятствовало выполнению планов Петра I по выходу к Черному морю. В тот же период укреплению влияния России на Кавказе серьезно противодействовала Османская империя, стремившаяся компенсировать свои территориальные потери в Европе за счет новых земель в Азии и на Кавказе.

В обстановке, когда Россия вступила в войну со Швецией и не имела возможностей противопоставить крупные военные силы против Турции на Кавказе и юге России, она все же пыталась предпринимать определенные меры в отношении горских народов. О возможности поддержания мирных отношений с северокавказскими народами спрашивал Петр I у астраханского губернатора[2]; в 1700 г. царь дал указание астраханскому воеводе Мусину-Пушкину наладить дружественные торговые связи с народами Дагестана, что дало толчок развитию и политических отношений в регионе[3].

На процесс развития русско-северокавказских взаимоотношений в тот период влияло и антикрепостническое движение конца XVII — начала XVIII веков, развернувшееся особенно широко как в самой России и на ее окраинах, так и в приграничных России районах[4].

В начале XVIII в. в исторических источниках вновь появляются сведения об аккинцах, связанные с событиями 1708 г. на Тереке[5]. Астраханский воевода П. М. Апраксин доносил Петру I 20 марта 1708 г., что один из активных участников башкирского восстания Мурат Кучуков объявился «в горских народах, которые близ Терка, называются чеченцы, мичкисы, аксайцы; и те народы прельстя, называя себя прямым башкирским салтаном», стал призывать их на вооруженную борьбу против царизма и владельцев[6]. Исследователь И. Г. Акмолов, изучавший восстание башкир 1704—1711 гг., отмечал: «В начале... 1708 г. мы имеем вооруженное выступление против русского господства сразу под Казанью, Ногайской и Осин-

---

[1] ПСЗ. Т. IV. С. 66—72 Док. № 1804 (текст договора).
[2] История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. С. 162.
[3] История Дагестана. Т. I. С. 338.
[4] Санин Г. А. Влияние классовой борьбы в России конца XVII — начала XVIII в. на внешнюю политику Русского государства//Крестьянские войны в России XVI—XVIII вв. М., 1974. С. 378.
[5] См. стр. 75—76 настоящей работы.
[6] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 282.

ской дорогах Башкирии, и на Тереке среди горских народов и кумыков» [1]. Большую часть восставших представляли аккинцы-окочане, поддержанные чеченцами, мичкисами, аксайцами [2], кумыками, ногайцами и другими [3].

В феврале 1708 г. повстанческие отряды повели наступление на Терский город и взяли его полностью, за исключением «верхнего города». До конца февраля длилась борьба, однако подошедшие войска, составленные из регулярных царских отрядов, наемников и 8-ми тысячного калмыцкого войска Аюки-хана, после нескольких стычек разгромили восставших и пленили М. Кучукова [4].

Из событий 1708 г. под Терками видно, какую роль сыграл в подавлении восстания калмыцкий хан Аюка. Данным восстанием выступления вайнахских народных масс, как показывает документальный материал, не закончились, и имеет смысл в связи с этим обратиться к договору, заключенному на р. Ахтуба 30 сентября 1708 г. между Россией и ханом Аюкой [5].

Анализ статей договора убеждает, что и после восстания 1708 г. продолжались набеги на казаков и казачьи станицы, Терки, уводы в плен и. т. д. П. Апраксин, заключавший договор с Аюка-ханом, настоял, чтобы в договоре было отмечено: Аюка-хан знает, какое было «городу Терку от вора самозванного Салтана и от Чеченцов и от Кумык и от Нагайцев Терских разорение»; некоторые «теж Чеченцы и Нагайцы и другие тамошние владельцы терку всякия пакости чинят, и разорением хвалятся». Здесь же договаривающиеся стороны условились, «чтоб оне Аюка хан к терку на Чеченцов и на терских нагайцов послал людей своих тысячи четыре или пять и велел их разорить за то, что они Царскому Величеству, общему нашему Государю, с тем воровским Салтаном учинили великую обиду, и терку многое разорение...; и тем бы он Аюка Хан показал Великому Государю верную свою службу и с терка Великого Государя ратные люди из гребеней казаки на Чеченцов с людьми его хановыми посланы будут заодно» [6].

Из приведенного отрывка видно, что до времени заключения договора наладали чеченцы, ногайцы и кумыки, а после

---

[1] Акимов И. Г. Башкирское восстание 1704—1711 гг.//Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С. 45.

[2] В данном случае к «аксайцам» мы относим аккинцев из Пачалаъ-Аккска и часть кумыков, переселившихся в сел. Аксай в начале XVIII в.

[3] Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. С. 242.

[4] Там же. С. 232, 242—243.

[5] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 8. Л. 20 об. — 21 об.; ПСЗ. Т. IV. С. 418—419. Док. № 2207 /текст договора/.

[6] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 8. Л. 21—21 об.; ПСЗ. Т. IV. С. 418—419.

подавления восстания 1708 года все еще чеченцы и ногайцы продолжали нападать на Терский город и гребенских казаков. Царское правительство, не имевшее в данный момент достаточных сил для предотвращения этих набегов («пакостей») со стороны чеченцев и ногайцев, призывает на помощь калмыцкого хана, который, вероятно, и сам получал от разорения местных народов немалые выгоды.

Запрос царизма был принят калмыцким ханом. «По той статье Аюка Хан сказал, — пишется в документе, — что он на тех Чеченцов и на терских Нагайцов за прежнее их злодейство и терское разорение и, когда они и доныне не уймутся (подчеркнуто нами. — А. А.), людей своих с сыном своим Чандержапом или со внучаты 5000 человек или больше пошлет и велит их разорить. А чаю де и Чемет в ту войну на Чеченцов с радостию пойдет, и вину свою Великому Государю заслужит...» [1].

Выражение «когда они и доныне не уймутся» позволяет нам убедиться в продолжавшихся набегах на терских жителей и гребенских казаков. Интересно в связи с этим упоминание гребенских казаков как объектов нападений со стороны чеченцев и ногайцев. Как известно, с осени 1710 г. до лета 1711 г. прошла русско-турецкая война, приведшая к подписанию Прутского мира и потере Россией Азова [2]. Османская Порта усилила агрессивные притязания на Северном Кавказе и в Закавказье. Россия стала принимать ответные меры по усилению своих южных границ: в течение 1711—1712 гг. на левый берег Терека были переселены гребенские казаки, образовавшие станицы Червленную, Шадринскую, Новогладовскую и Старогладовскую [3].

Не отрицая важность и необходимость переселения гребенских казаков по указанной причине, кажется правомерным и то, что данное переселение диктовалось и «пакостями» со стороны чеченцев и ногайцев, продолжавших нападать на тех гребенских казаков. Ведь именно против селений чеченцев, аккинцев и мичиковцев были расположены городки гребенских казаков. Поэтому не случайно, что в договорных статьях России с Аюка-ханом говорится, что в случае продолжения подобных набегов «с терка Великого Государя ратные люди из гребеней казаки на Чеченцов с людьми его хановыми посланы будут заодно» [4].

---

[1] Там же. Л. 21 об.; ПСЗ. Т. IV. С. 419.

[2] ИНСК. Т. I. С. 409.

[3] ИНСК. Т. I. С. 409; История Дагестана. Т. I. С. 338; Зубов П. Картина Кавказского края. Ч. 2. СПб., 1834. С. 107.

[4] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 3. Л. 21 об.; ПСЗ. Т. IV. С. 419.

Вопрос же о том, были ли совершены карательные экспедиции совместных русско-калмыцких войск на вайнахские общества в 1708—1717 гг. остается, к сожалению, пока открытым и требующим изучения.

В этот же период Россия направляла на Кавказ различные посольства с целью склонить местных владетелей на свою сторону. Так, в 1711 г. сюда был послан князь А. Бекович-Черкасский, доносивший, что турецкий султан тоже пытается склонить местных князей с владениями «под власть Турецкого» и «чтобы народ оный не допустить под руку турецкую... то надлежит не пропуская времени о том стараться, а когда же турки под себя утвердят, тогда уже будет поздно» [1]. В результате тарковский шамхал Адиль-Гирей попросил принять его в российское подданство [2].

Со следующего, 1719 года, Адиль-Гирей в своих многочисленных прошениях о подданстве России отмечает, что он готов дать аманата в Терский город (сына Каспулата) и быть верным России, но только с условием, что Каспулат будет назначен главным над «ахухами-черкесами» Терского города, т. е. над вайнахским населением города, на что ему было отвечено, что просьбы его, высказанные в прошениях, как и вопрос об «ахухах-черкесах», будут рассмотрены на встрече в Терском городе [3].

В 1718—1722 гг. в Терско-Сулакском междуречье произошли события, имевшие трагические последствия для аккинцев и положившие, по нашему мнению, начало уничтожению одного из крупных подразделений аккинского общества — Гlачалкъа-Аьккха.

Вайнахское население продолжало совершать набеги на Терский город и гребенских казаков, что послужило удобным поводом для царского правительства в организации военных экспедиций в этот регион. Главной же причиной, приведшей к походам и последующему разорению местного населения, было стремление царизма укрепить свое влияние в крае военной силой, в том числе и путем дальнейшего подчинения местных обществ более «надежным» дагестанским феодалам.

Исследователь М. Д. Чулков, автор капитального труда по российской коммерции, оставил довольно подробное свидетельство о событиях того периода. «Жилища Чеченцов, — писал он, — простирались прежде сего от гор, недалеко от Эндери находящихся, до самого моря; но понеже они в прежния времена Гребенским и Донским Козакам, отгнанием их лошадей и скота, много вреда причиняли, то в 1718 году команди-

[1] РДО. С. 223—224.
[2] Там же. С. 226.
[3] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 8. Л. 27—28 об.; РДО. С. 234.

рованы были на них несколько тысяч человек Донских Козаков, которые всю их землю опустошили и многих порубили, а прочие потом в горах опять построились и в 1722 году Российскими подданными учинились» [1]. Тот факт, что только через 3 года после первой экспедиции (1718 г. и 1722 г.) аккинцы приняли российское подданство, предполагает, по нашему мнению, что после первой была совершена по крайней мере еще одна военная экспедиция на аккинцев; это, впрочем, подтверждается и другими авторами.

Только огромный ущерб, нанесенный царскими отрядами, мог после разрушения селений, сожжения хлебов и других посевов заставить местное население принять подданство Российской империи.

Отошедшие от правого берега Терека преимущественно в предгорные районы аккинцы из общества ГІачалкъа-Аьккха продолжали совершать нападения на Терский город и гребенских казаков. Теперь уже, после похода царских войск 1718 г., гІачалкъовцы нападали, по всей видимости, совместно с аккинцами из Ширча-Аьккха (Пхьарчхошка-Аьккха), а также кумыкской частью населения Аксая и Эндери. Как свидетельствуют сообщения того периода, с ноября 1720 г. по май 1721 г. российская сторона потеряла убитыми, ранеными и взятыми в плен около 139 человек [2].

Вскоре царизм вновь направляет войска против жителей плоскостной части Терско-Сулакского междуречья. Район нападения царских войск исследователями определяется по-разному. Дореволюционный исследователь А. П. Берже пишет, что из северокавказских народов особенно «было обращено внимание на Чеченцев. Из экспедиций, предпринимающихся в то время в землю Чеченцев (подчеркнуто нами — А. А.) [3], между прочим, известны походы Донских казаков в 1718 и 1722 годах на Сунжу и Аргун» [4]. Исследователь нашего времени В. П. Лысцов отмечает другой район царских походов: «По распоряжению астраханского губернатора против андреевских владельцев были посланы терские и донские казаки, которые осенью 1721 г. производили рейды к рекам Астрахани и Аксай» [5]. 1722 год предполагает и Равинский, причем он говорит о совместном походе царских войск и отрядов калмыков, обязавшихся помогать России в походах против чечен-

---

[1] Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции. Кн. 2. Т. 2. М., 1785. С. 477—478.

[2] Лысцов В. П. Персидский поход Петра I. 1722—1723. М., 1951. С. 98.

[3] Это еще раз подчеркивает, что походов было несколько.

[4] Берже А. П. Горные племена Кавказа//Живописная Россия Под общ. ред. П. П. Семенова. СПб., 1883. Т. 9. Кавказ. С. 86—87.

[5] Лысцов В. П. Указ. соч. С. 98.

цев: «В том же году (было приказано. — А. А.).. отрядить... Краснощекова 40000 Калмыков для усмирния дерзких Кавказских обществ» [1].

Несмотря на разброс мнений относительно района военных действий, мы вправе полагать, что в любом случае карательные отряды обрушились на аккинцев, что и заставило их принять российское подданство. Одними из первых в результате названных действий пострадали аккинцы равнинных районов Акки: жители Гочкъар-Мохк, Къоцой-Мохк и Шарой-Мохк. Анализ исторических событий в Терско-Сулакском междуречье убеждает нас в том, что всякое продвижение царской России на юг от Терека означало одновременно оттеснение и уничтожение аккинского населения.

Успешно завершив Северную войну, Петр I перешел к решению вопроса о присоединении Прикаспия и выхода к Ирану [2]. Готовя поход, Петр I провел кампанию по привлечению владельцев Северного Кавказа к России [3], а 15 июля 1722 г. был обнародован Манифест с призывом к спокойствию народов края и Азербайджана и о цели похода — наказать «возмутителей и буитовщиков» [4].

27 июля 1722 г. Петр I с основными силами высадился в Аграханском заливе. Шедшая из Астрахани сухим путем царская конница также вступила в северный Дагестан: к ним присоединились некоторые владельцы Северного Кавказа. Только андреевцы вместе с чеченцами не подчинились и оказали сопротивление, но были опрокинуты конницей. 2 августа кавалерия в 10 тыс. казаков и 5 тыс. калмыков Аюка-хана подошла к Аграханн. 5 августа армия Петра I подошла к Сулаку, куда на следующий день прибыли дагестанские владельцы с изъявлением покорности. 12 августа войска подошли к Таркам; 23 августа вступили в Дербент, а 29 августа 1722 г. было решено вернуться в Агрхан. Здесь, обследовав берега Сулака и приказав заложить крепость Святого Креста, Петр I отбыл в Астрахань [5].

Описав краткую хронологию и маршрут похода Петра I 1722—1723 гг., остановимся более подробно на некоторых интересующих нас моментах.

Иностранец Бель Джон, участвовавший в походе и находившийся при Петре I, сообщает следующие данные о событи-

---

[1] Равинский. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской Губерний. СПб., 1809. С. 410—411.

[2] История Дагестана. Т. I. С. 334; ИНСК. Т. I. С. 412.

[3] КРО. Т. 2. С. 20, 30, 31; РДО. С. 230—243.

[4] РДО. С. 244—246; Бель Джон. Путешествия чрез Россию в разные Азиатские земли. СПб., 1770. Ч. 3. С. 166.

[5] История Дагестана. Т. I. С. 346—348; ИНСК. Т. I. С. 413—414.

ях под селением Эндери: «Сего дня (28 августа. — А. А.) приехал Козак в стан с писмом от Бригадира Ветерани... в пути учинено на него нападение от великия стан нагорных жителей, подле укрепленной деревни Андреевой; что после упорного сражения, в коем с обоих сторон много людей было побито, он их разогнал и овладел деревнею» [1].

Несколько иначе описывает те же события дореволюционный исследователь П. Г. Бутков. По его сведениям, 1600 солдат и 400 казаков были направлены Петром I к Эндери. При подходе к селению, в ущелье на них нападают чеченцы и кумыки, однако подполковнику Наумову удается прорваться к селению и сжечь его. 2 августа подошли основные силы конницы Петра — 10 тыс. казаков Ветерани и ген.-майора Кропотова и 5 тыс. калмыков Аюки-хана, которые довершили разгром горцев [2].

В. С. Эсадзе говорит, что, по слухам, казаки потерпели поражение от чеченцев и для наказания «за это горские племена, Петр предложил калмыцкому хану Аюку вторгнуться за Терек со своими ордами. Ряд курганов поныне означает путь, по которому следовали полчища Аюка» [3]. По мнению Платона Зубова, в 1722 г. Эндери был «разорен российскими властями, а потом снова населен и укреплен чеченцами и сделался впоследствии местом торговли пленниками и самым недоступным убежищем чеченцев» [4]. И, наконец, возьмем высказывание Г. А. Ткачева о чеченцах, участвовавших в нападении на русскую конницу: «Что касается чеченцев, то одна ветвь их из Ичкерии или Ауха участвовала в известном нападении на Ветерани, почему при приходе к Терку 10 тысяч калмыков последние двинуты были в горы для жесткого наказания виновных» [5].

Если отбросить браваду царских донесений и восхваляющего описания действий царских войск дореволюционными авторами, можно понять и предположить, что вряд ли царские войска на первом этапе смогли одолеть отряды горцев: видимо, это сделали подоспевшие войска и орды Аюки-хана. В то же время разорению подверглось не только Эндери, но и другие селения, населенные аккинцами-ахьарчхоевцами: аккинцам было чего опасаться, т. к. они еще помнили карательные

---

[1] Бель Джон. Указ. соч. Ч. 3. С. 165.

[2] Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч. I. С. 22—23, 191.

[3] Эсадзе В. С. Боевые подвиги Кавказских войск. Тифлис, 1899. С. 3—4; Берже А. П. Чечня и чеченцы. Тифлис, 1859. С. 137.

[4] Зубов П. Указ. соч. Ч. 2. С. 160.

[5] Ткачев Г. А. Несколько слов о прошлой истории чеченцев//ЗТОЛИКС. № 9. Владикавказ, 1914. С. 73.

экспедиции, совершенные против них в 1718—1722 г. и, соответственно, «платили» карателям тем же.

Не успели войска Петра I дойти до Аграхана, как пришли эндреевцы с изъявлением покорности и подданства, включив, якобы, в число своих подданых и часть «чеченцев» [1]. Это тем более странно, что чеченцы сами, без какого-либо опекунства «в 1722 году Российскими подданными учинились» [2] и включение «чеченцев» в число эндереевских подданных выглядит явным преувеличением и не соответствует действительности.

В сентябре 1722 г. в 20 км от устья Сулака, где от основного русла отделяется приток Аграхаань, была заложена крепость Святого Креста, в просторечии называемая «Сулакской». К осени 1724 г. крепость была в основном завершена и туда, по оставлении Терского города, переселены жители слобод под Терками и самих Терков. Для охраны крепости сюда переводится 500 пеших и 500 конных терских казаков, а затем и 100 семей донских казаков. Казаки вблизи крепости образовали станицы — Каменку, Прорву и Кузьминку. Построение крепости Святого Креста давало России контроль над всем Северо-Восточным Кавказом [3].

Аккинская историческая хроника также передает сведения о знакомстве местного населения с Петром I и построении крепости Святого Креста. «Пришла к аккинцам весть, что на берегу моря высадился Пиера-паччахь (варианты: Пиета-паттахь, Пера-паччахь, Пир-паччахь, Петара-пахьажа, Петр-шах. — А. А.). К нему пошли Байкхий, Токхий и Калантуф (вариант: Бекхий, Товкхий и Гелитоп. — А. А.). Они спросили, кто он и что ему нужно. Он ответил: «Я — Пера-паччахь. Кто хозяин этой земли?» — Мы — аккинские представители и хозяева этой земли». Потом Пера-паччахь просил, чтобы Калантуф остался около него. Сделал его самым главным среди уаденей и чтобы он ознакомил его с местностью. Потом на выделенном участке он построил город Салкъ. Потом он (русские. — А. А.) там долго жил. Потом вернулись Байкхий и Токхий от Петара-паттахья в Акки с большими подарками» [4].

Т. о., как официальные источники, так и местная хроника фиксируют факт построения крепости. Представленные в хронике Байкхий и Токхий, вероятно, составляют собирательный образ пхьарчхоевских старшин или владельцев, хотя по запи-

---

[1] Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 23.

[2] Чулков М. Д. Указ. соч. Кн. 2. Т. 2. С. 478.

[3] КРО. Т. 2. С. 139, 253; РДО. С. 105, 114, 115; Бутков П. Г. Указ соч. Ч. I. С. 64, 77—78; Лысцов В. П. Указ. соч. С. 140, 153, 154; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 67; Заседателева Л. В. Терские казаки. М., 1974. С. 197.

[4] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. I об. — 2.

сям, представленным нам для использования краеведом И. Исмаловым (запись от 1 сентября 1968 г.), у легендарных Вайкхий и Токхий был в наше время реальный потомок — Висханов Мьада, в чьей родословной под номерами 9 и 10 значатся именно «Бекхий» и «Токхий». Оба они были известными людьми среди аккинцев-пхьарчхоевцев.

Характерно, что сведения о встрече аккинцев с Петром I и построении крепости «Салкъ» зафиксированы в исторических хрониках как аккинцев-пхьарчхоевцев, так и аккинцев-Началкъоевцев. В то же время большой интерес вызывает факт оставления третьего посетителя — Калантуфа (или «Гелитопа») — у Петра I: перед нами, фактически, предстает картина принятия подданства и выдачи аманата (Калантуфа), получение «подарков». По материалам, привлеченным исследователем Я. З. Ахмадовым, в 1726 г. в Святой Крест явились два уздена от трех чеченских князей, имеющих в своем владении 5000 человек, с прошением о подданстве; позднее князья сами явились в крепость и оставили аманата [1]. Вполне вероятно, что между сообщением аккинской хроники и материалом Я. З. Ахмадова существует какая-то общая связь.

Весьма примечательно, на наш взгляд, то, что в аккинской рукописи ни слова не говорится об эндиреевских жителях или (тем более) владельцах, а также и каком-то «заочном» включении чеченцев в число подданных князей Эндери. В целом же тема так называемого Персидского похода, при достаточно обстоятельной изученности, в свете новых материалов представляется не совсем исчерпанной.

Успехи русской армии на Кавказе в 1723 г. были закреплены Петербургским договором; в соответствии с Константинопольским дороговором 1724 г. произошли изменения — Россия сохранила за собой лишь прикаспийские области Дагестана и Азербайджана, а вся остальная часть Дагестана и Закавказье отходили к Турции.

Население Эндери, разоренное в 1722 г., бежало в другие селения. В августе 1723 г. бывший владелец из Эндери «Айдемир Хамзин-сын» просил Петра I разрешить ему поселиться в Эндери, а если это невозможно, определить ему другое место, т. к. люди его «все разорены и с голоду разбрелись» [2]. Из данного сообщения, по глубокому нашему убеждению, не вызывает никакого сомнения тот факт, что не только жители селения Эндери (кумыкской части селения), но и сами эндиреев-

---

[1] Ахмадов Я. З. Политические взаимоотношения Чечено-Ингушетии с Россией в первой половине XVIII века//ВНЧИРНК. С. 61.

[2] Рук. фонд. ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 454. Л. 295—296.

ские владельцы находились в плачевном состоянии: они, по существу, стали скитальцами и только определенные обстоятельства (помощь беженцам-кумыкам со стороны аккинцев [1], а также помощь кумыкским владельцам со стороны царского правительства) могли привести к нормальной жизни беженцев.

По данным полевых исследований, население Эндери бежало в аккинские селения Ширча-Юрт, Пхьарчхошка, Шовдне, Моха-Берде (Аксай), Шебарлой-Эвла (Костек) и др. С проживанием на левом берегу Терека и с основанием крепости Святого Креста связывают аккинские старожилы и возникновение соседнего с Шебарлой-Эвл хутора «Костийн-Отар». Именно в этот хутор бежала часть кумыкского населения после сожжения Эндери; от объединения двух населенных пунктов — Шебарлой-Эвла и Костийн-Отар — образовалось селение Костек [2].

Если после восстановления Эндери кумыкские беженцы из аккинских Ширча-Юрта, Пхьарчхошка и Шовдне вернулись обратно, то поселившиеся в Моха-Берде, Шебарло-Эвл и Костийн-Отаре, Бата-Юрте и Бамат-Юрте, остались. Через некоторое время в селения, где совместно стали проживать с аккинцами и кумыки (в основном в Аксай и Костек), стали селиться кумыкские владельцы из Эндери, заявляя при этом, что кумыки — их подданные [3].

Построение крепости Святого Креста не устраивало тарковского шамхала Адиль-Гирея, тем более, что ему не удалось добиться и другой цели: подчинить себе соседних владельцев, а сыну Каспулату — окочан и черкесов Терского города. В подчинении аккинцев-окочан и черкесов Терского города ему было отказано дважды под предлогом их давней подданности и управлении астраханскими губернаторами [4]. Разозленный неудачей и перед угрозой от крепости Святого Креста, Адиль-Гирей в начале 1725 г. напал на крепость, но был отбит, а впоследствии, в надежде, на прощение, пришел в крепость, где был арестован, сослан и умер в Архангельской губернии [5].

В 1732 и 1735 годах были заключены соответственно Рештский Гянджинский договоры, согласно которым граница России определялась по Тереку, на левый берег которого предпи-

[1] Фактически, это и случилось при помощи царизма. — См. стр. 115 — 116.

[2] См. стр. 13—14 настоящей работы.

[3] Постепенно, как будет видно ниже, кумыкские князья сумели войти в доверие к царской администрации и предоставить себя правителями почти всего Северо-Восточного Кавказа от Дербента вплоть до Ингушетии. ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. Д. 454. Л. 124, 174, 207.

[4] ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 6164. Ч. 6. Л. 34—34 об.; Рук. Фонд ИИЯЛ

[5] КРО. Т. 2. С. 37—40; РДО. С. 281, 282; и др.

сывалось вывести русские войска. Крепость Святого Креста была снесена, а все население и гарнизон переведены в только что построенную крепость Кизляр [1].

Отходом российских войск попыталась воспользоваться Турция, объявившая себя покровительницей Северо-Восточного Кавказа («Дагестана») и направившая в 1735 г. сюда войска Крыма под командой Каплан-Гирея, однако они из-за вторжения русских войск в Крым и начала русско-турецкой войны 1736—1739 гг. вынуждены были вернуться обратно [2].

Неспокойно было и на восточном фланге Северного Кавказа, т. к. Азербайджан и Дагестан в 30-40-х гг. оказались объектами политико-территориальных притязаний иранских шахов. Усиление мощи Ирана при правлении шаха Надира (Тахмас-хан, Тахмас-Кули-хан) было также одной из причин отхода России за Терек. В течение 30-х — середины 40-х гг. XVIII в. Надир-шах предпринял несколько вторжений в Азербайджан и Дагестан, но в итоге тяжелой и кровопролитной борьбы дагестанцев и северокавказских народов «покоритель Вселенной» вынужден был отступить от Кавказа [3].

События этого периода также отражены в исторической хронике аккинцев. Так, в ней отражен факт построения Кизляра, противостояния России и Ирана, а также отхода России за Терек и установления границы: «Шло время. Потом появился Кизляр. После этого появился Таймасхан-шах. Он воевал с христианами. Ушел христианский падишах за Эдал [4]. Потом установили границу между ними камнями» [5].

Нестабильным было и внутреннее положение северокавказских обществ. С начала 30-х годов XVIII столетия на Северном Кавказе вновь начинаются волнения антифеодальной и антиколониальной направленности, к которым относится и движение вайнахских и дагестанских обществ 1732 г.

В 1732 г. население земель, находящихся между селениями Эндери и Чечен (наиболее вероятно и правдоподобно, что речь идет не о двух селениях, а о землях между ними [6]) в очередной раз стало выражать недовольство действиями царской администрации и местных владельцев, при помощи царских отрядов, пытающихся распространить свою власть над местным населением. Убедившись, что волнения охватили большую территорию, комендант крепости Святого Креста граф Дуглас

---

[1] История Дагестана. Т. I. С. 356— 357; ИНСК. Т. I. С 418, 426.
[2] ИНСК. Т. I. С. 428—429; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 62—63.
[3] Там же. Т. I. Гл. XV. § 3; История Дагестана. Т. I. Гл. XI.
[4] Волга — вероятно, ошибка переписчика: подразумевался Терек.
[5] «Рукопись Ибрагимова-Магомедова». Л. 3.
[6] Ахмадов Ш. Б. К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII в.// ВМКСДДЧИ. С. 77.

4 июля 1732 г. во главе отряда в 1200 солдат и 500 казаков подошел к селению Эндери. Здесь он получил ложное донесение о том, что восставшие в районе «деревни Чечень» уже разошлись. Поверив этому, Дуглас ограничился посылкой к «Чечени» для наказания полковника Коха с 300 солдатами и 200 казаками; сам же Дуглас остался у сел. Эндери.

7 июля отряд Коха подошел к центру восставших, однако никого здесь не обнаружил. Приказав сжечь селение, Кох начал отступление, но попал в окружение восставших; в сражении погибло две трети отряда Коха [1].

Без сомнения, борьба аккинцев за свои земли, развернувшаяся с начала XVIII в., обусловила и участие их в восстании 1732 г. В то же время событие, последовавшее за восстанием, позволяет говорить об активном участии в его подавлении (военном участии и доставкой сведений) части местных владельцев. На эту мысль наталкивает нас факт поощрения отдельных владельцев за верную службу России. Так, указом от 6 ноября 1733 г. братья Айдемир-Бек и Алиш-Бек Хамзины были награждены «денежным жалованьем» в 300 и 100 рублей соответственно; указом же от 7 ноября 1733 г. известный нам выше Алиш-Бек Хамзин (один из беженцев-скитальцев из Эндери [2]) был назначен «командиром в деревню Костек». Указом от 30 сентября 1735 г. владелец из Аксая «Али-Бек Салтан-Маамутов» был гарантирован в безопасности и защите со стороны России от «обид, озлоблений, разорений, буде от него, Али-Бека, и от подвластных его какого подозрения не будет (подчеркнуто нами. — А. А.)». Все эти документы были представлены в 1869 году в «Комиссию по определению сословных прав туземного населения Терской и Кубанской области» [3].

Из приведенных сообщений можно наглядно представить, как в целом происходил процесс установления правления владельцев над местными обществами и каким образом появлялись кумыкские владельцы в селениях, где совместно проживали аккинцы и кумыки, в частности в селениях Костек и Аксай.

Т. к. никаких известий о подавлении восстания 1732 г. нет, можно предположить, что волнения продолжались и после этого, потому и сообщалось владельцу из Аксая, что его будет поддерживать царская администрация, «буде от него, Али-Бека, и от подвластных его какого подозрения не будет».

---

[1] Зиссерман А. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726—1880 гг.). Т. I. СПб., 1881. С. 27—28; Потто В. А. Указ. соч. Т. I. СПб., 1885. С. 45.

[2] См. стр. 113 настоящей работы.

[3] Рук. фонд. ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп. I. Д. 169. Л. 38, 39; ФОД. С. 82.

В течение 40—50-х гг. XVIII в. Россия продолжала политику привлечения горских владельцев в свое подданство. В числе принятых под «царскую руку» были как вайнахские, так и дагестанские владельцы и отдельные общества [1], часть которых подтверждала свое подданство.

Царское правительство продолжало одновременно закреплять права отельных владельцев на земли и население. Указом императрицы Елизаветы Петровны от 21 декабря 1743 г. в ответ на просьбу владельца из Аксая Али-Бека, подтверждалось его правление над «аксайскими кумыками» (подчеркнуто нами. — А. А.) [2]. Алиш-Бек Хамзин, ранее получивший в свое правление сел. Костек и продолжавший нести верную службу, бывший «верным, добрым и послушным подданным... и везде, и всегда...», Высочайшей грамотой от 17 марта 1733 г. получил чин Костековского воеводы [3]. В течение 1747—1749 гг. чеченским владельцам Асланбеку Айдемирову, Али-Веку и Али-Султану Казбулатовым, Турлову и уденям было установлено постоянное годовое жалованье [4]. Естественно, поддержка царизмом претензий местных владельцев означала усиление процесса угнетения и подчинения местного населения.

В 50-х гг. обостряется внешне- и внутриполитическая обстановка на Северном Кавказе. Пользуясь ослаблением Ирана, переживавшего период кровавых междоусобиц и безвластия, Турция разрабатывает планы захвата иранских владений на Кавказе и земель Северного Кавказа, в том числе и земель Терско-Сулакского междуречья, которые считались принадлежащими России [5]. Во второй половине названного десятилетия в Кабарде происходит борьба различных феодальных группировок, вмешательство в которую со стороны России и Турции только осложнило ситуацию [6].

В этой обстановке в Чечне начинается выступление против царской администрации и местных и пришлых владельцев [7]. Горские владельцы, неспособные самостоятельно справиться с восстанием, обратились за помощью к России, с просьбой «ко-

---

[1] ЦГВИА. Ф. 482. Оп. I. Д. I. Л. 74; Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 257, 258 и др.; Гаджиев В. Г. Вхождение Дагестана в состав России// Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI — начале XX в. Махачкала, 1958. С. 31—32.

[2] Рук. фонд ИИЯЛ ДАГ ФАН СССР. Ф. I. Оп I. Д. 169. Л. 39.

[3] Там же. Л. 40.

[4] ЦГВИА. Ф. 482. Оп. I. Д. I. Л. 74.

[5] Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. М., 1955. С. 47.

[6] КРО. Т. 2. С. 198—199, 200—201; Смирнов Н. А. Указ. соч. С. 81—82.

[7] Ахмадов Я. З. О характере движения в Чечне в 1757—1758 гг.// СОКВЧИДИ. Грозный, 1979. С. 95—101.

мандировать» войска на подавление восставших [1]. Царское правительство, понимавшее, что ослабление власти местных феодалов напрямую угрожает позициям России в регионе, после долгих обсуждений решает послать регулярные войска против восставших; в их состав вошли также и верные царизму калмыцкие, кабардинские, кумыкские и частью вайнахские владельцы со своими отрядами [2].

В ответ на обращение чеченцев из обществ Северо-Восточного Кавказа прибыли «шалинцы», «мичкисцы», «из Аксайской и Исы-су деревень», «из деревень Аух», аварцы, андийцы, кумыки и др. [3].

Народы Северо-Восточного Кавказа, принявшие участие в восстании 1757—1758 гг. понимали, что власть местных владельцев держится только на штыках царских войск, поэтому писали царской администрации: «так поступим — вся Дагестания на тебя, как на Тамасхана было поступлено, при чем будут драться и беспокоить вас для того, что вы зачинатели ссоре» [4].

После сговора чеченского князя Асланбека (Расланбека) Айдемирова с генерал-майором Фрауендорфом, пришлым отрядам было объявлено о мире, и они были распущены. Спасло восставших, как подчеркивает исследователь Я. З. Ахмадов, лишь то, что не все повстанцы успели разойтись. 22 апреля царские войска атаковали оборонительные укрепления в ущелье Хан-Кала, после чего стали разорять и сжигать селения на Чеченской равнине. Узнав об этом, повстанцы из Чечни и Дагестана вновь собрались к маю в количестве 3060 воинов, но на этот раз социальные верхи сумели перехватить инициативу и договориться с Фрауендорфом. Конфликт был улажен миром, а повстанцы, потеряв в мелких стычках некоторых активных вожаков, разошлись. Несмотря на окончание конфликта, царизм не чувствовал спокойствия, как, впрочем, и местные владельцы: горцы в «покорение не пришли» [5].

П. Г. Бутков отмечал, что «чеченцы вышли из повиновения своим владельцам и совсем оказались противными российской стороне», а жители селений Чечень и Исти-су изгнали своих владельцев; царизм, приняв карательные меры, заставил горцев снова принять своих и пришлых феодалов [6].

---

[1] ЦГВИА. Ф. 20. Оп 1/47. Д. 555. Л. 44 об.

[2] Головчанский С. Ф. Первая военная экспедиция против чеченцев в 1758 г.//ЗТОЛКС. № 11. Владикавказ, 1914. С. 87; Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 97.

[3] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 97—98.

[4] Ахмадов Я. З. Указ. соч. С. 98.

[5] Там же. С. 98—99.

[6] Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. I. С. 259; Ч 2. С. 109; 111; Мамакаев М. Указ. соч. С. 56—57.

Царское правительство высоко оценило участие северокавказских владельцев в походе против восставших в 1757—1758 гг. В качестве поощрения, например, Указом Государственной коллегии иностранных дел за № 540 от 13 сентября 1759 г. известный нам владелец из Костека Алиша Хамзин получил очередное повышение: «за.. оказываемую... верность и дабы его и впредь при сем похвальном намерении содержать» он был удостоен 500 рублей и звания Кумыкского всеводы [1]. Точно так же, видимо, были поощрены и другие северокавказские владельцы.

В 60—70-е гг. XVIII в. правительство Екатерины II, заинтересованное в укреплении южных границ Российского государства и решении проблемы выхода к Черному морю, а также хорошо понимая, какие выгоды сулит обладание Кавказом, стремилось с помощью ряда мероприятий укрепить здесь свои позиции. Усиливалась Кавказская линия, начало которой было положено еще в 1711—1712 гг., отделявшая Кавказскую область от соседних горских народов системой многочисленных крепостей, редутов и казачьих станиц; одновременно укреплялся город Кизляр и возводились на Тереке новые укрепления, а в 1763 г. была заложена крепость Моздок [2].

В то же время, продолжая традиционную политику в отношении северокавказских народов и края в целом, которые приобретали все большее значение в политике России по отношению к Турции и Ирану, царское правительство изыскивало все новые пути для упрочения своего влияния на Кавказе [3]. Оно не только расширяло торгово-экономические отношения с горцами, но и продолжало традиционную политику «приманивания» и «ласкания» отдельных владельцев Северкого Кавказа, которая выражалась, как справедливо замечают исследователи, «в покровительстве по отношению к наиболее влиятельным представителям феодальной знати, с которыми выгодно было поддерживать добрососедские отношения» [4].

Дореволюционный историк П. Г. Бутков, при всей своей классовой ограниченности, вынужден был признать, что правительство стремилось привлечь к себе местных владельцев, употребляя «всевозможные средства» [5]. В число «всевозмож-

---

[1] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Д. 3401. Л. 42; ФОД. С. 83.

[2] Зубов П. Указ. соч. Ч. 2. С. 107; История Дагестана. Т. I. С. 390—391; ИНСК. Т. I. С. 374—375.

[3] Маркова О. П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1960. С. 126.

[4] Аполлова Н. Г. К вопросу о политике абсолютизма в национальных окраинах России в XVIII в.//Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). М., 1964. С. 384; Феодаева Ф. З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60—70-х гг. XVIII в.//ВИЭД. Вып. I. С. 139.

[5] Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 286—287.

ных средств» входили не только т. н. «мирные», типа пожалования чинов, званий, наград и денежных пожалований, но и средства, более привычные для царской политики: карательные экспедиции, выделение в качестве военной помощи местным владельцам для подавления сопротивления и установления власти над местными обществами так называемых «караулов».

Все это всецело относится к народам Северо-Восточного Кавказа. С начала XVIII столетия и особенно с середины и во второй его половине царское правительство придерживалось именно политики подчинения местных обществ отдельным владельческим фамилиям Дагестана и Чечни. Во второй половине XVIII столетия так называемые «Эндиреевское», «Аксаевское», «Костековское» владения, а также Тарковское шамхальство в планах России считались подданными царской короны. Они получали жалованье и чины от России, их владетельные князья утверждались царским правительством на владение; в распоряжение дагестанских владельцев передавались довольно крупные русские военные отряды, с помощью которых князья подавляли любые выступления местных народов и которые в официальных русских документах назывались относительно безобидно «караулами» [1].

Исходя из сказанного, следует, по нашему мнению, говорить не о подчинении северокавказских обществ, в частности вайнахских, местным и соседним феодалам, а о подчинении их силе царского оружия. Видимо, отнюдь не случайно, что после окончания Кавказской войны XIX века в ответ на притязания кумыкских феодалов на земли аккинцев (и, вообще, все земли Терско-Сулакского междуречья) царское правительство, зная истинную цену подчиненности местных обществ, отметило, что права князей «приобретены были оружием (царским. — А. А.) и точно таким же образом утеряны» [2]. Действительно, полностью перейдя на правый берег Терека и закрепившись в предгорных и равнинных районах Северного Кавказа, царское правительство (в XIX в.) уже не нуждалось в пособничестве местных владельцев и, будучи в силах уже самостоятельно управлять краем, могло позволить себе указать на истинные причины и приемы своей политики и истории утверждения на Северном Кавказе.

Относительно 60—80-х годов XVIII в., предшествовавших началу первого массового антиколониального и антифеодального движения на Северном Кавказе — движению горцев под

[1] ЦГА ДАССР. Ф. Кизлярский комендант. Оп 1. Д. 2022. Л. 9; Д. 4078. Ч. 2. Л. 3.

[2] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20—50-х годах XIX в.: Сб. документов. Махачкала, 1959. С. 668—669.

предводительством шейха Мансура (Ушурмы) — в настоящее время имеется некоторое количество полевого материала, собранного И. Исмаиловым и автором в течение 60—80-х гг. XX столетия. Он позволяет высказаться как по вопросу об Акки в указанные десятилетия, так и о территориальных изменениях в Акки.

С начала XVIII в. в результате действий царского самодержавия и дагестанских владельцев территория Акки начала сокращаться. Под влиянием военных экспедиций 1718, 1721—1722 гг., а также известных политических процессов 30—50-х годов, наиболее пострадали жители равнинных районов как Гlачалкъа-Аьккха, так и Ширча-Аьккха (Пхьарчхошка-Аьккха).

Так, в частности, именно к периоду, предшествовавшему движению Ушурмы, относят старожилы почти полное уничтожение равнинных поселений Гlачалкъа-Аьккха и сосредоточение их в предгорьях и ближе к р. Аксай. Это относится в основном к обществам Гlочкъар и Къоцой, непосредственно примыкавшим к правому берегу Терека. В первые десятилетия XVIII в. население двух названных обществ было согнано со своих земель в предгорья, а в течение 50—80-х гг., включая и тяжелые последствия разгрома движения 1785—1791 гг. на Северном Кавказе, они вынуждены были перебраться на левый берег Аксая, на земли Ширча-Аьккха. Общество Гlочкъар, сильно поредевшее под прямыми ударами царских войск, обосновалось в районе современного города Хасавюрт, а в ходе Кавказской войны XIX в. было почти полностью истреблено карательными экспедициями царизма.

Большой интерес в связи с переходом представителей аккинских обществ из Гlачалкъа-Аьккха на земли Пхьарчхошка-Аьккха вызывает работа современного исследователя Н. Г. Волковой [1], проведенная среди северокавказских народов, в том числе и аккинцев, в 70-е гг. Аккинские старожилы свидетельствуют, что по мере того, как аккинцы-гlачалкъоевцы вынуждены были переходить на правый берег Аксая, пожидая междуречье Сунжи и Аксая, на оставляемые земли переселялись представители других вайнахских обществ и тайпов, в частности, представители ичкеринцев. Эти данные вполне согласуются с материалами Н. Г. Волковой, приведенными ею в связи с историей расселения аккинцев и качкалыковцев [2]. Не случайно при этом, что Н. Г. Волкова фиксирует совместное проживание в XVIII — начале XIX в. в поселениях между Сун-

[1] Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XIX века. М, 1974.

[2] Там же. С. 143, 167—169, 170, 178—180.

жей и Аксаем представителей аккинских, ичкеринских и других вайнахских фамилий [1]. Здесь же отметим, что именно среди представителей общества Гlачалкъа-Аьккха фиксируется наибольшее количество представителей общевайнахских, в частности, ичкеринских, фамилий, влившихся в состав аккинцев приблизительно 200—250 лет назад, как о том свидетельствуют сами представители этих фамилий.

В целом же отметим, что вопрос этот почти не разработан до настоящего времени и очень привлекателен для исследователей истории края.

Не легче сложилась и судьба пхьарчхоевских обществ Шарой, Шебарлой, и Чонтой, проживавших в указанный период в нижнем течении Терско-Сулакского междуречья.

Общества Шебарлой и Чонтой подвергались, как свидетельствует полевой материал и относительно немногочисленные документальные источники, давлению со стороны дагестанских феодалов с конца — XVII — начала XVIII вв. Наиболее ощутимое давление на них было оказано со второй четверти XVIII в., с основания крепости Святого Креста; на землях этих обществ была основана не только сама крепость, но и казачьи укрепления и станицы. Соседство крепости, а также постепенное возвышение дагестанских владельцев, поддерживаемых силой царского оружия, обоснование в Костеке феодалов во главе с Алипшем Хамзиным и его потомками означало, что большая часть местного населения вытеснялась со своих земель либо уничтожалась. Поэтому и не удивительно, что именно эти общества, как и общества гlачалкъоевцев, были первыми, кто поднялся с оружием в руках против царского самодержавия и местных владельцев в середине — второй половине XVIII столетия.

Трагична судьба общества Шарой — самого дальнего от предгорий Акки. Многое о нем неизвестно. В течение XVIII в., а частично и в XIX в. оно было почти полностью уничтожено; остатки представителей шароевцев ассимилировались среди аккинских тайпов и части кумыкского населения современного Бабаюртовского района Дагестана. Остается надеяться, что продолжение полевых и архивных разысканий позволит накопить и использовать новые сведения как об этом обществе, так и о других группах Акки.

В предгорных районах между Сулаком и Акташем также шла напряженная борьба между аккинцами-пхьарчхоевцами и кумыкскими владельцами, результатом чего стало оттеснение аккинцев к правому берегу р. Акташ приблизительно к середине XVIII в., хотя по данным полевых исследований извест-

---

[1] Волкова Н. Г. Указ. соч. С. 168, 183.

но, что еще и в 80-х годах XIX столетия юго-восточнее селения Эндери продолжало существовать населенное аккинцами селение Шовдие.

Со второй половины XVIII в. борьба аккинцев за сохранение своих земель в равнинных районах Терско-Сулакского междуречья обостряется. Выше мы приводили данные полевых исследований о вооруженной борьбе аккинских обществ против дагестанских феодалов и царской администрации в 60—80-х гг. XVIII в.[1], поэтому добавим к изложенному лишь несколько штрихов, характеризующих отдельные периоды борьбы и их лидеров.

Общества Почкъар и Кьоцой возглавлялись в этот период Абу-Тагиром (Абу-ТIахIир). Из главарей — военных предводителей обществ Шебарлой и Чонтой — известен один из последних — Абду-Разак (Iабдраьзкъа). Вероятно, из-за ожесточенности борьбы именно в равнинных районах Акки и сохранились в исторической памяти аккинцев эти имена. Примечательно при этом, что старожилы всегда подчеркивают один существенный момент: и Абу-Тагир и Абду-Разак являлись не религиозными, а светскими лидерами аккинских обществ. В числе же известных религиозных лидеров аккинцев в середине — второй половине XVIII в. называются три человека. Индарча, Балий-шейх и шейх Мансур.

Индарча менее других известен аккинцам и характеризуется ими как пассивный лидер, предпочитавший не вмешиваться в духовную жизнь аккинских обществ, а также в отношения Акки с Россией и дагестанскими владельцами. В качестве лидера Индарча, по данным полевых исследований, находился сравнительно короткое время.

Более известны аккинцам Балий-шейх и шейх-Мансур. По свидетельству аккинских старожилов, оба они придерживались прямо противоположных взглядов на политические события в Акки и вокруг него.

Балий-шейх являлся сторонником отказа от вооруженной борьбы, заявляя о бесполезности ее, т. к. «христианское государство», по его мнению, все равно установит свой диктат, а аккинцы будут гибнуть зря. Отказавшись от вооруженной борьбы, аккинцам следовало бы, по высказываниям упомянутого религиозного лидера, стараться сохранить себя, как этнос, не раствориться среди наступающего христианства. Балий-шейх предостерегал аккинцев от начала войны против христиан, предсказывая большие несчастья. В то же время имя Балий-шейха в исторической памяти аккинцев ассоциируется с легендами о способности к предсказаниям (в их числе и о будущем

[1] См. стр. 65.

Акки и аккинцев), а также с созданием философских трудов и книг по астрологии, которые, если верить полевому материалу, сохранялись в нескольких библиотеках вплоть до окончания Кавказской войны XIX в., а впоследствии долго хранились у отдельных последователей Балий-шейха до 1944 г.

Противоположного мнения по вопросу о политической жизни Акки и Северо-Восточного Кавказа, держался шейх-Мансур или известный Ушурма. Упоминание имени Ушурмы не должно вызывать недоумения у исследователей, т. к. по твердому убеждению аккинцев-старожилов он был выходцем из Пачалкъэ-Аьккха (хотя, справедливости ради отметим, что конкретных доказательств тому не обнаружено). Ушурма являлся ярым сторонником антироссийской ориентации и ратовал за создание единого мусульманского государства «времен Абу Муслима» в составе Дагестана, Акки, Чечни и Ингушетии. Подавляющее большинство населения Акки приняло сторону шейха Мансура. Спор двух религиозных лидеров Акки закончился смертью Балий-шейха, которая последовала приблизительно в самом начале 80-х годов XVIII века.

Таким образом, весь ход исторического и политического развития Акки в XVIII в. характеризовался в первую очередь борьбой аккинцев за сохранение целостности своих земель от притязаний соседних феодалов, поддерживаемых царским самодержавием и борьбой за выживание аккинцев как этноса. И здесь мы полностью солидаризуемся с высказыванием исследователя Т. А. Исаевой, касающемся плоскостных земель вайнахских обществ: «Если бы эти земли не были постоянным местом жительства чеченцев и ингушей, они не боролись бы из-за них с более могучей царской державой на протяжении двух веков — XVIII и XIX» [1].

Борьба жителей Терско-Сулакского междуречья как против царской государственной машины, так и против местных феодалов, начатая еще в конце XVII — первой половине XVIII в., продолжалась в Акки вплоть до начала антифеодального и антиколониального движения горцев Северного Кавказа под предводительством шейха — Мансура (Ушурмы). И отнюдь не случайно, когда в конце XVIII в. в Чечне началось это движение, одними из первых его поддержали именно аккинцы [2].

---

[1] Исаева Т. А. К вопросу о занятиях населения Чечено-Ингушетии в XVII в. С. 25.

[2] Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX веках. М., 1958. Гл. VI; Ахмадов Я. З. Вайнахи в кумыкских княжествах//Изв. Чечено-Ингушского краеведческого музея. Вып XI. Грозный, 1975. С 64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, данные об этническом составе аккинцев, а также анализ разнообразных источников и литературы, позволяют высказать предположение о расселении части вайнахских племен к началу нашей эры в равнинных и предгорных районах Терско-Сулакского междуречья.

С начала н. э. аккинцы вступают в хозяйственные, политические и культурные контакты с кочевыми племенами, проникшими и частично осевшими в междуречье. Предположительно в середине I тыс. н. э. аккинцы получают свое второе этническое название — ауховцы.

По имеющимся материалам можно говорить об участии аккинцев в жизнедеятельности Хазарского каганата и арабо-хазарских войнах. К XIII веку они широко расселяются в Терско-Сулакском междуречье, создавая поселения и налаживая хозяйственную жизнь.

Татаро-монгольское нашествие (XIII—XIV вв.) тяжелым ударом обрушивается на северокавказские племена. Аккинцы, как и другие общества края, ведут тяжелую, самоотверженную борьбу против войск Золотой Орды. К началу похода Тимура на Северный Кавказ аккинцы совместно с соседними племенами изгоняют, согласно местной исторической хронике, отряды золотоордынцев из Акки. Тимур огнем и мечом проходит по большинству обществ Северного Кавказа; документы о набеге войск Тимура на аккинские земли дают противоречивые сведения, однако некоторые данные позволяют говорить о сопротивлении, оказанном его войскам местным населением.

В течение XV—XVI вв. аккинцы восстанавливают свои поселения и создают новые, налаживают связи с соседними обществами и хозяйственную жизнь в междуречье. Ко времени выхода России на левый берег Терека аккинцы, объединяемые общим самоназванием «аьккхи», подразделяются на 2 общества: пхьарчхой и гIачалкъой. Соответственно, территория, населяемая аккинцами и называемая «Аьккка»

(Акки), состоит из двух крупных этно-территориальных и политических объединений: Пачалкъа-Аьккха (или просто Аьккха), располагавшаяся в основном на землях между Сунжей Тереком и Аксаем; Ширча-Аьккха (или Пхьарчхошка-Аьккха), имеющая своими границами Аксай — Терек — Сулак. Внутри этих объединений к XVI—XVII вв. складываются одно- и многотайповые этнические группы (общества в узком смысле слова), как, например, Гочкъар, Къоцой, Шарой, Чонтой.

С середины XVI в. начинается резкий подъем хозяйственного и социально-политического развития аккинцев: успешно развиваются земледелие и скотоводство, другие виды хозяйства, ремесла и торговля; укрепляются этно-территориальные и политические единицы на территории Акки (Ширча-Аьккха и Пачалкъа-Аьккха); рост имущественной дифференциации, являющийся прямым следствием повышения уровня производительных сил общества, приводит к расслоению населения Акки на два лагеря, представленных зажиточными владельцами и крестьянами-общинниками.

К середине XVI в. к границам Терека выходит молодое Русское государство, с которым налаживают хозяйственные и политико-дипломатические связи общества Северного Кавказа, в число которых входит и аккинское общество, представленное в лице сильного политического образования во главе с Ушаромом, Шихом, Батаем, Маадием.

В последней трети XVI — начале XVII в. последовательно Ушаром, Ших Окоцкий (Ушаромов) и Батай Шихмурзин, представлявшие феодальную прослойку в Акки, вместе со своими соплеменниками развивают бурную деятельность на Северном Кавказе: войдя в союзнические отношения с Россией и опираясь на разветвленные и длительные контакты со многими горскими обществами, они развивают военно-политические, хозяйственные и дипломатические отношения с народами Северного Кавказа, Закавказья, русскими поселенцами на Тереке и терской администрацией.

В XVI—XVII вв. на Кавказ в своих внешнеполитических устремлениях выходят такие крупные восточные державы, как Иран и Турция. Сосредоточение интересов трех держав на Кавказе втягивает северокавказские политические образования в орбиту международных отношений. Различие политической ориентации местных феодальных владений обусловливает и борьбу между ними, в результате которой аккинцы теряют наиболее авторитетного предводителя — Шиха Окоцкого (Ушаромова).

С начала XVII столетия внутри аккинских обществ обостряется социальная борьба между социальными верхами и свободными членами общества. В результате аккинцы освобожда-

ются от власти собственных феодальных владетелей, и управление обществами (во второй пол. XVII в.) переходит в руки зажиточных уздеией и избранных старшин.

Во второй половине XVII в. аккинское общество Ширча-Аккиа становится объектом территориальных притязаний со стороны дагестанской знати, которая через некоторое время после убийства части своих верхов /«Элий баввийна»/ вновь пытаются претендовать на часть земель аккинского общества.

Аккинцы, расширяют объем торговых сделок с соседними обществами, Россией (Терки, Астрахань). Одновременно с сохранением натурального хозяйства и меновой торговли аккинцы втягиваются через посредство Терского города и Астрахани в товарно-денежные отношения. Наряду с традиционным и высокоразвитым земледелием и скотоводством, здесь получают дальнейшее развитие производство изделий из металла и дерева, сбор и продажа марены и хлопка и т. д. В Терско-Сулакском междуречье активно осуществляется торговля на крупных торговых магистралях, проходящих по землям Акки, в том числе на наиболее известных — Северокавказском и пути из Терков в Закавказье, связывающих северокавказские общества с Россией, Крымом, Закавказьем и Востоком.

Возрастание экономического, политического и стратегического значения Кавказа в планах великих держав в конце XVII—XVIII вв. приводит ко все большему втягиванию северокавказских народов в сферу их взаимовлияния и взаимодействия; одновременно это приводит к усилению и обострению внутриполитической обстановки в местных владениях и обществах.

Начало XVIII столетия в жизни народов Северного Кавказа знаменуется новой расстановкой сил великих держав в крае и изменениями в их политике по отношению к горским народам. Кавказ становится объектом столкновения интересов России и Турции. Северокавказские владения и общества, возглавляемые своими верхами, становятся, по существу, субъектами международных отношений, занимая нередко собственную позицию в кавказских событиях и политической обстановке. Верные своей классовой природе, великие державы проводят политику по отношению к горским народам избирательно, опираясь и оказывая поддержку экономического и военного характера наиболее влиятельным на данный момент владельцам, которые стремятся использовать в своих интересах силу и поддержку этих держав.

В первой трети XVIII в. присутствие России на Северном Кавказе усиливается; широкий характер приобретают экономические и военно-политические связи России с северокавказскими владениями. Нарастает и социальная напряженность

внутри северокавказских владений и обществ. Одновременно усиливается движение местного населения против своих и соседних владельцев. Отдельные общества Северного Кавказа совместно с русским населением на Тереке участвуют в борьбе против царской администрации и оказывают сопротивление попыткам феодальных владельцев подчинить местное население своему влиянию. Наиболее активное участие в этой борьбе принимает население аккинских обществ Гlачалкъа-Аьккха и Ширча-Аьккха.

Царское правительство проводит политику покровительства наиболее влиятельной части феодальной знати края, подчинения их власти населения горских обществ. С этой целью царизм организует военные экспедиции на земли Акки (1718, 1721—1722 гг.), подавляет при помощи местных феодалов всякие проявления недовольства действиями местных феодалов и царской администрации (1732, 1757—1758 гг.), изгоняя население со своих земель, подчиняя их преданным царизму местным владельцам.

Территория аккинцев начинает уменьшаться: пхьарчхоевцы вытесняются из междуречья Сулака и Акташа (предгорья); гlачалкъоевцы, притесняемые царскими войсками, вынуждены покинуть земли по правому берегу Терека и Сунжи и сосредоточиться ближе к северным отрогам Качкалыковского хребта и левому берегу Аксая.

Во второй половине XVIII в. борьба аккинцев, чеченцев, кумыков из отдельных форм сопротивления местной знати и царской администрации на Кавказе начинает перерастать в широкое антифеодальное и антиколониальное движение: местными обществами аккинцев создаются боевые отряды, совершающие нападения на горских владельцев и их владения, а также на царские укрепления и крепости. Вершиной антифеодальной и антиколониальной борьбы горских народов в конце XVIII в. явилось народное движение 1785—1791 гг., в которое одними из первых включились аккинские общества.

Т. о., исследование нашей темы показывает сложную картину развития социально-экономических и политических отношений в Терско-Сулакском междуречье в XVI—XVIII веках. Учет и анализ обстоятельств, из которых складывались исторические судьбы вайнахских народов, в частности аккинцев, позволил нам дать некоторые предварительные оценки — не бесспорные и требующие дальнейшего исследования и раскрытия.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

ГЛАВА 1
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. Краткий обзор истории аккинцев до XVI века 9
§ 2. Территория и население 11
§ 3. Земледелие и скотоводство 18
§ 4. Хозяйственные занятия аккинцев 27
§ 5. Ремесло 33
§ 6. Развитие торговых отношений в Акки 40

ГЛАВА 2
СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. О формах землевладения в Акки в XVI—XVIII веках . 47
§ 2. Об уровне развития социальных отношений в Акки в свете социальной терминологии источников XVI—XVIII веков . . 50
§ 3. Социальная борьба в Акки в XVI—XVIII веках . . . 58

ГЛАВА 3
ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В АККИ В XVI—XVIII ВЕКАХ

§ 1. Политические отношения в Акки во второй половине XVI века. 67
§ 2. Акки в XVII веке 83
§ 3. Внутриполитическое развитие Акки в XVIII веке 103

Заключение 124

В.И.Марковин

Асрудин Айнудинович Адилсултанов

АККИ И АККИНЦЫ В XVI—XVIII ВЕКАХ

Редактор И. А. Ирисханов. Художник М. Б. Маромаев.
хнический редактор С. П. Ляпатова. Корректор М. А. Еськова

Сдано в набор. 21.05.91 г. Подписано к печати 26.08.92.
Бумага газетная Формат 60x84 1/16. Гарнитура школьная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 7,44. Усл. кр.-отт. 7,77.
Уел. изд. л. 8,49. Тираж 5000. Заказ № 2204.
Цена договорная.

Издательско-полиграфическое объединение «Книга»
ретвенного комитета Чеченской республики по информации и печати.
364907, Грозный, ул. Субботницкая, 33.